

lina lau

СЫН ЗОЛОТОГО НЕБА

Глаза Оракона

С тех пор как великий Драконий Владыка занял свой законный трон Аксаанской Империи минуло уже много лет, но все его попытки объединить разрозненный драконий народ оказались безуспешными — королевства шесс'ен были разобщены, Клань преследовали собственную выгоду, а простой народ страдал от нападков темных тварей, порожденных Бездной.

За ошибки богов отвечать всегда приходится простым смертным, но ошибки ставшего богом для своего народа Императора губительны вдвойне.

Детям Владыки придется столкнуться с последствиями решений своего отца и узнать правду о событиях далёкого прошлого, пока Великие Клань плетут интриги, в жажде свергнуть императорскую семью и самим занять трон.

И да помогут Боги заблудшим Детям Золотого Неба!

Глава 1. Рина Цешши

Это точно была плохая идея.

Рина уже несколько раз успел пожалеть обо всех своих решениях последних лет.

И о том, что импульсивно выбрал себе жизнь странника, предпочтя свободу сытой жизни в роли слуги богатого клана — ну и что, что его там ни во что не ставили?.. *Зато не было этого ежедневного риска головой!*

И о том, что наивно понадеялся на кажущуюся безопасность пути и хорошую погоду, решив заночевать прямо под открытым небом.

Сил Рины уже совсем не осталось, чтобы на своих двоих добираться до ближайшего городка с хоть каким-то постоянным двором. До Кали был ещё день пешего пути, а все остальные поселения находились ещё дальше — даже помощи ждать было просто неоткуда.

На границе Севера и Востока располагались в основном только почтовые станции да военные заставы. Когда-то тут, конечно, было множество процветающих деревень, но это было века назад, ещё до Прорыва, до падения старой империи. Сейчас же торговцы предпочитали речные и морские маршруты сухопутным. Пусть это и дольше, зато — надежнее и больше товара за раз можно перевести. Нельзя винить купцов за их склонность искать наиболее выгодные и прибыльные варианты. И — безопасные.

Быть может, верхом Рина бы и успел добраться до Кали, но коня пришлось продать ещё несколько недель назад, когда закончились припасы и он по глупости своей понадеялся, что помощью своей сможет подзаработать в следующих рыбацких деревушках, усевавших побережье Хашесса вдоль Северного Торгового Пути. Думал он так же там и разжиться новым ездовым животным.

Как бы не так...

Не нужна оказалась его помощь северянам — те сами со всем справлялись или полностью полагались на свои Клань, которые, на удивление, обязанности перед народом исполняли исправно. Прямо-таки чудо какое-то — на Востоке сайши уже давно не обращали внимания на тех, кто не мог щедро заплатить за их помощь. *Наверное, потому ему от них было столь тошно — они забыли, для чего в их руки была дана эта сила.*

...Но особенно Рина пожалел о том, что в своё время не запасся материалами для изготовления печатей, решив, что меча и умения им пользоваться будет достаточно.

Если бы!..

Бумага была дорогим удовольствием и, увы, непозволительно быстро закончилась. Пусть даже начерченных на песке палкой рун хватило бы, но даже на это уже не оставалось времени.

Хорошо хоть Рина сумел вспомнить, что твари почти всегда боялись воды. Если не были водными, естественно. Гулей и прочих речных да болотных духов никто не отменял.

...Ещё никогда в жизни Рина так быстро не бегал.

И не благодарил судьбу за то, что этот участок Северного Торгового Пути пролегал прямо вдоль берега озера. Только великий Хашесс, у вод которого прошло его детство, мог сейчас стать спасением — как и многим поколениям несчастных путников до него. Конечно, мог он нести и погибель — Рина прекрасно знал, как часто тонули в этих пучинах корабли, какая коварная глубина скрывалась под безмятежной, почти зеркальной гладью. В конце концов именно волны Хашесса сделали его сиротой во второй раз, забрав жизнь

наставника, когда тот, сражаясь с водными гуляями, слишком выбился из сил. Рина тогда был далеко, в поместье их господ, и только ощущение того, как из него словно вырвали клок, с мясом, с костями, дало понять о случившейся трагедии. Без наставника Рину там больше ничего не держало....

Так или иначе, альтернатива была ещё более безрадостной.

Озерная вода оказалась холодной, до судорог, но иного было глупо ожидать в конце весны, когда степь только-только зацвела, а Лоо'Шесс[1] не успел ещё светом своих Очей[2] согреть озёра и реки.

Но возможная простуда была где-то там, в будущем, до которого нужно было ещё дожить, а тварь — вот она, ходила вдоль воды, действительно не касаясь её, скалилась, душераздирающе выла, отдаленно похожая на сотканную из тьмы или просто какой-то черной жижи людскую фигуру.

В предрассветных сумерках не удавалось разглядеть получше. Да и накрывший озеро туман не располагал к хорошей видимости.

Это явно не призрак, те не могли взаимодействовать с материальным миром, только пугать да энергию живых высасывать, и то не у всех. Они больше на разум воздействовали, сводя с ума, но правильно изготовленных оберегов они боялись и старательно избегали, а Рина специально носил такой не снимая — тварь даже не обратила на медальон внимания, атакуя.

Это точно не озлобленный мертвец, коих во все времена много встречалось вдоль дорог. Прикопанные разбойниками путники, закономерно несогласные со своей судьбой и не получившие должных погребальных обрядов, они, напротив, были очень даже материальны, и потеря головы, отрубленной ударом меча, стала бы для них фатальной. Этой же твари всё нипочем — меч словно проходил сквозь всё ту же воду, не оставляя никаких повреждений.

...Искаженный?

Если так, то дело плохо.

Конечно, это ещё и значило, что тварь, скорее всего, с рассветом спрячется под сенью леса. Их оболочка, зачастую, к свету была слишком уязвима... Концентрированный поток магии, коим являлись лучи любого небесного светила, был для них губителен. Только тот свет, что был родным для души, не вредил твари — но миры и Светила большинства Искаженных уже тысячи лет как были уничтожены, так что нужно было просто дожидаться рассвета.

Но Искаженные это не те чудовища, с которыми можно справиться без печатей и ритуалов упокоения, которые мало того, что нужно знать в идеале, так ещё и практически невозможно провести в одиночку, слишком много энергии требовало разрушение такой души.

А ещё — хороший конечно вопрос — откуда в глубине страны Искаженный.

Рина, как и все молодые сайши, прекрасно знал, что всех самых сильных тварей зачистили ещё в первые годы после падения старой империи. На это жизнь положили практически все драконы, да и кланы Запада знатно так поредели, но задачу свою выполнили, сдержав натиск тварей.

В последний же раз массовые Охоты происходили, когда Верные шесс'ен только вернулись под золотые небеса А'Ксаана.

С тех пор успело вырасти три поколения, и твари на территории империи встречались только порожденные осознанной жестокостью — призраки, ожившие трупы, темные духи и

одержимые ими звери. Вся хорошо знакомая и без особых усилий для мастера уничтожаемая нежить. Это вам не химеры цав'ен или поднятые ими же драконы!

Но Искаженные души, вырвавшийся из своего заточения в Бездне... Совершенно иной уровень опасности.

Рина знал, ими кишели болота и леса за Циаши, большой рекой, служившей северной границей Империи, и западный склон непроходимых Голубых Гор — Запретные Земли потому и звались таковыми, что туда не было хода никому, кроме членов Багрового Братства.

Не для того по всеми землями страны владели и правили Кланы, постоянно охотившиеся на тварей, чтобы одна особенная ходила под боком у такого!..

Близился рассвет.

Чернильная мгла давно окрасилась в странные, сложные тона зелёного, теперь же на небосклоне стали проступать привычные золотые оттенки. Скоро Шесс'Вод'е выглянут из-за горизонта и туман растает.

А тварь спрячется в сумраке леса.

И можно будет продолжить свой путь...

Но напряжение не покидало тело молодого сайши.

Он чувствовал себя натянутой струной, тревожно дрожащей, неприятно, совсем не благозвучно. Сердце колотилось так, что, казалось, только его неровный стук и был слышен Рине. Холодный пот пропитал тунику, заставил её неприятно липнуть к телу.

Однако, наконец, оказавшись в относительной безопасности, парень смог попытаться взять себя в руки. Сейчас его спасли только вбитые долгими годами тренировок рефлекс, бессознательная последовательность действий, оказавшаяся пока что верной — доказательством было то, что Рина все ещё дышал, а не стал оболочкой для твари или кормом ей же.

Нужно было успокоиться и трезво оценить ситуацию.

И придумать уже, как выбраться из неё живым и, желательно, всё-таки невредимым — жить хотелось до одури.

...Было тихо.

Рина осознал это совершенно внезапно. Неестественная тишина окружала его, словно кокон, плотный и непроницаемый. Это было совершенно не свойственно рассветному часу и не сулило ничего хорошего.

Всё живое спряталось, почуяв угрозу.

Вместе с тем, как стремительно таял туман в первых лучах Шесс'Вод'е, росло и отчаянье Рины, окончательно осознавшего свое положение. Судя по всему, он жестоко ошибся, наивно посчитав, что свет Очей сумеет отпугнуть Искаженного.

Твари было словно бы плевать — менее аморфной она не стала, но, напротив, словно бы даже приобрела некоторую плотность.

Словно бы стала... сильнее.

Как?!

Разве это возможно?

Только истинным детям золотого неба светила дарили силу своими лучами, не мог же быть Искаженный порождением А'Ксаана?

Или мог...?

Мог ли это быть один из воинов, павших в боях с последователями Убийцы Светил и

поглощённых беспросветным Мраком?

Кто-то, живший под Очами ещё до того как сами шесс'ен были созданы своими богами?

Последний осколок Третьей Эпохи...

Громкий, оглушающий, заставляющий оцепенеть в ужасе рев заставил Рину отвлечься от своих размышлений.

Огромная тень на мгновение накрыла его, чтобы промчаться дальше.

Спустя ещё два удара сердца поток ослепительно-жаркого пламени поглотил тварь полностью, испепелил, не оставляя ей и малейшего шанса на спасение.

Конечно, нет и никогда не было ничего жарче драконьего пламени... Не просто так, по преданию, ещё в Первую Эпоху Лоо'Шесс создал души и тела своих детей из пламени и частички своей сути.

...Всё произошло столь быстро, что Рина, признаться, даже не сразу осознал случившееся.

Три драконьих фигуры почти бесшумно приземлились на берегу озера, вытесняя небо и весь остальной мир из поля зрения Рины своей громадой.

Удивительное дело, на самом деле, он-то всегда думал, что эти огромные чешуйчатые туши не были способны не издавать никаких звуков.

И только теперь, в лучах полностью выглянувших из-за горизонта светил парень сумел разглядеть седла на массивных спинах, и всадников, поспешно спешившихся и устремившихся в его сторону.

— Что, малец, успел уже с жизнью попрощаться? — добродушно усмехнулся тот, кто, по всей видимости, был командиром боевой тройки.

Рина же в это время, стараясь не заорать от облегчения, чертил печати, способные высушить его одежду. Всё же расслабляться не стоило, он — человек, а не шесс'ен или тем более какой-нибудь цав'ен, и смерть от переохлаждения точно не входила в его ближайшие планы на будущее.

— Есть такое, господин, — честно ответил Рина.

— Ну ничего... Теперь не пропадешь. Полагаю, Повелителю будет очень интересно выслушать твой рассказ.

[1] «Лоо'Шесс» — Небесный Дракон — один из главных персонажей эпоса шесс'ен. По легенде именно Небесный Дракон создал мир А'Ксаан, и теперь приглядывает за ним, освещая его дневное небо своими глазами;

[2] «Шесс'Вод'е» — «Глаза Дракона» — так шесс'ен называют свои светила.

Глава 2. Рина Цешши

Госпожа Расери, по скромному мнению Рины, была прекраснейшим созданием из всех когда-либо виденных им за всю его недолгую жизнь.

Загадочная полуулыбка не сходила с губ принцессы, но печаль затаилась на дне сиреневых глаз. Вся она, белокожая, тонкокостная, действительно похожая на воспетый в легендах ставший знаменем севера Шие-Си, драконов цветок, казалась дивным видением, светлым духом, юным божеством, истинным ребенком навеки уснувшей Леды.

В своих расшитых золотом светлых одеждах она казалась совершенно неуместной, чуждой здесь, на краю каменной площадки, куда приземлялись драконы патрульных отрядов.

...Рина увидел её не сразу.

После того, как Кайе, командир спасшего его патрульного отряда драконьих всадников, велел Рине собрать свои вещи и отправиться вместе с ними в поместье, парень испытал детский восторг от мысли, что вот так внезапно ему выпала возможность полетать на драконе.

Всадники всегда были элитой, куда набирали лучших из лучших, потомственных сайши. Насколько Рина знал, ныне только один человек смог стать не просто всадником, но командиром боевой тройки, но это было скорее исключение из правил, нежели обычное явление.

Не каждый шесс'ен, ребенок Великого Клана удостоивался чести стать одним из всадников.

Кто-то говорил, что только потомки Эйрена Великого могли седлать драконов, поэтому всю третью эпоху наездниками были только Талэ и их ближайшая родня.

Но так было до Прорыва, а как обстояли дела сейчас сложно было разобраться...

Конечно, подавляющее большинство Всадников служила лично Владыке и находилась в далекой Тау'Ксе. Еще один орден раньше находился к Талурене и подчинялся королю севера... Но после Цавербийской войны, случившейся несколько лет назад, когда большая часть драконов погибла, его расформировали. Кто-то говорил про мятеж выживших всадников, но никаких официальных заявлений по этому поводу не было, потому оставалось только гадать, что же именно тогда произошло...

Тогда же, собственно, Его Императорское Высочество Девон создал собственный орден Всадников, базирующийся ныне в Ваккеш Ати[1], его поместье.

Среди людей было мало относительно мало сайши, а потому даже увидеть краешком глаза символ их империи мало кто мог — только жители столицы, собственно, удостоивались этой чести на регулярной основе. Это шесс'ен в той или иной степени все поголовно могли стать сай'нел, а вот людям на развитие дара может понадобиться не одна жизнь. Конечно, существовали людские кланы сайши, на Востоке после Прорыва их даже стало весьма много, но всё равно на тысячу человек только один мог развить дар. Забавнее было то, что общее количество людей-сайши всего в половину уступало шесс'ен — что очень много говорило, собственно, о том, насколько же много на самом деле в Шесс'Баа жило детей старшего народа[2]. Просто в большинстве своём это были крестьяне и ремесленники. Рина же и сам был такого же происхождения, он лишь истинным чудом познакомился с наставником и стал на путь познания сути мира.

... Тем удивительнее ему, Рине, было вцепиться в седло и тихо молиться Дане, чтобы не свалиться вниз отсюда, из-под облаков — вряд ли его кто-нибудь стал ловить, найти и упокоить его труп было бы некому, а становиться нежитью как-то не хотелось.

Оказывается Рина безумно боялся высоты.

Бивший в лицо оглушительный холодный ветер тоже не добавлял оптимизма.

В общем, наверное, не зря Всадниками становились именно шесс'ен — те были и выносливее людей, и сильнее, и страхом высоты точно не страдали.

Приземление стало самым настоящим спасением. Ощущение твердой земли под ногами казалось новым рождением и настоящим блаженством. Но всё это стало неважно, когда его, пытающегося побороть тошноту и вернуть себе ощущение пространства, привлек к себе нежный тихий голос.

— *Как я погляжу, Кайе, патруль прошел необычно,* — обратилась девушка к командиру отряда на северном наречии.

Лед'ен, говорящая на священном языке цишен... Не услышь Рина это самолично, ни за что бы не поверил в возможность подобного! Но он был здесь и сейчас, зачарованный сюрреализмом происходящего.

...Рина родился и вырос на землях клана Хашур, и только великое озеро Хашесс разделяло их с северянами. Каждый торговец и ремесленник считал своим долгом обучить своих детей языку соседей — даже самый дремучий крестьянин знал, что гордые цишен крайне трепетно относились к своей культуре и своему наследию, а потому отказывались говорить на недостойном человеческом наречии, по недоразумению прозванном «торговым» или же просто «общим» языком.

Рина был сыном гончара, и на северном наречии он говорил и писал свободно. Отец часто брал его с собой на ярмарки в Нояти, и он должен был понимать, что хотели бы от них высокородные господа.

Для Рины этот язык был забытым осколком детства — таким далеким, покрытым дымкой минувших лет...

Таким родным.

— *Всё так, ваше высочество. Нашли и уничтожили Искаженного — тот ошивался неподалеку от Кали, чуть не сожрал мальчонку,* — Кайе слегка подтолкнул Рину в сторону принцессы.

И тогда она посмотрела на него.

— *О, у нас теперь есть новое юное дарование?*

Теперь в глазах принцессы плясали озорные огоньки. Она рассматривала юношу с любопытством и делала для себя какие-то выводы. Рина почувствовал себя неловко под этим взглядом — рядом с ней, с этим прекрасным колдовским видением, было стыдно за свою потрепанную одежду и криво обрезанные волосы.

— *Ну, парень молодец, не растерялся — сиганул в воду, а потом заорал во всех ментальных частотах, дал наводку на тварь, а так бы она шастала бы по лесам и невесть сколько народу сожрала бы, прежде чем кто-то забил бы тревогу.*

— *Вы хоть расспросили его? Может он не стремится остаться в Гнезде.*

— *Да видно же по нему, что бродяга. Потенциал — огромный, а знаний всё же маловато. Доучить бы да пусть служит Повелителю.*

— *Девон и Джейа пока не вернулись из Кса-Цаали. Как вернутся — пусть мальчика представят им. Думаю, тогда пусть наставники протестируют его и определяют ему*

учебную программу. А коли захочет уйти — пусть идёт, но сначала пусть расскажет о той твари Девону.

Рина откровенно не понимал, почему Кайе его выгораживал, словно бы юноша сделал что-то значительное, а не панически молился всем богам и духам, прощаясь с жизнью и иррационально надеясь на чудо.

Которое, в принципе, и произошло.

Заслуги Рины в этом, правда, не было — что бы Кайе про то не говорил.

Впрочем, сейчас ему это было на руку — Всадник явно пекся о его дальнейшей судьбе. Слишком давно никому не было дела до его жизни... Так что ощущать подобную заботу было приятно. Хоть и не совсем было ясно, чем она могла оказаться чревата в долгосрочной перспективе.

Однако идея остаться в Ваккеш Ати была соблазнительной. Здесь, во владении Его Императорского под золотыми небесами библиотека. Одна только она была прекрасным поводом назваться верным псом принца и молить о возможность попасть в неё, даже если ему ради этого придется стирать грязное белье адептов и чистить выгребные ямы.

Но признаваться даже самому себе в этом было не очень приятно. Не столь давно он променял всё, что у него было, на свободу и отсутствие у себя господ, и снова возвращаться в положение слуги не хотелось.

Слишком свежи воспоминания о пережитых унижениях.

Будь жив наставник, всё было бы иначе, конечно, он не позволил бы такому произволу случиться, но теперь благородным господам не было дела до единственного ученика и наследника погибшего выполняя свой долг сайши, тем более что тем учеником был недостойный человек, а не высокородный дишен. В общем, Кайе был прав, говоря что Рина — бродяга, да и наставник изредка говорил, что у него неплохие задатки. Правда, было всё-таки не совсем понятно, зачем Всадник преувеличивал.

— Как тебя зовут, юный сайши? — вывел его из размышлений голос обратившейся к нему на общем языке принцессы.

— *Рина Цешши, моя госпожа.*

Девушка прищурилась. Что, Ваше Высочество, не ждали, что презренный *аниа* может знать хоть какое-то наречие, кроме собственного?

— *Откуда ты, Рина? Какому клану служишь?*

— *У меня нет ни клана, ни дома, моя госпожа. Я служу только себе.*

Отец вряд ли был им доволен, но отец, как и наставник, давно мёртв, и не было смысла лгать и притворяться — своей вымученной свободой Рина гордился, хотя, вероятно, ему суждено-таки её потерять.

Принцесса усмехнулась.

— *Ты хорошо говоришь на языке цишен для того, кто им не является.*

Ах так?

Благоразумие никогда не было его добродетелью!

— *Вы тоже.*

Кажется Кайе рядом икнул, явно не ожидавший, что зашуганный бродяга найдёт что ответить.

Мелькавшие на периферии зрения слуги замерли и все обратились в слух, не желая упустить подробности происходящего.

Напряжение и тишина звенели в воздухе.

...Они были разбиты тихим смехом принцессы.

— *А ты дерзок, идо Цешши. Ты понравилась Девону. Будь гостем в этом доме.*

За неделю жизни в Ваккеш Ати Рина понял, что это место было по-настоящему особенным. Оно казалось островком другого мира, другого уклада, чем-то жившим по собственным законам и правилам, находившееся вне привычных ему рамок. *Жители поместья не боялись за своё будущее.*

И это было потрясающе.

После двух долгих лет странствий возможность расслабиться и отдохнуть, не беспокоясь о собственной безопасности, о пропитании, о завтрашнем дне в принципе, казалась Рине настоящим подарком небес.

Видимо, есть-таки боги в мирозданье, коли его молитвы оказались услышаны.

Рина, помимо прочего, наблюдал за повседневной жизнью обитателей поместья и делал выводы, подмечая разные детали.

Здесь было много людей.

Шесс'ен к старшему народу относились со снисхождением, считая *аниа* примитивными, неспособными в большинстве своем к искусству познания аши.

Конечно, в Диорене, например, жило множество разных народов и их полукровок, но это было скорее исключением, нежели правилом, и точно являлось результатом политики Диалори, а не Великих Кланов. В конце концов второй расцвет город получил именно при правлении Королевы Мии, вновь став крупнейшим поселением во всей империи.

Северяне, в принципе, тоже были терпимы к другим народам, пока те не посягали на их культуру и священные традиции, но к светлым народам они относились с подозрительностью и опаской. Цав'ен же, хоть и воевали с А'Ксааном с достойным лучшим применением усердием, были-таки цишен роднее, поклоняясь тем же богам, что и дети золотого неба. Так что обилию тех же цавербийцев в северных городах удивляться не стоило, как и наличию трех независимых городов-колоний цав'ен на границе с Проклятыми Топями.

Но тут, в Ваккеш Ати, обилие народов, говоривших на северном наречии, живших по северному укладу и не испытывавших от этого никакого дискомфорта, поражало.

Принцесса была единственной чистокровной лед'ен, но её личными слугами были пятеро ледани, и еще столько же были Всадниками, и никто не косился на их бледные лица, так выделявшиеся на фоне смуглокожих шесс'ен и загорелых людей.

Были здесь ещё несколько цав'ен и даже трое нет'ен! Эти то вообще почти не покидали собственный мир, за пределами которого им было тяжело жить из-за специфики собственной энергетической системы.

И все слуги и сайши относились к своей госпоже с очевидным и вполне искренним почтением — вот уж чего сложно было ожидать, учитывая многотысячелетнюю историю вражды спящего и драконьего народов. А уж отношение к прямому потомку легендарного Литы и вовсе должно было быть однозначным, но поместье обожало прекрасную супругу своего хозяина, и она отвечала им тем же.

Она с почтительностью относилась к культуре цишен, подчеркнуто разговаривая с ними на их языке, и называя столицу не имперским её наименованием, а народным — Сердце Севера всяко красивее Окровавленной Крепости[3]. Она исправно жгла благовония в храме Даны, каждое утро отстаивая богослужения, прекрасно разбиралась в жизни поместья и управляла ею, а в отсутствие супруга — и его орденом.

Из разговоров слуг и сплетен стражи Рина узнал, что принцесса и сама была сайши. Да, не самой сильной, зато весьма образованной, и получше многих разбиравшийся в теории. Её, одну из главных драгоценностей Ваккеш Ати, конечно, никто бы не пустил на Охоту, зато она прекрасно могла эту Охоту организовать.

И организовывала.

Говорили, принцесса училась в той же школе, что и некогда сам Владыка.

Говорили, её туда сослал собственный отец, пожелавший избавиться от ненужной дочери, которая сумела там не просто преуспеть в учебе, а ещё и подружиться с Её Императорским Высочеством Арекой, которая и познакомила принцессу со своим братом, что спустя несколько месяцев привело к свадьбе и выгодному союзу Империи с королевством Расери.

Впрочем, настоящим сокровищем Ваккеш Ати была другая принцесса.

И её Рине даже посчастливилось увидеть всего один раз, во время его прогулки по саду, когда юная непоседа сбежала от наставников и спряталась от них на дереве, заговорщически поглядывая пурпурными глазами на него, словно бы прося не выдавать.

Алаи Талэ.

Дочь Её Королевского Высочества Олы и Её Императорского Высочества Девона.

Первый и единственный прямой потомок сразу и Литы, и Эйрена, легендарных первых Владык своих империй.

Резвой, боевой девочке пророчили великое будущее.

Она бегала за своим драконом, лилового окраса птенцом по имени Айна, и играла с ней так, словно бы обе они были крылаты. Они понимали друг друга с полу взгляда, и проказничали, будучи везде и нигде.

Головная боль слуг и отрада всех Вакке...

Смотря в смеющиеся глаза маленькой принцессы, Рина понимал всех жителей этого поместья — он отсюда никуда не уйдет.

Он будет защищать этот юный цветок до последней капли крови.

За их общее будущее.

Так незаметно минула неделя и настал миг, когда должна была решиться его судьба.

В поместье вернулся его хозяин.

Да этого времени Рина всячески старался избегать мыслей о Повелителе Ваккеш Ати. Об императорской семье он был более чем наслышан, и, как и полагается добропорядочному жителю империи, Владыку и его потомков боялся и предпочитал их боготворить издалека.

Но сейчас встреча была неминуема.

Впрочем, судьба, если таковая и существовала, снова решила посмеяться над ним, обманув все ожидания — реальность, как всегда, оказалась гораздо неожиданнее и интереснее.

Зайдя в сопровождении стражи в кабинет хозяина поместья, Рина оказался не готов к тому, что увидел.

Будущим Владыкой Севера оказался щуплый, невысокий шесс'ен. Он казался хрупким, болезненным, каким-то эфемерным, даже на фоне собственной супруги. Боги, да Её Высочество была выше его на добрых полголовы!

Его Императорское Высочество сидел за своим рабочим столом, заваленным какими-то бумагами. На подлокотнике его кресла, положив голову ему на плечо, сидела Её Высочество,

что-то шепча супругу на ухо. За их спинами возвышалась фигура того, кого в народе прозвали Тенью Наследника. Саи-ри принца, идо Джейа Диасси, внимательно следивший за каждым движением Рины и явно готовый быстро и аккуратно уменьшить его рост ровно на голову, в случае если юноша решит причинить вред его господину.

Принц же тоже разглядывал Рину, но больше с любопытством.

И это тот, о ком слуги говорят почтительным шёпотом?

И это тот, кого северяне признали своим господином и с гордостью называли Шессо'Цаали?

Это...?

На какое-то ничтожное мгновение Рина поймал взгляд принца и понял, наконец, почему же Север перед ним склонился.

Глаза — отражение души, не так ли?

На дне глаз Шессо'Цаали бушевала буря, простиралась бездна, грозящая поглотить, разорвать, подчинить, растворить в себе. Что за сила таилась в обладателе этих глаз? Что за боги благословили его?

Воистину, не суди книгу по обложке.

Рина склонился в почтительном приветственном поклоне.

— Ваше Императорское Высочество...

Но договорить ему не дали.

— Ещё один... — страдальчески протянул принц, поворачивая голову к супруге. — Ола, сердце моё, ты где это чудо откопала?

Принцесса улыбнулась.

— Собственно, это не я, а Кайе. Как тебе уже доложили, он со своими ребятами патрулировал территорию озера, когда идо Цешши указал им на местонахождение Искаженного. Они же и решили привести юношу к тебе, чтобы ты решил, что с ним делать.

— Хм... Хорошо. — Принц прищурился, взгляд его стал пронизательным, цепким. — Ну, идо Цешши, излагай свою версию событий.

— Да, милорд.

И Рина рассказал. Всё как было на самом деле, не видя смысла приукрашивать — и как испугался словно сопливый мальчишка, и как чудом вспомнил про воду, в которой можно спрятаться, и как оказался в безвыходном положении, когда с восходом тварь не поспешила спрятаться в тени, а стала сильнее. И как его спасли Всадники...

— Значит, на самой границе с Востоком... — протянул принц, пока принцесса стала заплетать его длинные волосы в косу. — Тебе повезло, что всё произошло на моей земле — иначе Кайе не имел бы права вмешиваться, а то восточные кланы опять устроили бы истерику. Почему-то они искренне уверены, что мне жизненно необходима их выжженная степь и их нищие города.

Саркастичная манера речи Его Императорского Высочества пришлась Рине по душе — принц перестал казаться каким-то жутким созданием, в противовес своей супруге, а показался теперь обычным молодым мужчиной, не лишенным своеобразного юмора и внимательного к проблемам ближних своих, коими, по всей видимости, считал всех своих подопечных в лице обитателей поместья.

Но не задать очевидный, глупый даже вопрос Рина не мог — к нему его явно подводили.

— Милорд, но разве тогда тварь не была бы проблемой восточных кланов?

Кажется Его Императорское Высочество был любителем монологов.

Идо Диасси, кажется, посмотрел ободрительно.

Ему понравилось поощрение словоохотливости принца Риной...?

— Эх... Все проблемы империи именно от этого — никому нет дела до бед соседей, никто не хочет объединяться, чтобы защищать простой народ от тварей. Боги и власть имущие раз за разом совершают ошибки, а расплачиваться за них, как всегда — простым смертным. Грустно всё это, — кажется конкретно данный монолог был давно подготовлен и просто ждал своего слушателя в ком-то, кто не был жителем Ваккеш Ати и не слышал его уже. — Нет, идо Цешши, порождения Бездны — наша общая проблема, и я хотел бы иметь возможность защищать от них всех, вне зависимости от того, какой клан правит той землей. Очевидно же, что клан, со своей задачей не справляющейся, зато исправно грабящий собственной население, раз за разом повышая налоги. Просто так такое количество переселенцев не хлынуло бы на север в поисках лучшей жизни, они же знают, что северяне диошен ныне едва терпят. Впрочем, не нам их судить.

— В любом случае, почему Вам было так важно услышать мою собственную версию событий?

— Очевидно, для того чтобы оценить твой уровень и понять, что ты из себя представляешь. И Кайе, и Ола просили оставить тебя в поместье. Они искренне верят, что из такого недоучки как ты можно слепить толкового сайши.

Правда была наотмашь, но слышать её было приятнее, чем необоснованную похвалу — недоучкой он и был, кем ещё?

— Вы считаете иначе?

— А ты хочешь остаться в Ваккеш Ати? — что за дурная манера высокородных господ отвечать вопросом на вопрос? — Ты до одури боишься высоты, не желаешь быть слугой и безумно дорожишь своей свободой, даже если она вызывает у тебя определенные трудности.

Как он всё это понял?

Когда успел?

Неужели слухи не ввали и принц действительно читает души подобно открытым книгам?

— Я... — у Риной пересохло горло. — Мне очень понравилась жизнь в Поместье, милорд! Но... Я не думаю, что смог бы стать его частью.

— Почему же?

На правду — правдой.

Рина понимал, что это всё — формальность.

Что его судьба была решена в тот самый миг, когда он впервые ступил на землю принца.

...Когда увидел принцесс...

— Цишен же не берут учеников из аниа.

— Я — не цишен, — голос принца стал подобен стали, и было в этом что-то болезненное, принцесса даже отпрянула от супруга. — Я — сын золотого неба А'Ксаана, все мы его дети.

— То есть...

— То есть — мне всё равно на происхождение, расу, пол и возраст адептов моего ордена, пока они верой и правдой служат мне и помогают мне защищать этих бестолковых созданий, по недоразумению называемых разумными. По-настоящему талантливых и способных сайши среди людей немного, всё-таки, у нас очень специфичная система обучения, да и развитие меридианов своеобразное. Если я что-то от своего отца и

унаследовал, то это способность находить таланты. У тебя есть хороший потенциал, но знаний у тебя катастрофически мало. В моих силах дать тебе эти знания. Ты не выживешь в этом огромном и равнодушном мире самостоятельно. И это стало бы пустой тратой способностей, терпеть такое не могу. Оставайся в Гнезде, и орден станет для тебя семьей, которой ты лишен и которую ты так отчаянно ищешь.

[1] *Ваккеш Ати* — «Воронье Гнездо» — поместье Девона Талэ.

[2] *Старший народ* — люди. Человеческая раса является древнейшей из существующих на момент повествования, не считая драконов.

[3] Кса-Цаали переводится как «сердце севера», именно так цишен именуют свою столицу, отказываясь принимать данное империей её название «Талурен», что, собственно, и переводится как «кровавая крепость» и является историческим названием того поселения.

Глава 3. Шани Талэ

День рождения Императора было принято праздновать с размахом.

В этот день храмы были заполнены толпами прихожан, воздух становился сизым от дыма благовоний, а пожелания долгих лет Владыке звучали вместо приветствий. Улицы расцветали ярмарками, бродячие артисты устраивали представления, развлекая народ, коему полагалось радоваться, отдыхать и молиться за здоровье Его Императорского Величества.

Праздник охватывал все бескрайние земли империи — от громадных торговых городов до захудалых деревушек, всё украшалось алыми цветами и черно-ало-золотыми знаменами.

Но, конечно, наибольшего размаха празднование достигало в столице империи, прекрасной древней Тау'Ксе, пережившей сотни своих владык, заложенной ещё самим Эйреном, родоначальником Дома Талэ.

И, конечно же, в императорском дворце в этот день собралась вся верхушка шесс'ен на торжественном приеме. Главы Великих Кланов и их наследники, вся элита их общества.

И Шани, как идеальному Наследнику Империи и любимому сыну своего отца полагалось всем улыбаться и быть любезным, смотря, как лебезили перед ним все эти подхалимы и лжецы, в жажде получить себе его расположение.

Все они хотели получить себе выгодное место при будущем Владыке.

Все они лгали.

Все они считали его глупцом, не замечавшим их манипуляций.

Все они были просто отвратительны.

Усилием воли Шани не позволили себе поджать губы — его лицо должно быть приветливым и доброжелательным, иначе царственная матушка расстроится, ведь его неудовольствие, увы и ах, высокородные господа могли принять на свой счет.

Матушку расстраивать не хотелось.

Совсем.

Он продолжал разглядывать гостей праздничного приема, выискивая знакомые лица — хоть кого-то, кому можно было доверять и рядом с кем можно хоть немножко ослабить бдительность и перестать контролировать каждое микродвижение мышц лица.

Увы — контроль над собой никогда не был добродетелью Шани, так говорил его царственный отец. Впрочем, он же говорил, что это недостаток, подобный самой юности, ею же и порожденный — он пройдет с годами.

С опытом.

А пока сей опыт нужно было нарабатывать.

Утешало только то, что для его отца всё это творящееся вокруг безобразие тоже было неприятным и отталкивающим, он всегда предпочитал поле битвы всем этим политическим подковерным играм, и видеть полный гостей зал ещё одним сражением, просто умственным, он отказывался, хотя матушка и пыталась его в этом убедить.

Безуспешно.

Сама же матушка в бесконечном блеске золота, в алых шелках, расшитых черными драконами, чувствовала себя в толпе высокородных господ совершенно естественно, и, кажется, получала истинное удовольствие от их компании.

Страшная женщина.

Его царственный отец считал так же, пусть никто, кроме самого Шани и его братьев, не видел того благоговения во взгляде, который он бросал на свою супругу.

Впрочем, все всегда смотрели на Императрицу, где бы она не появилась.

Золото глаз и буйные рыжие кудри тому очень способствовали, и в своих алых платьях она была похожа на ожившее пламя, прекрасная и смертоносная, способная спасти и уничтожить без всякой жалости.

Женщина-огонь, единственная, кто оказалась достойна стоять не за спиной, но плечом к плечу с Владыкой.

И даже спустя многие десятилетия с их коронации она продолжала купаться в восхищении и народной любви, ничуть того не стесняясь.

...На фоне их матери Никко, сама по себе яркая, талантливая, просто потрясающая, всегда терялась.

Старшую сестру Шани жалел — она, такая же красавица, такая же умная, образованная и начитанная, почти никогда никем не воспринималась всерьёз. Хрупкая и не склонная к насилию, в мире, где всеми правили сайши, она была для всех пустым местом, ведь не было в ней ни магических способностей каких-то выдающихся, ни желания их развивать.

Впрочем, если что по-настоящему досталось Никко от матери кроме волос, так это несгибаемый характер — себя жалеть она не позволяла, и, несмотря на тщетность всех своих попыток, продолжала заставлять всех вокруг считаться с собой.

И Шани недооценивать сестру не спешил — она была одной из немногих, кто по-настоящему и бескорыстно относился к нему с добротой и теплом, хотя, если так подумать, оснований на то у неё не было.

...Став Императором, Шани обязательно сделает сестру ответственной за вопросы науки и образования, она в этом побольше многих понимала!

Сама же Никко нашлась ожидаемо в компании Цоноры и ещё стайки высокородных девиц, предпочитавших ум грубой силе и потому вызывавших молчаливое неодобрение со стороны человеческой половины знати и недоумение со стороны шесс'ен — по их мнению девушка была или сайши и если кто-то пытался ей диктовать какие либо правила закономерно огребал, или сайши она не была и тогда участь её — ублажать чужой взор или руководить прислугой и управлять бытом, а не науки изучать и говорить о вопросах политики, это привилегия господских жен.

В общем, в жажде знаний и признания их заслуг Шани сестру и её единомышленниц всячески поддерживал, и вовсе не потому, что они вызывали в нем симпатию куда больше, чем холеные лицемеры и ханжи, Лордами именующиеся. Да-да!

...Цонору ему тоже было жаль.

Юной цавербийской царевне пришлось отвечать за глупость своих братьев и отца, став гарантом мира и невестой Веарди. Осенью, как только ей исполнится восемнадцать лет, должны были сыграть свадьбу и окончательно закрепить договор между цав'ен и шесс'ен.

Но даже после семи лет жизни Цоноры при дворе, на неё продолжали косо смотреть.

Для всех она была дикаркой, пусть и знатного происхождения, и не хотели эти высокородные господа вспоминать, что цав'ен и шесс'ен были братскими народами.

Девон точно был бы в ярости от такого.

Впрочем, разве он и не был?

Шани был однажды в Ваккеш Ати и видел царившие там порядки.

В поместье брата ему понравилось намного больше, чем при дворе, и он с удовольствием остался бы там жить, отказавшись от всех титулов и привилегий, но кто бы ему то позволил?

Даже мечтать о подобном Шани не смел.

Слишком большая на него была возложена ответственность.

А потом взгляд Шани выловил ещё одно яркое, а вернее светлое пятно — Ола. Его замечательная невестка, чудесная супруга Девона, разрешившая называть себя *а'шати*. Она и относилась к нему, как к младшему брату, без обиды и злости, которые нет-нет, но мелькали в отношении Веарди и Ареки. Девону, казалось, было всё равно, но он всегда был не от мира сего и понять, что творилось в его душе мало кому удавалось. Хотя брат тоже относился с теплотой и, может Шани себе это и придумал, но в его глазах порою вспыхивала даже какая-то гордость...

И печаль.

Отчаянно любя своих братьев и сестер, Шани действительно расстраивался, получая порою в ответ равнодушие или даже пренебрежение напополам с завистью, хоть это и бывало редко.

Чаще именно равнодушие.

А оно больше всего ранило.

Ола равнодушной не была. Она рассказывала ему легенды своего мира, о Лите и Найи, с Тау-Ри-Эвен, где она проучилась несколько лет и где познакомилась с Арекой и Девонем.

Ола была роднее его кровных сестер.

И тем внимательнее Шани стал наблюдать за ней, стоило увидеть, как к его сестрице подошел Риен.

Вообще, даже учитывая их статус, Шани должен был на официальных мероприятиях, как это, называть Риена Шисэ и титулу, либо же просто старшим братом — ведь тот им действительно был. Но он отказывался выказывать этому бесчестному человеку подобное уважение. Обойдётся!

Этого своего брата, пусть и двоюродного, Шани не выносил.

Высокомерный и избалованный, Риен вобрал в себя все пороки своих предков, не получив от них ни одного достоинства. И как только это отродье могло быть сыном его замечательной тётушки Мии?! Даже дядюшка Вейли, её супруг, про которого ходили нелестные слухи, всё равно умел сохранять лицо и не позорить семьи столь открыто и вызывающе.

Сразу было видно, что не Талэ воспитывали Риена — тётушка не допустила бы такого никогда. В конце концов. Шани был знаком со многими её учениками, педагогический опыт у неё был более чем богатый, и взрастить достойного члена общества она более чем могла. Но, очевидно, ей это не позволили.

Или же она сама не захотела возиться с детьми, предпочтя заботу о государстве — печальная, неприятная, но от того не менее реалистичная вероятность.

Тётушка всегда страдала тем, что ставила долг выше чувств, а долгом её была именно страна.

Оставалось только надеяться, что с Риеном случится очень несчастный случай, и на престол Востока после дядюшки Вейли взойдёт его с тётушкой младший сын Леан.

Вот этот двоюродный брат Шани нравился.

Полная противоположность Риена, он даже внешне не так уж и похож был на Шисэ — его каштановые волосы, совсем как у тётушки, струились по плечам и спине мягкой волной, а смуглая кожа золотилась в лучах светильников.

Леан нашёлся в компании Никко и Цоноры — когда только успел? Они над чем-то смеялись и выглядели юными и беззаботными, не скованные венцом наследника.

Шани им даже завидовал.

Он тоже хотел — так.

Но так — не будет.

Если только не родится ещё один у него брат, в пользу которого можно будет от всего отречься. Но это очень вряд ли — матушка чуть не погибла, даря ему жизнь. Порою, фонтанируя раздражением и язвительностью, Арека обвиняла его в том — что рождение его было ошибкой, что он чуть не погубил сердце всей их империи.

Несправедливо.

...Но Ареки здесь не было.

И вряд ли она когда-то снова появится под сводами императорского дворца, рассорившаяся с их царственным отцом и сбежавшая на Леду, забрав у Девона титул главного разочарования семьи.

Да, Ареки сегодня здесь не было.

Но Шани — был.

И явно задумавший недоброе Риен — был.

А вот способный окоротить зарвавшегося двоюродного брата Девона, совсем недавно мелькнувшего возле дальних колонн залы, в пределах видимости не наблюдалось. Небось снова сославшись на усталость и головную боль, сбежал вместе со своей тенью в город, веселиться уже без условностей, неизбежных для всех высокородных детей.

Предатель.

Мог и подождать.

Или вообще не бросать свою прекрасную жену на растерзание этим шакалам... Или же слухи не врал и он действительно стеснялся их с Олой разницы в росте? Но ведь это так глупо!

...Так или иначе, ситуацию нужно было проконтролировать.

— Неужели даже наш *прекрасный северный цветок* посетил сегодняшней праздник? — скривил губы в неприятной улыбке Риен, не утруждая себя положенными по этикету приветствиями, видимо, считая, что принцесса, к которой он обращался, этих формальностей недостойна. Какая наглость! Она была равной ему по статусу, и старше по возрасту, он не имел права так себя вести! — Неожиданно, учитывая, что ваш супруг в опале.

О давнем конфликте Девона и Риена было известно многим. Наглец осыпал принцессу колкостями и завуалированными оскорблениями на её же свадьбе, а после, напившись, делал ей возмутительные предложения.

Дело почти дошло до дуэли...

Риен, протрезвевший и подначиваемый своей бабушкой, королевой-матерью Востока, принял вызов, искренне уверенный в собственной победе, но когда отстаивать часть Олы вместо своего саи-ри вышел Джейа, Риен, струсив, заявил, что признавал своё поражение и готов был принести извинения — звериная жестокость Ворона в вопросах защиты Девона давно стала притчей во языцех и испытывать судьбу было глупо. Идо Диасси мог спокойно расчленил наглеца в несколько движений и не понести за это никакого наказания — он был

бы в своём праве.

Понял это и Риен, но не пожелал забывать собственного унижения, затаив на Девона злобу и всячески пытаясь очернить его в глазах дворян.

Получалось с переменным успехом. Всё же даже сама по себе свадьба Девона и Олы была одним большим скандалом, учитывая все обстоятельства и то, что страна находилась в тот момент в состоянии войны. Невесть как брат вообще получил отцовское благословение, если получил!

Но, в конце концов, Девон перехитрил сам себя, вступивших за мятежных всадников, чей бунт он подавил.

Их царственный отец, конечно, за закрытыми дверями такой бескровный способ решения проблемы одобрил, но оставить неповиновение будущего короля севера безнаказанным не мог.

Опалу Девона Риен воспринял с восторгом.

Глупец!

...Ола же сейчас была образчиком спокойствия и умиротворения — словно бы высеченная из белого мрамора скульптура прекрасного юного божества.

— Отчего же мне не посетить сие мероприятие, коли и меня, и моего супруга всё же пригласили сюда?

— И что, вы даже не жалеете о своем неудачном выборе?

Ола же лишь презрительно фыркнула.

Шани, кипя от негодования, устремился к невестке. Сейчас он отвадит от неё этого бесчестного человечешку!

— Оставьте свои домыслы при себе, фре Шисэ, меня абсолютно всё устраивает, как и моего супруга.

А Риен всё не сдавался, хотя его цели продолжали оставаться загадкой — столь дерзко нарываться на конфликт посреди празднества в императорском дворце...

Идиотизм.

— Как вас может устраивать больной мальчишка? Он же...

Улыбка Риена стала ещё более неприятной, но Ола оборвала его, не дав договорить.

— Он — Талэ, сын нашего Владыки, мой добрый друг, и, в отличие от вас, он умен и талантлив, а вот вы можете и поплатиться за свой длинный язык.

— И что вы мне сделаете?

Ничего.

Она — ничего.

Ола — лишь жена нелюбимого при дворе Наследника Севера, иноземка, вечно чужая в столице империи, дитя вражеского народа.

Это в Талурене её любили, это в Ваккеш Ати её боготворили, но здесь, в императорском дворце, в самом сердце Тау'Ксы, она была никем, она была совершенно беспомощна — потому что даже если бы Девон успел заступиться за свою супругу, а он находился в этот момент невесть где, это в итоге ничего бы не дало. В конце концов, что такое опальный сын Владыки против сына его любимой сестры?

И Шани вмешался.

— Моя *сестрица*, вероятно, и ничего не может сделать, зато я — могу, — прошипел он, оттесняя Олу себе за спину, и пусть она была выше его почти на голову, так он был спокойнее за неё. — Как минимум выводы о том, что *люди* восточного королевства не знают

своего места. И умом, увы, не обладают, раз их наследник так жаждет поссориться с будущей хозяйкой Севера. Мой царственный отец уважает женщин и прислушивается к их мнению, что и тебе бы не мешало. Выставлять себя посмешищем и позорить свою семью не достойно высокородного шесс'ен, — пригвоздил словами оторопевшего дядюшку Шани и, сощурившись, добил. — Ах... погодите! Ты же им не являешься, Риен!

Не обращая внимания на всех, кто их, в любопытстве своем, окружил, Шани взял Олу за руку и повел к Никко и Цоноре. Леан уже покинул их, подобно Девону скрывшись в неизвестном направлении, но так даже лучше. А сильным девушкам стило держаться вместе. Попробайся кто хоть слово сказать в сторону их невестки в Никко, она сожрала бы их без остатка, только косточки бы выплюнула — так или иначе, сестра тоже была готова защищать свою семью до конца.

И хоть в своем поступке Шани не раскаивался, он прекрасно понимал, что ответить за свою собственную дерзость придется — всё-таки он грубо нарушил все те обещания, что дал матушке перед приёмом.

И всё же...

Нет, он не раскаивался.

Он бы прав.

Но, как заведено в мироздании, наказание невиновных и награждение непричастных были неизбежны.

— Твоё поведение недостойно, Шани.

Поджатые губы матушки — уже наказание.

Огорчать её Шани не любил, особенно учитывая, сколько надежд на него возложено и которые любыми правдами и неправдами приходилось оправдывать.

Но...

Но! Правда — важнее.

Он — прав.

Значит всё того стоит!

— Значит, я должен был промолчать и остаться в стороне? — голос его был спокоен и почтителен, но взгляд — глаза в глаза — вызывающим и упрямым.

Но матушка тоже была не так проста.

— Именно это ты и должен был сделать, — вздохнула она устало, глядя на него, как на неразумного маленького ребёнка, хотя он уже был взрослым! Как он мог быть достаточно взрослым, чтобы осознавать всю возложенную на себя ответственность, но недостаточно — чтобы с ним начали считаться?! — Как бы то ни было, ты не можешь на пустом месте ссориться с наследником Дома Шисэ...

Пустое место...

Пустое место?!

Замечательная, светлая, добрая, прекрасная Ола — пустое место?!

— Значит, Ола и Девон для тебя — пустое место, матушка? И я должен был спокойно смотреть, как этот бесстыдник хамит моей невестке и оскорбляет моего брата?

— Шани...

— Не ты ли меня учила, что семья — это главное, и в единстве наша сила? Что важно держаться друг за друга, защищать друг друга? Или, когда в дело вступает политика, всё это перестаёт иметь значение?!

— Ты ещё слишком юн и резок в суждениях, — ударила матушка по больному. — Конечно, семья — это главное, но Риен тоже часть нашей семьи.

Нет.

Этот кусок драконьего навоза — и есть чужак!

Шани никогда не признает его частью семьи.

Его таковой не признает даже тётушка Мия, а её суждениям Шани привык доверять.

— А Ола и Девон — нет?

Хотелось закричать.

И расплакаться.

Почему матушка не понимала его?

Почему она говорила все эти ужасные вещи?

— В любом случае, будущему Владыке не престало столь откровенно выражать свою неприязнь к одному из Наследников, тем более своему старшему брату, — матушкин голос смягчился, но Шани от этого не стало менее больно. Он не хотел признавать поражения, он был прав, но он не знал как доказать это, матушка его просто отказывалась слушать! Он знал, что это было недопустимое поведение! Но! Семья! Важнее! — Это может очень плохо сказаться на его подданных. И уж тем более тебе не следовало подчёркивать превосходство шесс'ен надо аниа. Кто-то может решить, что политика равенства всех народов — пустой звук.

Ах, политика.

Как же Шани понимал отцовскую ненависть к ней.

Как же он ненавидел её сам.

— Я просто воспользовался уязвимостью Риена, как ты и учила, — решил зайти он с другой стороны. — Он очень болезненно относится к тому, что остальные высокородные господа на Западе относятся к нему с презрением из-за того, что он — человек. Я ударил по его больному месту, чтобы он в следующий раз дважды подумал, прежде чем повторять свою ошибку.

Как матушка его и учила. Что же на это она скажет, а?

— И всё же, клан Шисэ намного многочисленнее, чем Талэ, Восток богаче нас, и запросто может пожелать самостоятельности. Твои действия могут спровоцировать войну.

— Ты думаешь, что Девон просто проглотил бы оскорбление? — не выдержал Шани. — Почему ты не думаешь, что действия фре Шисэ могли спровоцировать конфликт между Севером и Востоком. Или...

Страшное озарение накрыло его.

Как же всё просто.

Как же всё ужасающе.

Матушка...

— Шани...

— Или, по-твоему, сцепись дишен с цишен, это было бы и неплохо?

Его голос дрожал, с повышенного тона он перешёл на шёпот, отказываясь верить в своё открытие.

Его матушка не могла.

Не могла.

Это слишком цинично и расчетливо, это...!

...Это очень на неё похоже.

— Ты слишком остро реагируешь.

— Матушка, ты говоришь мне, что хотела допустить вероятный конфликт двух могущественных королевств! В котором погибли бы тысячи невинных!

— Конфликт двух могущественных Королевств, в каждом из которых сильны вольнодумные настроения и каждое из которых могло бы пожелать независимости от Тау'Ксы, являющиеся давними союзниками, и, объединившись, они могли бы смести нас, а это недопустимо.

— Неужели твой собственный сын для тебя... Враг?

— Нет, но... кто знает, что в его голове. Да и пожелай мятежники свободы от Тау'Ксы, твоего брата убили бы первым делом. Так что пусть он лучше собачится с Риеном, но живой и здоровый. Мия и Руни не позволят случиться полномасштабной войне, а, в случае дуэли, вместо Девона сражаться снова будет Джейа. А он хороший мальчик, он способен и защитит твоего брата, и не зайти слишком далеко в дуэли.

Что-то безвозвратно сломалось в Шани.

Так нельзя.

Так недолжно было быть.

Он — прав.

Он — поступил правильно.

Просто весь окружающий мир и создания его населяющие — сумасшедший.

Когда через несколько дней сообщили, что во время празднований кочевники самым дерзким образом совершили набег на Хэлисс и разорили его, Шани даже не удивился.

Этот мир — безумен.

Глава 4. Веарди Талэ

Это была обычная ночь. Совершенно такая же, как и сотни, тысячи других до неё. Равнодушная Иса давно скрылась за багровым горизонтом. Только мерцающие точки звёзд, слишком далёких, слишком крохотных, наблюдали за Ледой с беспокойством и беспомощностью — они не могли никак помочь своей заблудшей дочери.

...Было тихо.

Слишком тихо.

Неестественно тихо.

Он настороженно замер в своей постели, неспособный заснуть из-за сжавшей сердце тревоги, скованный собственными плохими предчувствиями. Они, увы, всегда сбывались.

Ему было безумно страшно, хотя матушка, заснувшая, пока рассказывала ему сказку, никаких признаков беспокойства не выказывала. Сон её был безмятежен и крепок.

Стелившаяся по полу вместе с темнотой, клубившаяся в углах, насмешливо притаившаяся за окном тишина была абсолютно противоестественной.

Леда не умела молчать.

Ночные создания всегда подавали свой голос — в затыжном ли волчьем вое вышедших на охоту стай, в песнях ли цикад и уханье сов, в хлопании ли крыльев всех иных птиц и истошном писке пойманных хищниками зверей...

Но их не было.

Ничего не было.

Ни-че-го.

И он потянулся было к матушке, желая разбудить её, попросить обнять себя, спрятаться от всего мира в кольце её нежных рук. Может быть слыша стук её сердца он сумеет успокоиться и отогнать собственные дурные предчувствия...

Как всё-таки хорошо, что отец задержался сегодня на Совете. Будь он дома, матушка непременно была бы с ним, и уже нельзя было бы прижаться к её теплому боку, считать её дыхание — несмотря на свои юные годы, он уже был обучен счёту, правда! Матушка научила...

А вот своего сурового отца он побаивался. Все про него говорили, что он замечательный человек и сильный лидер, который вел их народ в светлое будущее. Он ещё не понимал до конца, что именно значили эти слова, но матушка говорила так же, а ей он верил.

Всегда верил.

Всегда...

...Вдруг на улице послышался громкий крик. Воинственный звук сигнального рога пробудил безмятежно спавший до этого город.

Нападение.

Но как?

Как?!

Зоркоглазые дозорные не могли пропустить чужих кораблей, они замечали даже мелкие лодочки, и полная темнота им помехой не была.

Матушка встрепенулась, проморгалась.

— Итэщ, что случилось?

Его короткого ответа было достаточно, чтобы она сбросила с себя остатки сна и вскочила на ноги, бросившись узнавать подробности происходящего и помогать защитникам города.

— Рог.

...Они налетели на город из ниоткуда — иноземные колдуны в черных масках.

Они не грабили дома и продовольственные склады, не требовали чего-то — они просто убивали, резали всех без разбора, словно бы весь город был одной большой кровавой жертвой какому-то злобному богу этих колдунов.

Не зря так ныло от тревоги и дурных предчувствий **его** юное сердце.

Он услышал растерянный, испуганный вскрик и узнал его — матушка, там, в коридоре.

Плюнув на здравый смысл, на собственный страх и понимание того, как глупо поступал, **он** бросился к ней, к самому светлому, самому любящему **его** существу своей короткой детской жизни.

Колдун почти сливался со тьмой коридора, **Итэш** даже не сразу его заметил — **он** сразу бросился к матери, увидев, как по светлой ткани её платья расплзлось тёмное пятно.

Он не хотел верить глазам, но запах, тяжёлый, металлический, подтвердил увиденное — матушка ранена, матушке нужна помощь.

Но **его** ли помощь?

Сможет ли **он**, справится ли?

Он попытался зажать её рану, чтобы она смогла продержаться до прибытия целителей, но тёплая, густая, драгоценная, почти чёрная кровь продолжала толчками выходить из раны, давая чётко понять — надежды нет.

Нет.

Нет!

Итэш заплакал, ему можно, **он** — маленький мальчик, едва встретивший своё шестое лето, и **он** умолял матушку продержаться, дождаться помощи, просто не умереть! Не умирать! Не умирать...

Бесполезно.

Бесполезно...

И тогда **он** увидел колдуна.

Тот держал в руках окровавленный кинжал, его лицо скрывала черная маска, и весь он в своих черных одеждах сливался с тенями, растворялся в них.

Убийца...

Убийца.

Убийца!

Убийца его матушки...

Итэш с криком бросился на колдуна, принялся бить его кулаками, прекрасно понимая бессмысленность своих действий, но яростно желая выплеснуть собственное отчаянье, собственное горе, собственное нежелание жить в этом мире без матушки.

Без своей замечательной, доброй, светлой, милой матушки.

Колдун даже не сопротивлялся, только смотрел на **него** как-то задумчиво, насмешливо.

А потом схватил за подбородок, поднял на себя **его** лицо и посмотрел **ему** в глаза, словно ища в них что-то.

Вероятно, нашёл.

Но что...?

Что...?!

Колдун усмехнулся и произнес что-то на неизвестном ему наречии.

— Мы ещё встретимся, маленький Алори, но тебе сначала нужно подрасти.

Итэш, сбитый с толку, даже плакать перестал, в недоумении смотря на чужака, что-то сказавшего на своём языке.

Он ничего не понял, но — запомнил.

Колдун исчез в предрассветных тенях.

Всё они — исчезли.

С рассветом.

Словно бы свет Исы был им чужд, словно бы они боялись его.

Они растворились в темноте так же быстро, как и появились, оставив после себя залитые кровью улицы и воющих от ужаса и горя людей.

Итэш не выл.

Не плакал.

Он не чувствовал ничего.

Совсем.

Веарди тоже ничего не чувствовал.

Совсем.

Чувствовать было слишком больно, слишком некогда сейчас — во всём том хаосе, что творился вокруг уже которую неделю подряд, и ни конца, ни края этом не предвиделось.

Веарди невероятно устал, но даже во сне не удавалось найти покоя.

Сны про мальчика Итэша и его незатейливую детскую жизнь на удивление сильно выматывали. Нелёгкая судьба ребенка, так отчаянно любившего свою красавицу-мать, и потерявшего её в одночасье выбивала из колеи. Мать мальчика, зеленоглазая, темноволосая, чем-то была похожа на Ареку, но к шесс'ен вряд ли имела отношения — иначе он бы точно была бы родственницей Талэ и тогда бы Веарди знал и эту даму, и её ребёнка.

А он — не знал.

Да и вообще, все эти переживания были сейчас совершенно неуместны.

Веарди не мог понять, кем был этот ребёнок и его родители — незнакомые интерьеры и знамёна, незнакомые названия и имена. Ясно было только то, что мальчик этот был-таки человеком, судя по его матери, и жил на Леде.

И судьба у него тяжела.

Станным, конечно, было то, как отчетливо отпечатывались в памяти события снов — обычно ночные грезы оставались там, в предрассветных сумерках, но, смотревший на мир в своих видениях глазами мальчика Итэша, он запоминал всё происходившее столь четко, как если бы это происходило с ним самим когда-то, словно бы его собственные то были воспоминания.

Но этого не могло быть.

Не могло!

Он — не Дракон, как дядюшка Руни, помнивший своё прошлое воплощение, и живущий где-то под синими небесами Леды осиротевший мальчишка — не он. Веарди крайне хотел в это верить.

Как и верить в то, что произошедшее в видениях и в реальности — не связано.

Но не заметить сходства между нападением тех «колдунов» с резнёй в Хэлиссе было

невозможно.

Не смотря на очевидные же различия.

Однако, неизвестные фанатики, порезвившиеся в одном поселений на Леде, вряд ли могли быть как-то связаны с аксаанскими степными кочевниками. Слишком непреодолимой для них была преграда из границы миров — они и реку то были неспособны пересечь, *хотя конкретно в этот раз это не стало для них проблемой...*

...Да и делиться с кем-либо подробностями своих кошмаров Веарди не спешил — ментальная связь с разумом какого-то ледианского мальчишки недопустима для Наследника Юга. Позволять же отцовским стервятникам, Мастерам Разума, копаться в своих мозгах он не желал. Не после того, как их распрекрасный Владыка отбраковал его!

И за что? За цвет глаз!

Ну простите, что желтый, а не зеленый!

Небось, по мнению отца, даже в этом мальчишке Итэше больше крови Талэ, чем в нём, в его родном сыне!

Разве он виноват, что пошёл в мать?!

...Он понимал, что обида его мелочна и потенциально губительна, но у него тоже была гордость, и позволить тому, кто отверг его, копаться в своём разуме, в самом его «я» он не позволил бы.

Попросить отца о помощи — показать ему свою слабость, свою неспособность справиться самостоятельно, свою... уязвимость. Он, Веарди Талэ, был в первую очередь Наследником Юга, и плевать, что его отец — Владыка Аксаанской Империи, в первую очередь он — Король Запада.

И нечего ему знать о проблемах посторонних.

Правда, чтобы обратиться за помощью к старшему брату через уязвлённую гордость переступить не надо было — Девон не меньше самого Веарди пострадал от несправедливости их отца. Что за шутка — отправить вечно больного, боящегося холода сына на Север! Что за жесткость...

Старший брат всегда относился ко всем, кто не Арека или его обожаемый Джейа, с прохладцей, с недавних пор к числу любимчиков добавились Вакке и жена с дочерью, но обратись к нему за советом или помощью Веарди — не отказал бы. И даже не стал бы лукавить, просто напомнил бы, что теперь за ним долг, который рано или поздно придется вернуть.

Девон всегда взыскивал долги.

Веарди бы и обратился к брату, честно, он правда собирался, но завертевшийся круговорот событий ему просто не позволил это сделать! А теперь Девон снова на не определённое время покинул империю, и невесть когда ещё вернётся.

Впрочем, у Веарди были проблемы посерьёзнее своих снов.

Потому что прямо сейчас он шёл по улицам Хэлисса, и в его памяти воскресали картинки того, что он увидел здесь тогда, три недели назад. И даже посылаемая Цаишем поддержка не улучшала ситуацию. Дракон ощущал смятение своего всадника, но даже ему были непонятны человеческая злоба и жестокость, проявившиеся здесь во всей красе.

Улицы были завалены телами, уже начавшими разлагаться и отравлять воздух характерным сладковатым запахом.

Веарди чувствовал по связи испытываемое Цаишем отвращение.

И разделял его.

Нападавшие были беспредельно, беспричинно жестоки. Они, задавив защитников города числом, перебили всех до единого сайши, а потом принялись и за городскую стражу, а после — за жителей.

И не стали им преградой хоть сколько-то значимой высившиеся вокруг города толстые и высокие кирпичные стены, бывшие гордостью Хэлисса. Многие века назад именно клан Хэлисс догадался, что если нет поблизости гор и хорошего камня, то строить можно было и из глины, коей было вдоволь на берегах могучего Итарра.

...Выжившие, сумевшие спрятаться по углам и подвалам, говорили, что степняки напали после заката и исчезли с рассветом, растворившись в тенях, в бескрайних пустошах равнины, словно и не было их никогда.

Они не угоняли скот и женщин с детьми, не грабили продовольственные склады, ничего не требовали, даже не желали им чего-то — только резали.

Убивали.

И они не забрали своих погибших братьев, оставив их гнить рядом с горожанами. Это, наверное, было самым страшным, самым неправильным — степняки так не поступали.

Никогда не бросали трупы своих.

Это был для них самый страшный грех — это знали все южане.

На фоне этого даже вопрос, как же они-таки смогли преодолеть свои разногласия и конфликты за территорию, договориться меж собой и собрать столь значительную орду, а потом и переправить её через бурное течение Итарра, мерк и казался совсем незначительным.

Деталью.

Всего лишь деталью.

Но картины всегда состояли из сотен деталей, и всё они были важны.

Все они — способны дать ответ.

Или — помочь сформулировать правильный вопрос.

В таком, как известно, уже содержалась половина ответа.

...Несколько тысяч выживших, в основном стариков и детей, не успевали провести над каждым погибшим хотя бы малый погребальный обряд. Времени, прежде чем трупы начнут *преобразиться* было слишком мало. Когда Веарди наконец добрался до Хэлисса, ещё не всех успели собрать в общую кучу.

Было принято решение провести погребальные ритуалы над всеми сразу.

Озлобленные мертвецы никому не были нужны.

Если бы все погибшие успели *обратиться*, то это стало бы катастрофой — на борьбу с таким количеством тварей пришлось бы привлечь слишком многих сайши, стягивая их к Хэлиссу, оставляя беззащитными другие города.

Это было недопустимо.

Тогда, в той суматохе, никто не обратил внимания, как нервно почёсывались и кашляли добровольцы, вызвавшиеся расчищать улицы.

Реальный масштаб проблемы осознали уже после — когда громадный погребальный костер, подождённый от драконьего пламени, догорел, а прах был закопан глубоко под землю и надёжно запечатан заклинаниями.

Так, на всякий случай.

А то мало ли...

...А дело было в том, что те немногочисленные счастливики, сумевшие пережить нападение, отделавшись ранами различной степени тяжести, никак не желали идти на поправку.

Прибывшие из соседних городов целители разводили руками.

Никто сначала не понимал, почему люди, получившие небольшую царапину, которой понадобилось всего несколько швов, которая в обычных условиях заживала за пару недель, оставляя после себя аккуратный шрам, не выздоравливали, почему их раны продолжали гноиться и воспаляться, несмотря на все приложенные усилия.

Раненные метались в лихорадке, их плоть буквально гнила заживо, и дело было точно не в попавшей в кровь инфекции, как подумали изначально, хотя это и сомнительно — несколько бедолаг могли страдать именно от этого, но чтобы абсолютно все?

Вообще все?

Потом думали — яд.

Яд на оружии.

Дело грязное, непростительное, но, в общем-то, бесчестным и лишенным моральных терзаний дикарям вполне свойственное.

Но ими используемый яд убивал быстрее, увы — проверено не раз на практике.

...А потом со схожими симптомами лихорадки стали приходить к целителям люди, помогавшие с похоронами.

А потом — свалились сами люди-целители.

Только люди.

Не яд.

Не инфекция.

Эпидемия.

Неведомая колдовская болезнь, бившая только по *старшему народу*, но проходившая мимо шесс'ен.

Беспомощно наблюдая за гнившими заживо детьми и стариками, которым от мучительной боли не помогали избавиться ни дурманящие отвары, ни заклинания, ни артефакты, Веарди ощущал, как рушился его мир.

Не должно быть так.

Нельзя — так!

Почему — так?!

Веарди чувствовал собственное бессилие в сложившейся ситуации.

Все необходимые карантинные меры были предприняты, люди сидели по домам, раз в сутки им приносили воду и еду, но зараза продолжала стремительно распространяться по разоренному городу — всё бесполезно.

Всё бессмысленно.

Всё напрасно.

Всё — неправильно!

Неправильно — получать донесения о найденной орде нападавших, лежавшей в степи и разлагавшейся, ставшей жертвой все той же болезни.

Неправильно — осознавать, что выхода нет, что лекарства нет, и не было возможности хоть как-то помочь городу, потерявшему абсолютно всех своих защитников, надежду и шанс на будущее. Они были обречены. Каждый заразившийся — не жилец.

Кому они помешали?

Кого они разозлили?

Кого?!

Кто столь могущественный и темный решил им отомстить...?

Или... не им?

И кому — *им*?

Стражникам и сайши, то есть воинам и шесс'ен, в городе подарили относительно лёгкую, благородную смерть в бою. Они стали частью братской могилы, имена всех покоившихся в ней вряд ли будут до конца установлены, но тех, кого опознали, напишут на мемориале — чтобы помнить и чтить.

...Мертвецы не любят быть забытыми...

Так кому же, «*им*», мстили неизвестные, стоявшие за степняками?

Не шесс'ен.

Страдали — люди.

Сгорали, гнили заживо в лихорадке — люди.

Так кто же так отчаянно ненавидел людей, заставляя их души искажаться в страдании, опасно приближаться к *преображению* в тварей...?

В тварей...

Твари.

А кто лучше всех иных умел создавать тварей и управлять ими? Не цав'ен ли им мстили за поражение в недавней войне? В свете близящейся его свадьбы с Цонорой, это имело смысл... Но — слишком очевидно, ответ не мог быть столь поверхностным. Было что-то ещё...

А может — в этом дело?

А может — в это их хотели ткнуть носом?

Как просто в их отравленном мраком и скверной Бездны мире создавать Искаженных. Что все они, шесс'ен, — дети Тьмы, родственной тому Мраку? Ведь создал их не просто победитель, но и брат того Мрака.

Может — в этом дело?

Или Веарди всё себе придумал, выдавая желаемое за действительное? Где же во всём этом бесконечном кошмаре находилась правда? Где же найти виновных, которых следует наказать?

Допевая десятый катрен погребальной молитвы, Веарди не знал.

Читая очередную цепочку печатей, упокаивающих начавших преобразаться в тварей трупов, Веарди не знал.

Пытаясь успокоить восставших против шесс'ен, уставших от собственной беспомощности и больных, безнадежно, неизлечимо, смертельно больных людей, Веарди не знал.

Не знал он в тот момент, когда приказал всем шесс'ен покинуть стены города, запечатывая врата снаружи — чтобы никто не мог выйти и позволить распространиться эпидемии на другие города.

И стоя лагерем рядом с Хэлиссом, ожидая ответа дядюшки Магни и отца — не знал.

Не знал — даже получив ответ.

Ответом тем стала боевая тройка Всадников.

Когда они приземлялись, когда спешили, Веарди ощущал обреченность — он с

самого начала догадывался, какой приказ ему отдадут, но до последнего отказывался верить, что ему придется поступить именно так.

Что плачем быть — ему.

Убийцей.

Цаиш нервничал рядом, клокотал, свет Очей отражался в его золотистой чешуе, когда дракон приветствовал своих младших собратьев. Те почтительно склонили голову перед ним, признавая главенство. В конце концов, помимо статуса личного дракона принца, Цаиш обладал ещё одним перед ним преимуществом — он был старше, а значит опытнее и крупнее.

Веарди не обращал внимания на крылатых — те сами меж собой разберутся.

У него были проблемы поважнее.

— С каких пор Всадники выступают в роли почтовых соколов? — нервно улыбнулся он подошедшему лидеру всадников.

Что иронично — человеку.

Смешная шутка, отец. Отправить на убийство людей единственного всадника-человека... Неужто он хотел избавиться от него?

Тот был ему смутно знаком лицом. Всадник протянул тубус, в которых обычно транспортировали свёрнутые в свиток письма. На тубусе, сделанном в имперских цветах, чернел герб Дома Талэ — черный дракон.

— Когда на то воля Владыки.

Коротко и по делу.

Он уже нравился Веарди — сработаются.

...Развернув послание от отца и пробежавшись взглядом по ровным строчкам, написанным строгим, угловатым почерком, он прикрыл глаза, обдумывая прочитанное.

Всё же он не ошибся.

Какая жалость.

Какое безумие...

— Как вас зовут? — Веарди устало потер переносицу.

— Рик Феан, Ваше Императорское Высочество.

— Называйте короче, дае Феан.

— Да, милорд.

— Чудно... Вы знаете, с какой целью Владыка вас сюда направил?

— Нам приказано зачистить очаг эпидемии и предотвратить её распространение.

— Зачистить очаг... какая обтекаемая формулировка... Точно матушка придумала!

— Милорд?

— Очагами являются город Хэлисс и Великая Степь.

— Город...?

— Город.

— И степь?

— Вся степь.

— Которую мы должны...

— Сжечь.

Глава 5. Рик Феан

Великая Степь горела.

Столбы черного дыма поднимались к самому небу, растворялись в реденьких облаках, что так редко приносили летом в этот знойный край долгожданные дожди. Порою, даже случались грозы, когда в буйстве стихии грязевые реки устремлялись к Итарру, а единственного удара молнии хватало, чтобы сухая трава вспыхнула, и смертоносное пламя охватило бы всю равнину до горизонта. Потом, обновлённая, степь расцветала следующей весной, избавленная от многолетних накоплений давно мёртвых растений, не дававших хода новым росткам.

Была в том своя жуткая, потусторонняя красота — как всеобщая погибель оборачивалась буйством жизни, замыкая её великий круговорот...

Но то — воля Богов и самой природы, явление и суть жизни, лишённые вмешательства смертных, и не подходившее под рамки морали разумных народов. Естество, суть мира были выше этой морали, были вне её, и мерить такими категориями подобные события было откровенно глупо.

Но в нынешней катастрофе не было ничего созидательного...

Пепел летал в воздухе, кружась, подобно хлопьям снега зимой, и, возможно, было в этом тоже что-то по-своему красивое.

Чем был раньше этот пепел?

Простой травой, неизменным кормом гордых лошадей?

Прекрасными цветами, разливавшими свой аромат по округе, привлекавшими тружениц-пчел?

Одеждой усталого путника, не успевшего спастись от шедшей единой стеной погибели?

Самим тем путником...?

Какая теперь разница?

Теперь, во смерти, всё едино.

Их учили — плоть вторична, плоть — мясо, костюм, отражение, хрупкая оболочка бессмертной и бесценной души. Смерть же — не более чем разрешение этой оболочки, и, раз духовное выше материального, то и душа найдёт себе новое воплощение без лишних вопросов. А печалиться об этом — эгоизм. А печалиться об этом — недостойно.

Горевать надо лишь по уничтоженным душам.

...Горячий ветер разносил пепел на многие дни пешего пути. Зарево великого пожара отражалось в небесах, но свет Шесс'Вод'е почти не достигал земли, и в этом полумраке потоки пламени казались ослепительно яркими.

От запаха гари свербело в носу, щипало в глазах, дышать было тяжело — казалось, выжгло уже весь воздух.

Драконий рёв был громче ветра, громче отчаянных предсмертных криков тех несчастных, что не могли найти спасенья и исчезали в бескрайнем море пламени.

Крылатая погибель проносилась под облаками, неся на себе своих Всадников.

Именно они управляли огнем, именно они, под предводительством Его Императорского Высочества карали дикарей, посмевших покуситься на жизни мирных южан. Посмевших эти жизни отнять и принести на земли шесс'ен страшную болезнь.

Именно они разрешающим и очищающим, благословенным драконьим пламенем

очищали от заразы Степь.

И лучше не думать о том, что драконий огонь сжигал именно души, что сейчас они нарушали свой самый главный, самый священный постулат о неприкосновенности духовного.

Кто же теперь злодеи в этой истории?

Кто же теперь — чудовища?

Кто дал им это право? Идти против божественных заповедей, *уподобляться слугам Убийцы Светил?*

Кто?..

Скажи он об этом вслух — отрежут язык, но от своих мыслей было не скрыться.

...Пожары стихнут, достигший с южными ветрами западных городов смог развеется, перестав отравлять воздух, трава снова вырастет, будет гуще и зеленее прежней, но до новой весны быть равнине от Итарра до самого южного моря братской могилой всех кочевых племён, что не смогли отойти к горам и спрятаться в них.

За ошибку одних, уже за неё поплатившихся, покарали всех.

Чтоб неповадно было.

В конце концов, все всё понимали — предотвращение эпидемии было лишь поводом, лишь оправданием.

В конце концов, не в первый раз по приказу Владыки и Короля Востока, этих великих и безмерно жестоких братьев, господ Талэ, сжигается Великая Степь, уничтожая всё живое — но тогда, в прошлый раз, было уничтожено конкретное племя, а не все без разбору.

В чем они были виноваты?

Кони, птицы, звери?

Дети?

В чем?

...Агония тысяч живых существ била по сознанию каждого из шестнадцати сайши, но они были здесь, чтобы исполнить волю своего Владыки. Собственные страдания и сомнения они оставляли без внимания, ведь слово Его Императорского Величества — превыше всего.

Или нет...

Или — не все.

Степь можно было простить самим себе.

Степь можно было простить друг другу.

Можно было оправдаться — они дикари, они напали, они должны быть наказаны.

Они — чужие.

Они — враги.

Но Хэлисс?

Некогда богатый, великий древний город Хэлисс...

Некогда — один из крупнейших цитаделей древней цивилизации, увидевший два тысячелетия, переживший Прорыв, помнивший ещё Первого Владыку, основанный его ближайшими сподвижниками, его самыми верными военачальниками... Образчик древнейшей архитектуры, живая история, жемчужина Юга, его драгоценность и гордость...

Теперь — обугленные руины.

Теперь — братская могила.

Теперь — отравлен тьмой и смертью, пусть и лишён тварей, уничтоженных драконьим

огнем. Но память — она останется надолго.

На века.

Стены Хэлисса, его гордость и символ, столько веков, столько тысячелетий защищавшие горожан от нападений, стали его же погибелью. Все ворота, все выходы из города были заперты, заблокированы снаружи, и приходилось исполнителям воли Владыки смотреть, как поднявшие мятеж, полные отчаянья люди бросались вниз со стен, надеясь хоть так избежать пламенной смерти — но они разбивались, непременно разбивались, ломали себе шеи и позвоночники, расшибали головы. Всё — так глупо и бессмысленно умирали.

Здоровые может бы ещё и имели б какой-то шанс, но у них, подкошенных болезнью, заживо гнивших, испытывавших мучительную боль при малейшем движении... не было шансов.

Никаких.

Только смерть.

Потому что такой приказ.

Потому что они — уже не жильцы.

Потому что они — уже обречены.

Потому что судьба — злая дрянь, и иногда ничего, вообще ничего нельзя было сделать, а боги оказывались глухи даже к самым отчаянным мольбам.

Зайдя в разрушенный, сожженный, осквернённый город, уже после того, как пепел остыл, они ещё несколько дней провели за подготовкой к погребению. Обугленные скелеты уже не представляли никакой опасности — даже искусные мастера не смогли бы поднять их, всякая сущность их покинула.

Не осталось ничего.

Просто кости.

Только кости.

Но их нужно было захоронить.

Эти несчастные души навсегда покинули круг перерождения, но даже теперь, когда во всех слоях мироздания они перестали существовать, нужно было почтить их память.

Хотя бы для себя.

Хотя бы для своей совести.

Хоть это так же бессмысленно, как и все эти смерти.

...Нет, никогда им не войти в чертоги Белого Города, не отмыться этого греха, не простить друг друга и самих себя...

И Владыку.

Рик всегда считал себя хорошим человеком.

Рик всегда старался *быть* хорошим человеком.

Он поступал по совести, отстаивал справедливость, защищал слабых, оберегал и наставлял младших, с почтением относился к старшим. Он молился за благополучие Владыки и его семьи, соблюдал все традиции, был примерным сыном, братом, другом.

А ещё он был одним из тех детей, что выросли на всё больше схожих с легендами рассказах Драконьих Всадниках, настоящей элите сайши, что служили напрямую Его Императорскому Величеству и его саи-ри, Его Королевскому Величеству, Владыке Севера.

Но, Всадники...!

Самые сильные, самые ловкие, самые почитаемые в народе! Самые-самые-самые!

Мечта.

И, что самое фантастическое — для них не имело значение происхождение, только личные способности и готовность служить короне до конца своей жизни.

Но, конечно, самым известным Всадником был Владыка Севера... Храбрый названный брат Его Императорского Величества, усмиривший буйных северян, принесший мир и порядок в верхнее течение Ксаи. Талантливейший сайши, носящий титул Мастера по праву; повелитель огня; человек-дракон; один из первых Всадников, возглавлявший множество походов против врагов Шесс'Баа, и всегда возвращавшийся победителем.

Воля Императора, воплощенная в разумном создании, ставшая одним из Королей. Королём, что сам завоевал своё королевство...

Пример для подражания в глазах Рика, всех его братьев и друзей.

Для всего их поколения.

Кумир.

...Он не понимал, почему же их родители тогда рыдали, когда он, юный господин из семьи Феан, решил вместе со своими товарищами подражать этому кумиру во всём и самим стать Всадникам? Почему Эша смотрела на него, как на предателя?

На север им, детям запада, дорога была заказана, но тем же лучше — был шанс попасть в императорскую гвардию!

Ведь это так почётно!

И что, что это — ряд очень жестких клятв, за нарушением которых последует немедленная смерть?

И что, что это — вечные тренировки, постоянное самосовершенствование, практически кочевая жизнь и в случае войн самый большой риск?

Зато Всадники — элита!

Зато Всадники обладали практически всеми привилегиями аристократии, вплоть до вхождения в королевский клан, пусть ради этого они выходили их собственного...

Зато им больше не придется кланяться этим зажавшимся мелким лордам, возомнившим себя знатными господами, а на деле ничего из себя не представлявшим!

Ну и что, что сам был сыном такого лорда, наследником клана, вассального блистательным Ксерай!

Родители были ещё молоды, у них будут другие дети, а у него впереди — мечта!

А у него впереди — служение Владыке!

А у него впереди — слава!

Бытие частью настоящей элиты...

...Так думал Рик до того, как сам стал частью это «элиты».

Каким же наивным он был!

Каким же глупым мечтателем, незрелым мальчишкой он был...!

И что же в итоге...?

Где же то благородство, воспетое в песнях бардов и стихах высокородных господ?

Где же та практически святость...?

Кроме фанатичной преданности своему Владыке, кроме высокомерия, кроме пренебрежения по отношению мирным жителям империи нечего и не было в них, этих зазнавшихся, самовлюбленных цепных псах короны.

И он стал таким же.

Не мог не стать.

Вот тебе и мечта...

Вот тебе и слава...

Тогда ещё юноша, Рик быстро разочаровался в своей мечте, но пути назад уже не было — клятвы были принесены, отказаться от собственных слов невозможно. И, видя то, чем стали некогда непременно лучшие из лучших, Рик понял, что его долг — попытаться что-то изменить. Хотя бы попробовать воспитать в младших то, что так ярко горело в нём самом...

Хотя бы попытаться...

Может, хоть для них не будет всё потеряно.

...А потом — были война с Цавербой, встреча лицом к лицу с Его Королевским Высочеством Руни и Лордом-Защитником Талурена Мару Тиори. А потом — поход на Цавербу, сбитые, падавшие из-под самых облаков драконы.

Потом — были кровь и грязь, сожженные редкие леса, бывшие для их врагов священными.

Потом — была смерть товарищей и появившаяся жесточенность.

Потом — пришло понимание.

Он не мог изменить что-то, будучи просто старшим адептом, нужно было иметь титул и реальные заслуги за спиной. Нужно было имя, гремевшее в песнях уличных музыкантов. Нужно было стать легендой в умах юных, чтобы иметь возможность хоть что-то исправить.

И за семь минувших с того момента лет Рик стал мастером, получил под своё командование боевую тройку и дюжину юных, ещё неоперившихся Всадников, с горящими глазами и жадной менять мир к лучшему. Которых ещё нужно было учить и учить... Которые не сумели ещё образовать связь с каким-то из драконов. Таких, каким он сам был когда-то...

Они уже не были учениками, пусть и отзывались на «сие», но их идеалы всё ещё были гибки, а вера в старших — неоспорима.

Теперь в глазах всей этой молодежи он — дае Рик Феан; самый юный Всадник, получивший титул Мастера; один из сильнейших сайши, способный сражаться наравне с легендарными Князьями Ближнего Круга.

Единственный человек из Мастеров.

Всадник Шай.

Теперь он — легенда и пример для подражания, о чьих подвигах рассказывали юнцы друг другу, смотря на кого они сами желали облачиться в черно-алое и нести миру волю Владыки.

Теперь он должен был спасти их от того кошмара, что их ждал.

Да не погаснет эта вера в справедливость в их глазах...

Пусть будут продолжать верить в то, что они защитники и герои, а не убийцы!

Не цепные псы, рвущие неугодных по приказу.

...Но как же ему сохранить в этих юных сердцах веру в праведность их Владыки, если сам Рик её утратил? Находясь в центре этого безумия, захлебываясь в чужой агонии и видя, как что-то ломалось в его подопечных, он готов был кричать. Всё это было просто невыносимо.

Однако он молчал.

Молчал он и когда они вернулись в лагерь, чтобы позволить драконам и самим себе отдохнуть.

Молчал, смотря, как вдаль продолжал подниматься к небу дым, хоть он и знал, что там

всё могло лишь тлеть. Воздух тут, в лагере был чист, но фантомное чувство удушения не покидало, горло першило, а глаза продолжали слезиться.

Или то слёзы по собственным принципам, похороненным сегодня вместе с тысячами невинных?

Скорбь по неизвестным ему мирным кочевникам, даже не знавшим о страшном преступлении своих собратьев?

Скорбь по отчаявшимся и обреченным жителям Хэлисса?

Скорбь по себе самому?

По своей вере и надежде на то, что он сумеет что-то изменить...

Даже тогда, тридцать лет назад, когда Его Королевское Величество Магни выступил против нескольких племен Великой Степи, он мстил жестоко, но точно, определенным семьям и народам.

Шестьдесят же лет назад Степь зачищали от Тварей — кочевники тогда и вовсе укрылись за реками, почти не пострадав.

Теперь же...

Теперь вину одних разделили на всех.

Разве это правильно?!

— Разве это правильно? — повторил Рик вслух, заметив, кто к нему подошёл.

Друг детства, плечом к плечу прошедший с ним этот путь длиною в пятнадцать лет.

Ула Кеи, в отличие от него, корни имел весьма знатные, его мать была их тех самых Ксерай, но вот предки его отца были известны в слишком специфическом смысле. В некотором роде, своей верной службой короне он пытался искупить вину своей прародительницы.

Во многом это накладывало свой отпечаток даже на суждения Улы.

— Мы здесь, потому что это наш долг, а не потому что правы, — устало вздохнул парень, тоже вглядываясь в укрытую пеленой дыма даль.

— А есть разница?

— Есть.

— Но не для нас...

— Наша правда — слово Владыки, Рик. Его Воля.

Сколько пафоса...

Сколько драматизма!

А правда? Где она?!

— Знаю, знаю... Но... Прав ли Владыка? Ула! Почему мы должны слепо следовать за ним, не имея права высказать собственное мнение? Когда мы потеряли это право...? Ведь когда-то он слушал тех, кто следовал за ним, а не единолично принимал решение за всех!

С каждым произнесенным словом голос Рика креп, и тем привлекал внимание до этого праздно шатавшихся юношей, особенно из числа тех, для кого поход против кочевников был в принципе первым.

Вокруг них начала собираться толпа.

Кто-то про себя разделял мнение дае Феана, кто-то осуждал, но — вмешиваться не спешили.

Рик и Ула никого не замечали.

— Ты говоришь опасные вещи, братец, — постарался осадить друга Ула. — Аккуратнее. Ты же знаешь, Его Императорское Величество до последнего закрывает глаза на проступки

своего ближнего круга, но стоит ему получить доказательства предательства... — парень замер, словно бы у него перехватило дыхание, словно бы невидимая рука сжала его сердце. — Уничтожит. Своими руками.

Владыка не терпит неповиновения.

Владыка не терпит крамолы и бунта.

Власть Владыки — священна, Его воля — закон, Он — живое божество, воплощение Стража в их брэнном мире.

Всё это они знали, и, разбуди их кто посреди ночи, без колебаний и запинок отчеканили бы всё это, но...

Но!

— Я знаю, знаю! — всплеснул Рик руками. — Но...!

Он и сам понимал, что, возможно, говорил лишнее, но плотина прорвалась, и он не мог удержать в себе все те мысли, что зрели в нём годами.

— Там ведь... Сотни, тысячи невинных. Дети, старики, женщины... Разве они виноваты в грехах своих братьев? Разве не мы когда-то пострадали от чужой кровной мести? Разве не поклялись самим себе никогда не совершать подобного? — каждое слово Рика вызывало звуки одобрения у свидетелей этого монолога. — Разве... Разве, можно — так?! Почему мы должны убивать наш собственный народ?! Они просто были напуганы, они просто пришли в отчаянье! Им просто нужна была помощь... Почему мы их убили? Обрекли на участь, страшнее самой жестокой пытки... Таких же людей как и мы...

И не замечал Рик, что был единственным человеком, кроме Улы.

Не замечал, как ропот юных Всадников стал громче, но зазвучал как-то испуганно, почти панически.

— Тише!

— Молчите!

— Не навлекайте беду!

— Что здесь происходит? — подобно грому разрезал галдеж взволнованной молодёжи голос Его Королевского Величества Магни, что вместе со своим наследником их сопровождал и лично контролировал зачистку очагов эпидемии.

Мгновенно повисла тишина.

— Ваше Величество... — осторожно начал Ула, искренне надеясь суметь своей дипломатичностью отвести беду от друга.

— Что. Здесь. Происходит?

Рик прекрасно понимал, что его друг, стало быть, молился сейчас всем Богам, духам, Творцам, демонам, лишь бы у него хватило ума промолчать, сдержать свой пыл, но надеждам идо Кеи было не суждено сбыться.

Слишком поздно.

Слишком...

— Я сказал, что это неправильно — убивать мирных жителей, разжигая ненависть, — дерзко смотря Королю Юга прямо в его зелёные глаза, жестко произнес Рик, чувствуя, как от собственной смелости щемило в груди, хотя то могло быть предчувствие чего-то неотвратимого и страшного. — Я сказал, что неправильно и преступно — убивать свой собственный народ, уничтожать их души, лишая возможности и права на перерождение. Что неправильно нарушать божественные заповеди, прикрываясь мнимым общим благом и приказом Владыки.

Каждое его слово было пропитано ядом и злостью, которую Рик вынашивал в себе все эти годы, которая зрела в нём, пока тот наблюдал за мучениями невинных, не имея возможности и даже права помочь им.

Не в этом клялся он, стоя на коленях перед Владыкой.

Не этому он посвятил свою жизнь.

Лицо же Короля было больше похоже на маску, столь оно было бесстрастным.

И это — один из его кумиров?

Величественный, никто не спорит, но похожий на богов — такой же равнодушный, такой же действующий в интересах очень узкого круга лиц и, несмотря на всё своё могущество — играющий чужими жизнями, не ставящий их ни во что.

— Вы осознаете, что и кому говорите? — раздался его тихий, чуть хриплый голос.

— Да.

— Вы можете отказаться от своих слов, дае Феан, — вмешался до этого молчавший принц. — Откажитесь и мы все сделаем вид, что ничего не слышали.

Говоря эти слова, он умоляюще смотрел на своего дядю, и, казалось, тот был готов согласиться, но...

— Это бесчестно, — уверенно ответил Рик, печально улыбнувшись Его Императорскому Высочеству, мысленно благодаря этого храброго, но несчастного юношу за заботу и милосердие. — Я сказал то, что думаю, и не собираюсь идти против правды. И если я должен быть наказан за правду — я приму это наказание с гордостью.

Да... Не того он выбрал когда-то в кумиры.

Не того.

Не тех.

Что-то странное, болезненное мелькнуло в глазах Короля Юга.

— Вы сами это выбрали, — произнёс он тихо, поджав губы.

Уже позже, лежа в постели в лазарете, стараясь дышать через раз, чтобы не задохнуться от боли в пересекавших всю спину ранах от кнута, Рик вспоминал взгляд принца. То сочувствие, то *понимание*.

То... *восхищение*?

Словно бы Наследник Юга разделял его мысли, но ему, в отличие от Рика, не хватало смелости высказать их вслух.

Возразить своему отцу — вслух.

Это дарило надежду.

И силы дышать.

Глава 6. Руни Талэ

Свежий, пропитанный солью и йодом ветер ласково трепал его отросшие волосы, донося с собой шум прибоя и крик чаек — они кружили над рыбацкими лодками, надеясь урвать свою долю чужого улова.

Яркий дневной свет заливал весь мир. Иса оказалась удивительно щедрой сегодня, милостиво делясь своими лучами с продрогшей без движения Ледой. Всё вокруг казалось ненастоящим, удивительным, волшебным — Сёстры действительно в этот день оказались дружны.

На небе — ни облачка!

Для их хмурого края — редкость, настоящий повод для радости.

Особенно для мальчишки, совсем недавно встретившему свою пятую весну...

Где-то там, за пределами разума, жизни и мироздания остались чужие, страшные воспоминания, кровь и пламя.

Здесь и сейчас были только свет и ветер.

И желание устремиться вверх — подхватить крыльями ласковые воздушные потоки и нырнуть в небо...

Но крыльев — не было.

Он — маленький мальчик, какие крылья? Драконов давно истребили, а птицы страшные, к ним не подойти. Да и перья наверное чешутся... Не зря же гуси на хозяйском дворе постоянно их чистят да поправляют!

Но всё равно — хорошо...

Счастье, свет, тепло, смех живой и здоровой матери, зовущей его обедать... Улыбки соседских ребятишек и мирная жизнь торгового городка, так удачно расположившегося на перекрестье нескольких торговых путей. Те были незначительными и не самыми удобными, но всё равно только по ним можно было добраться до богатых городов на других островах архипелага.

Но...

Но — почему дымок очага превратился в охвативший, казалось, весь мир пожар?

Почему снова его окружили кровь и дым?

Почему смех матери превратился в отчаянный крик, приказывающий поскорее спрятаться, бежать куда подальше без оглядки?

Не было соседских ребят — только изувеченные тела, только горящий городок и снующие туда-сюда чужие солдаты со страшными, насмешливыми, глумливыми лицами. Только нескончаемая человеческая жестокость, не знавшая ни предела, ни меры.

Только — обезображенный труп матери.

Кровь и пламя была в каждой его жизни, алый цвет впитался в саму его суть, от этого не сбежать...

Алый.

Чёрный.

Золотой.

Руни открыл глаза, судорожно вздохнув и, только благодаря выработанной за многие годы привычке, не закричал. Не хотелось бы своими кошмарами перепугать прислугу... Его

и так не жаловали в собственном замке, не стоило давать им поводов для сплетен — авторитет Короля должен был быть неприкасаем. Особенно у северян...

Всё хорошо.

Всё хорошо...

Всё хорошо — он в своей постели, в собственных покоях, в королевском замке Талурена.

Он — дома.

Дома.

Дома...

Нежная ткань шелковых простыней безнадёжно смялась — наверное, он снова метался во сне — и пропиталась липким потом. Ночной воздух неприятно охлаждал обнажённую кожу, посылал по ней волну мурашек.

Руни, тихо простонав, встал и побрел в сторону окна, распахнул его — фантомная вонь горелой плоти не хотела оставлять его, щекоча ноздри, раздражая, напоминая всё пережитое за его длинную жизнь.

...Обе жизни...

Тошнило.

Руки подрагивали.

Руни вздохнул.

Остаётся надеяться, что он действительно не кричал, не звал мать или старшего брата.

А то было бы действительно неловко...

Да и бессмысленно это было — мать давно, слишком давно мертва, он даже не помнил её лица, только тепло её рук и нежность её голоса...

Брат же... Руни не хотел думать о своём саи-ри. Ведь нет большего горя для родственной души, чем быть отвергнутым, изгнанным, брошенным — а Аран именно что сослал его, убрал с глаз долой, перечеркнув все те десятилетия преданной службы и почти религиозного поклонения, которые Руни подарил своему а'вэди.

Но думать об это слишком больно.

Лучше — смотреть в прошлое, когда всё было хорошо.

Ведь было же, да?

...И вовсе не мерещились ему в лесном, пропитанном хвоей воздухе морская свежесть и дым. И вовсе не вглядывался он в полуночные тени, выискивая среди них силуэт Твари, изгаженной в своей муке и ненависти. И вовсе не казались ему красноватые отблески в чернильно-темном небе заревом далекого пожара.

Он — дракон, ему не положено огня бояться.

Он — дракон, ему самому подчинялось пламя, и не важно, в каком облики он был, в какое тело была заключена его *душа*.

В конце юнцов, тело — мясо, тело — тлен, тело — вторично, важно лишь бессмертная душа.

...Но, против собственной воли, мужчина ощущал, как, потревоженные новостями с юга, воспоминания из далёкого детства вновь заполонили его разум, пробуждая давно забытые образы и ассоциации.

Они окутали, не желали отпустить.

Да, вся его жизнь была войной, которая прерывалась на интриги и слишком краткие,

чтобы приносить покой, мгновения счастья.

В юности груз памяти чужой, прежней, длинной и насыщенной жизни помогал воспринимать всё проще.

Хорошо хоть, что прошлая жизнь явилась ему, когда он уже был достаточно взрослым, чтобы по-настоящему что-то понимать. Наверняка удивительно взрослый для своих лет ребёнок был бы чудом для своих родных, но в таком случае не было бы у него этого самого детства.

...Не то чтобы в реальности оно по-настоящему было.

Никогда не было, на самом деле.

Ни разу...

Но давным-давно похороненный в самых темных и недоступных для этого жестокого мира глубинах его истерзанной души ребёнок всё равно, порою, показывал себя. В такие вот ночи он напоминал о себе кошмарами.

Картина сожженного города, нарисованная его воображением из описаний, присланных братом, не была чем-то из ряда вон выходящим — Руни и сам не раз подобным образом уничтожал противника, если захватить его не представлялось возможным.

Но — противника.

Никогда — своих.

Никогда — мятежников.

Они, заблудшие, обшившиеся, обозлённые, всё равно были своими.

Впрочем, не слишком ли он всё драматизировал? Угроза устранена, работа выполнена чисто и оперативно, мальчишки — молодцы, племянник особенно.

Но...

Но что-то во всём этом было неуловимо знакомое. Что-то, зарождавшее ужас в давно закаменевшем сердце Владыки Севера. Впрочем, то были страхи малолетнего сына слуги одного из небогатых кланов Вольных Островов, а не *Чёрного Дракона*. Просто так сегодня сложилось, что ребёнок пробудился и, увидев, во что превратилась жизнь его-взрослого, пришёл в отчаянье.

Закономерно, в общем-то...

Можно было бесконечно подбирать метафоры, жестоко насмехаясь над собой. Можно было забыть в бескрайней жалости к самому себе. Можно было напиться до беспамятства или уйти в столь глубокую медитацию, что потерялась бы всякая связь с внешним миром — Как Лита ушёл на поиски Найи и навсегда потерялся в бесконечных просторах Белой Пустоши. Можно было поговорить с целителем душ и постараться понять, что же не так с его истерзанным разумом.

Но...

Это всё было абсолютно одинаково.

Одинаково бесполезно.

Бессмысленно.

Такие моменты Руни предпочитал просто пережить.

Пережить — и двигаться дальше, с гордостью исполняя свой долг, следуя за тем, кого выбрал когда-то.

Вернее, кого выбрала его *душа*.

За своим саи-ри.

Как бы тот к нему не относился...

Сразу вспомнился недавний разговор со старшим братом. Когда, спустя несколько лет разлуки, Руни увидел Арана, он сразу заметил, как сильно брат осунулся. За всем его величием пряталась невероятная усталость, и мужчина, увы, слишком его понимал.

Недавняя же встреча с Магни, желавшим посоветоваться со старшим братом, и просто поделиться своими переживаниями, точно так же осунувшимся, похудевшим и явно не совсем здоровым, заставила сердце болезненно сжаться.

Интересно, хотя бы Мия сумела избежать этого тлетворного влияния слишком большой ответственности...?

Осталось ли в них хоть что-то от тех детей, что любили носиться по всему острову, играя? Неумемной детской энергии в них было всегда даже слишком много...

Ох, сколько хлопот они приносили слугам и старшим адептам, пытавшимся уследить, чтобы юные господа не свернули себе шеи! А сколько раз они врывались на совет клана, отвлекая своими абсолютно глупыми с точки зрения взрослых просьбами Арана, который, тем не менее, всегда оставался даже излишне внимателен к ним.

Осталось ли что-то от их былой беззаботности...?

Не зря ли всё это было?

Пробуждение было резким, словно бы он, после продолжительного падения наконец ударился о землю. Когда-то ему нравилось забираться на крышу дома, и без несчастных случаев не обходилось — так что он мог утверждать со всей уверенностью, что у него сердце абсолютно так же ёкнуло. Судя по тому, что никто из слуг не примчался на крик, обошлось без него.

Это хорошо.

Никто ни о чём не узнает.

Его кошмары — только его проблема, незачем ей озадачивать ещё кого-то.

Совість неустанно шептала, что он способен доставлять только хлопоты, быть обузой, раздражать всех вокруг, а те были слишком вежливы или слишком боялись гнева его *старшего брата* (брат, у него теперь есть брат!).

Конечно, мальчику не раз говорили, что о таких вещах необходимо сообщать, что нужно учиться просить о помощи, что не было ничего постыдного в том, чтобы принимать чужую заботу, но... Очень трудно было поверить в людей теперь, когда те, кто полностью уничтожили его родной клан, его господ, кто не пощадили даже детей, даже собак, тоже были людьми.

Называли себя людьми

Глупый, беспомощный детский разум не мог справиться с образами того страшного дня, когда Руни осиротел, хотя прошло уже больше года.

Бояться нормально — говорили ему.

Тот, кто не был способен на страх, не был способен и на храбрость, ведь это две стороны одной медали.

Так говорил ему *старший брат*.

И всё же...

— Всё хорошо... — прошептал мальчик, краем сознания отмечая, насколько жалким казался сейчас его дрожащий голос. — Всё хорошо! Аран забрал меня, они не придут.

Не придут.

Они мертвы.

Аран убил их.

Они никогда не придут за ним.

Не придут.

Брат защитил.

Брат защитит!

Изначально Руни не знал, чем именно клан Рии провинился, за что же был уничтожен.

Может, думал он потом, это была самая обычная, ничем не примечательная и бывшая в порядке вещей кровная месть, и клан Олэй даже был в своем праве. Хотя эта традиция казалась мальчику откровенно дикой и бессмысленной, но она всё ещё имела место быть по светом Исы.

Может, это просто был акт устрашения — вот, мол, на что мы способны, не стойте у нас на пути...

Уже позже, когда мальчик научился не вздрагивать от одного звука чужих голосов, а'вэди рассказал ему, что послужило истинной причиной произошедшего.

Рии вели свой род от тех семнадцати семей, по легендам, пришедшим из мира золотого неба. Да, их клан изначально был побочной веткой тех самых аксаанских *Мовэй*. Степень родства с ними теперь не вызывала ничего, кроме усмешки, но после Последней Охоты человеческие кланы Вольных Островов обратили свой пылающим гневом взор уже не на самих драконов, а тех, кто звался потомками драконьего народа.

Подобно спящему народу, жители Вольных Островов шесс'ен откровенно ненавидели — никто точно не мог сказать, почему, но факт оставался фактом.

И родные Руни оказались не единственными жертвами Олэй и их союзников — за короткий срок множество маленьких кланов, подобных Рии, были уничтожены без всякой жалости. Словно бы они предчувствовали, что должно было вскоре произойти.

И — пытались предотвратить это.

Впрочем — безуспешно.

...Когда Аран рассказывал всё это ему, мальчик видел бесконечную вину пополам с гневом в глазах брата. Он явно корил себя за то, что столько не сумел спасти. Что, быть может, даже сам послужил причиной такой агрессии — лорд Олэй ненавидел Аран. Он же, назвавшись побратимом дракона, собирал под свои знамена потомков шесс'ен, которые не хотели отречься от своих корней, в тайне сохраняли свои традиции и смиренно ждали, когда вернется их Владыка, чтобы спасти их.

Что же — Владыка вернулся.

Тот, кто посмел взять себе имя самого могущественного Дха'авир, покровителя всех королей и хранителя жизни, верховного бога войны.

Тот, перед кем склоняли головы драконы, назвав его своим повелителем.

Тот, кто взялся словно бы из ниоткуда и, пылая своими нестерпимо зелёными глазами, отправился восстанавливать нарушенную, по его мнению, справедливость.

...Тот, кто огненной смертью обрушился на совершенно не ожидавших того воинов клана Олэй и пронесся ветром из пламени и тьмы по их рядам, в одиночку расправляясь с ними, не позволяя и шагу вступить в сторону загнанного в угол мальчишки.

Тем мальчишкой был Руни...

Ну разве был он виноват, что родился с такими вот глазами? Они, рыжие, словно бы огоньки свечей, выдавали с головой его нечеловеческую кровь.

Разве они были виноваты...?

Олэй было плевать.

Арану было плевать на мнение Олэй.

Руни не помнил, как его, оцепеневшего, не осознавшего ещё до конца собственное сиротство, укутали в тёплый плащ и прижали к груди.

Не помнил он полёта, в тот миг казавшееся до странного знакомым, и проплывающие совсем близко облака.

Не помнил, как суетливые слуги отмыли его, одели как господского сына, накормили до отвала.

Всё что он помнил — яркие, слишком родные, но незнакомые глаза того, кто представил его веснушчатым, забавным близняшкам, мальчишке и девчонке, как своего младшего брата. И их — старшего.

Все остальным он представил его ещё и как своего *саи-ри*, потерянного и найденного.

...Знать бы ещё, что это значило...

Тогда, в тот страшный день, Руни Ша И-Рии, сын служанки из клана Рии, исчез, чтобы на его место пришёл Руни Талэ, младший брат Драконьего Владыки.

Позже, многие годы спустя, в моменты отчаянья и безысходности, он позволял себе крамольную мысль — лучше бы он так и остался никем, но с живой и счастливой семьей, чем стал одним из тех высокородных господ, которым не суждено жить мирно.

Однако грех было жаловаться — по правде говоря, его господа всегда относились к Руни настороженно, по всей видимости, злясь, что в каком-то мальчишке было больше признаков, крови шесс'ен, чем в них, прямых потомках Мовэй.

Да, Рии сгубила их собственная гордыня, пусть проявляли её господа только по отношению к тем, кто был слабее, кто не мог за себя заступиться.

Перед сильными они всегда лебезили.

Впрочем, от Олэй это их не спасло...

Так или иначе, его, рождённого вне брака ребёнка, в большинстве своём игнорировали — если бы не опаска окружавших, его бы затравили, но, очевидно, все понимали, что его отцом должен был быть чистокровный шесс'ен, чтобы мальчик появился на свет таким, каким он, собственно, был.

В общем, семья Ша к нему относилась прохладно, а любви его матери, Рин Ша И-Рии едва ли хватало — она словно бы каждый своим взглядом выискивала в его лице какие-то неведомые ему черты.

Высматривала в нём его неизвестного отца...?

Мать Руни была всегда печальна, и даже когда она улыбалась, глаза у неё оставались грустными — все понимали, что осталось ей недолго и сын был последним, что держало её среди живых.

Всё вышло так, как вышло.

Может, оно и к лучшему.

А'вэди говорил, что после смерти тела всякая душа перерождалась и приходила в мир уже с новым лицом и новым именем. Что его мать наверняка уже нашла тех, кто ей дорог, что она уже среди живых, просто ничего не помнила.

Это действительно утешало.

Не верить брату у Руни причин не было — Аран сделал для него слишком много хорошего, чтобы его можно было подозревать в злом умысле.

В любом случае, теперь у него была новая семья.

Все кланы потомков драконьего народа, ставшие вассалами Арана, приклонившие перед ним колени, посылали своих детей учиться у первого за долгие века настоящего шесс'ен, являвшегося сайши.

На А'Ксаане бушевали бесконечные междоусобные войны, королевства бывшей Империи грызлись между собой, и те шесс'ен относились с презрением и пренебрежением ко всем остальным, кто родился не под золотыми небесами.

Словно бы мир определял душу.

Да если бы...!

Потому изгнанники радовались, что наконец и у них появилась надежда вернуться домой. Не с позором, не с просить подаяния и милосердия, но брать принадлежавшее им по праву, гордо шагая за спиной своего Владыки вперед — в светлое будущее их темного народа...

Так или иначе, теперь у Руни и близнецов оказалось множество вэсие и шасие. И это не считая мастеров, учителей и старших адептов...! Постоянная оживленность на острове не давала впасть в уныние. Оно и к лучшему...

А близнецы, новоприобретенные брат и сестра, были отдельной темой для разговора. Как Руни понял, у них с а'вэди были разные матери, но все трое в большей степени внешностью своей пошли в отца. Магни, признаться, был полной копией Арана с поправкой на цвет волос. Мия же, переоденься она в мальчишечьи одежды, с лёгкостью притворилась бы братом, и только голубые глаза выдали бы её — у братьев они были зелёные.

Но, всё равно, в большей степени господа Талэ были похожи не внешне — какая-то странная внутренняя сила, сверкающее на дне зрачков знание, шлейф чего-то неведомого, но явно ощутимого щекотал нервы. Для своих всего девяти лет близнецы были поразительно умны, а понимали они точно гораздо больше, чем показывали.

Руни был старше своих и'вэди и и'шати на два года, и хотя в детской среде это весьма значительный срок, целая пятая часть жизни, в их случае это совершенно не ощущалось. Мия и Магни, строившиеся других детей и почему-то не воспринимавшиеся взрослыми, за исключением Арана, всерьез, быстро сошлись с новым братом, подружившись с ним и не давая тому слишком много копаться в себе, не оставляя даже шанса замкнуться и отгородиться от мира.

И как же Руни был им благодарен...

Глава 7. Руни Талэ

На самом деле, о своём а'вэди Руни слышал и раньше, ещё когда мать была жива. В конце концов, он был незаурядной личностью, вокруг которой постоянно витало множество слухов и тайн.

Никто не знал имени, данного ему при рождении.

Никто не знал, откуда он взялся и почему — именно теперь.

После Великой Охоты, когда истребили, казалось, последних драконов, и пугать ими непослушных детей уже особо не получалось, на роль страшилки нашёлся новый кандидат, чей образ для этого подходил как нельзя кстати.

Жуткая легенда для людей и лучик надежды для не отрехшихся от своих корней некогда изгнанных с родины шесс'ен.

Среди слуг клана Рии любили шептаться о том, кто столь дерзко взял себя имя одного из богов Тёмного Пантеона — стоило одной сплетне изжить себя, как ей на смену приходила новая. Что-то, а в бездеятельности его а'вэди обвинить было нельзя, он не давал о себе забывать.

Брат Дракона.

Истинный Наследник Талэ.

Повелитель Крылатых.

Алый Дракон.

В народе ему дали много прозвищ, и даже его ненавистники остерегались называть господина Талэ по личному имени в своих разговорах — никому не хотелось ненароком оскорбить могущественного Дха'авир.

Говорили — он мог мановением руки поднимать пламя до небес и обращать в пепел города.

Говорили — он мог убивать одним лишь своим пронзительным взглядом, жертва умирала от страха, не выдерживая этой силы.

Говорили — он был способен пронзять пространство, читать по зрачкам чужие души и даже заглядывать в прошлое.

Что только не приписывали Арану, всё больше наделяя его образ присущими божествам чертами, всё больше и больше смешивая смелого, дерзкого шесс'ен и Тёмного Высшего.

Быть может, беря это имя, он того и добивался.

Продуманно...

Так или иначе, о господине Талэ Руни слышал ещё до того, как познакомился с ним лично и, признаться, у него тоже сложилось впечатление, что это какой-то невероятно величественный, строгий и, наверное, почти богоподобный шесс'ен, рядом с которым даже ледианские короли чувствовали бы себя жалкими и малозначительными.

Мальчику так и представлялась эта высокая тёмная фигура с пылающей зеленью глаз, от которой чёрным ветром разносилась бы Тьма, которой тот был бы пропитан — с таким личным именем ничего иного и быть не могло.

Но, помимо всего этого, у мальчика возникали неясные ассоциации.

Нравне с темным образом возникал и иной, пусть всего на мгновения, но зато до странного ярко и отчётливо — смуглый и улыбчивый юноша, чьё лицо и плечи были усыпаны веснушками, в котором плескалась жажда свободы и справедливости.

А в другие моменты на том же лице — копоть и засохшая кровь, и слёзы в глазах, отчаяние и горе — в них же.

Те глаза, казалось, беззвучно кричали, но столь невыносимо, что, пожалуй, окажись это правдой, слухи о смертоносности взгляда Брата Дракона оказались бы даже слишком правдивы.

Столкнувшись с Араном в реальной жизни, Руни понял — собственно, именно такое, только более юное, лицо ему и представлялось.

Точность вымышленного образа, его излишнее совпадение с реальностью способны были ввести в ступор, но в тот момент Руни было не до размышлений на такие темы. Позже же ощущение, что какие-то вещи казались слишком знакомыми, стало настолько привычным, что он устал удивляться даже хоть сколько-то обращать на это внимание.

Списал это на нормальные для всех саи-ри явления — кто их знал, эти особенности родственных душ, слишком уж редко они встречались, да и в почете таком были только у шесс'ен, и за пределами А'Ксаана почти нереально было узнать хоть что-то по этой тебе — свои тайны драконий народ, несмотря на все свои внутренние разногласия, берег свирепо и отчаянно.

...А'вэди оказался действительно подобен темному духу, яростному божеству войны в бою, но в мирной жизни он, на удивление, был тих и скромн, сдержан на эмоции, но всегда приветлив.

Полуулыбка не сходила с его губ, хотя и казалась, порою, слишком грустной, потерянной.

Не мрачный и торжественный образ из людских слухов, но молодой мужчина из плоти и крови, Аран казался Руни кем-то настолько родным и близким, что становилось почти страшно — создавалось впечатление, что они были кровными, а не названными братьями, что было в принципе невозможно.

Впрочем, это было и не важно, мальчик довольствовался тем что имел, старательно запоминая всё, что связано было с его а'вэди, стараясь окончательно укоренить в своем сознании этот мирный и дружелюбный портрет брата.

Аран любил чай со степными травами, и некоторые из них было весьма трудно достать на Вольных Островах, однако для своего Повелителя лорды кланов, конечно же, находили их и преподносили в дар.

Сам же чай он всегда пил чуть остывшим.

Эта деталь умиляла Руни — названный Алым Драконом не переносил кипяток и предпочитал разбавлять его холодной водой или ждать... а ещё брат, несмотря на свою очаровательную любовь к сладкому, никогда не клал ни мёда, ни сахара в свои напитки, предпочитая баловать себя ягодными пирогами, но делал он это нечасто.

Одевался он всегда достаточно просто, хотя и мог позволить себе ходить в золоте и драгоценностях, которые, тем не менее, на дух не переносил.

Как и любые регалии.

У него были достаточно длинные волосы, которые он предпочитал заплетать в косы или собирать лентой в хвост, практически по-женски.

В этом, собственно, ему сначала помогала ближайшая сподвижница и правая рука, госпожа Сунн, а после и первая ученица Арана — госпожа Цаиш, Сатин.

Со своими подчиненными же Аран вёл себя достаточно сдержанно и максимально доброжелательно, хотя и это не могло до конца отвести внимание от исходящей от него

подавляющей мощи, но он явно искренне старался не давить на окружающих и не доставлять им этим дискомфорт.

Впрочем, это не значило, что Аран не умел пользоваться этим своим свойством — давить на людей своей аурой он наловчился в совершенстве, просто использовал этот приём он в качестве крайней меры, заменяя им грубые слова и повышенный тон.

Действовало безотказно.

Те, кто вызвали неудовольствие господина Талэ, в частности, осмелевшие, или, вернее, в край обнаглевшие лорды кланов, надолго запоминали, почему нельзя перечить его приказам или, что ещё страшнее, нарушать его правила.

А ещё Аран очень внимательно относился к своим адептам, близко принимая к сердцу их неудачи и искренне радуясь за их успехи, за что, собственно, этими самыми адептами был любим.

Брат вообще оказался на удивление привязчив, и в этом, пожалуй, была его главная слабость.

А ещё он умел вдохновлять.

И всё это Руни подметил всего за неделю наблюдений — ходить хвостиком за своим а'вэди было увлекательно, а нахождение рядом со своим спасителем дарило ощущение безопасности, которого не получалось найти рядом со слугами, другими детьми или даже Мией и Магни.

Самое прекрасное, а'вэди был не против постоянного нахождения рядом Руни — на осторожные вопросительные и недоумевающие взгляды окружающих он отвечал своим, красноречиво говорившим, что его всё устраивало.

Спорить никто не решался.

И это было прекрасно.

Руни не нравилось разговаривать с окружающими — за исключением идо Сатин, близнецов и а'вэди, все вокруг были или детьми, а потому слишком беззаботными и слишком активными, или жалели его, сюсюкая, или обращались к нему не то, чтобы с пренебрежением, но давая понять, что равного собеседника в десятилетнем мальчишке они не видели.

Может, последние в чём-то и были правы — с такими особами у Руни точно не нашлось бы общих тем.

Нельзя недооценивать детей.

Впрочем, не то, чтобы даже общайся с ним все максимально уважительно, он был бы тому рад — взаимодействие с окружающими в принципе давалось ему с трудом. Они всегда оказывались слишком скучны.

Гораздо интереснее было наблюдать.

Наблюдать и делать выводы.

Понимать, какими нитями все были друг с другом связаны, читать их лица, изучать их судьбы по осанке и манере общаться.

Так что за то время, пока Руни тенью следовал за своим а'вэди, он успел узнать много нового и полезного про тех, с кем ему теперь придётся уживаться, в частности, про ближайшее окружение брата.

Это не безликие слуги какого-то из вассальных кланов, это были дорогие сердцу Арана люди и ради спокойствия брата нужно было изучить их получше, чтобы понять, как себя с

ними вести, чтобы не нарываться на конфликт и не расстраивать этим его.

У брата и так было много переживаний...

Зачем ему лишние, если Руни был в состоянии их предотвратить?

Когда Аран только объявился на архипелаге, на это совершенно не обратили внимание. Тогда для большинства его просто не существовало. Так, ещё один воин-одиночка, юный сай'нел, каких много скиталось по миру. Или странствующий сайши, неприкаянное дитя Тау-Ри.

...Только когда он сумел отыскать последних драконов, признавших его своим вожаком, на него обратили внимание.

И тогда герои Великой Охоты, уже ущемлявшие всех не отрёкшихся шесс'ен, провозгласили своей целью истребить и предателя рода человеческого, и его подопечных.

Тогда Союз Аниа впервые столкнулся с тем, какой, оказывается, грозной силой мог быть юный Шесс'Алори.

Из нескольких сотен воинов, отправившихся вершить справедливость по своему усмотрению, вернулись только одиннадцать — обезображенные ожогами, ранены, они только чудом добрались к своим кланам, чтобы рассказать обо всём, что с ними случилось.

О синем пламени, проходившем сквозь магические щиты и от которого не было спасения.

Об обручах с незнакомыми рунами на драконьих шеях, блокировавших любую попытку сай'нел атаковать.

О черном тумане, порождавшем галлюцинации, доводившем до сумасшествия.

О бесчеловечной жестокости Драконьего Владыки.

О том, насколько ужасающ союз огнедышащих тварей и тёмного отродья.

Весть о том, сколь сокрушительное поражение потерпели силы Союза Аниа, стремительно облетела весь архипелаг.

Ледианскую его часть... Отделённые Гранью Миров, аксаанские острова архипелага продолжали оставаться в блаженном неведении касательно происходившего у их соседей...

Напуганные люди предполагали всякое — вплоть до второго пришествия Литы. Тот был единственным на памяти народа столь же могущественным сайши. Он даже сумел объединить ледианские королевства, но заплатил за своё могущество непоправимо высокую цену.

Показательный пример для всех, кто искал помощи у богов Тёмного Пантеона.

И, конечно же, конкретно, у *Даны*.

Но, конечно, лед'ен всячески отрицали, что их сиятельный Владыка мог вновь прийти в материальный мир в облике нечестивого шесс'ен...

Запретные имена Тёмных Высших вновь зазвучали.

...Но драконий народ не боялся *Тёмных*.

Не боялся *Тьмы* — только *Мрака*, пожиравшего Светила и саму жизнь.

В конце концов, шесс'ен были созданы Дха'авир и не им бояться собственных богов...

Ранее с подозрительностью относившиеся к «мальчишке, возомнившему себя невесть кем» шесс'ен поняли — вот оно, их спасение. Воспетый в легендах посланец Владыки, предреченный наследник могущества Первого Короля А'Ксаана.

Вся сила Тёмного Пантеона, сосредоточенная в смертном теле.

Шанс на жизнь.

Шанс и мир.

Шанс на возвращение потерянного века назад величия...

Величия тех, кто остались преданы своим клятвам и крови Первого Короля, изгнанных из-под золотых небес за собственную верность и непоколебимость.

Первыми же к Шесс'Алори примкнули странствующие сайши и безродные шесс'ен. Наиболее неуловимые для аниа, но и наиболее беззащитные, ведь ранее за них никто не заступился бы.

А ещё — те, кто был некогда его соучениками.

Его самые верные товарищи.

Среди таких преклонивших колени перед господином Талэ бродяг оказались и те, кто теперь входил в его ближний круг. Братья Далэн и Кайни Феол, Лирен Рес, Цзаньи Вей и, конечно же, Кира Сунн.

Все они были колоритными личностями, но более всех была известна среди народа именно последняя.

Никогда бывшая младшим адептом в клане Кеи, она ушла, не сойдясь во мнении с его главой. Она потеряла из-за действий Союза Аниа младшего брата, зверски убитого в результате очередного столкновения, но госпожа Кеи запретила ей свершить кровную месть. Мириться с этим Кира не стала и отрёклась от своего клана, став изгнанницей, чтобы, спустя годы странствий, найти, наконец, свой шанс на справедливость.

Фре Сунн была женщиной яростной и скорой на расправу, и только спокойная доброжелательность Арана могла уравновесить её бешенный темперамент, перенаправить бурлившую в ней энергию в нужное ему русло защиты драконьего народа от агрессии людей. На этом поприще она стала вернейшей соратницей своего Владыки, отличаясь даже излишней инициативностью и энтузиазмом, как это часто бывало со всеми теми, кто дошёл до отчаянья и потерял всё что было им дорого, сохранив только собственную жизнь, уже им не особо нужную, и внезапно получил цель в жизни, ставшую её смыслом.

Такие, отчаявшиеся, боявшиеся потерять то, что чудом получили, подсознательно надеявшиеся своей фанатичной преданностью своему идолу вымолить у жизни шанс на счастье, составляли немалую часть последователей Шесс'Алори.

Признаться, среди первых адептов господина Талэ таких было даже слишком много.

Жаль, подобные кадры часто погибали, став жертвами собственной импульсивности или безоговорочной слепой веры, которую, вообще-то, Аран не приветствовал. Однако, это не означало, что он не умел ей пользоваться и не использовал её для достижения своих целей.

...Прошлое же Шесс'Алори, период между смертью его брата-дракона, воспетого в балладах и стихах, подарившего Арану саму его суть, и его возвращением на Вольные Острова, было скрыто завесой тайны — не было ничего, кроме осторожных догадок, что именно в этот период он обрел все свои удивительные способности и запретные знания.

Впрочем, эта загадочность только добавляла своего очарования образу Владыки.

Да и не важно это было для них, самых преданных.

Им хватало и малых милостей — получив из рук своего господина его клановое имя, перестав считаться изгнанниками и изгоями, они стали основой возрожденного клана Талэ.

И пусть до возрождения Дома Талэ, до восстановления Империи и возвращения потомкам Первого Короля их законного священного трона оставались ещё многие годы...

Оперативно, в течение нескольких месяцев, сильно возвысившись, превратившись из

просто драконьего вожака в одного из высокородных господ, высшим хищником этой пищевой цепи, Аран стал той фигурой, к которой потянулись, прося о покровительстве, те кланы не отрёкшихся, что сумели пережить чистки или кто чудом сумел увернуться от внимания Союза Аниа.

Сколь иронично было то, что первым принес вассальные клятвы клан Кеи, а его глава теперь была вынуждена кланяться своей бывшей подчиненной, называя её уже не по личному имени, а госпожой Сунн... Как причудливо изворачивается судьба — вчерашние господа лебезили теперь перед бывшими своими слугами, перед никогда униженными и обиженными.

Но сделать ничего было нельзя.

Да и не нужно...

Всего за пять лет непризнанный людьми клан Талэ разросся до таких масштабов, что не воспринимать его всерьёз, не считаться с ним было уже нельзя.

Опоздал Союз Аниа со своей идеей быстро зачистить острова шесс'ен — организованные, сплоченные, обученные тёмным техникам, защищённые тайными рунами забытого языка сайши могли не только постоять за себя, но и серьёзно потрепать людей, возникни у них такое желание.

А приказы Шесс'Алори любой ценой людей на архипелаге уничтожить — стерли бы тех в пыль, развеяли бы пеплом по ветру.

Потому, поздно спохватившиеся человеческие кланы и отрехшиеся стали готовиться к полномасштабной войне, понимая, что выжить сможет только один из двух народов.

Пока их спасало только то, что сам оказался Аран был не заинтересован в конфликте.

Он хотел вернуться вместе с изгнанниками на родину их народа — жалкая кучка островов его не волновала, ведь его ждала его разрушенная, уничтожавшая сама себя без своего Владыки империя.

Вдвойне повезло людям — к ним господин Талэ относился с равнодушием и даже слабой симпатией, испытывая неприязнь к вполне конкретным лицам, а не целой расе, в то время как, *отрехшихся* он откровенно ненавидел.

Это многие замечали и думали, что, в принципе, это было не удивительно — именно эти предатели сыграли ключевую роль в Великой Охоте.

Но дело было совсем не в этом.

Аран понимал хитрость — на словах отречься от своих предков, дабы выжить и защитить их наследие, но идейную ненависть к собственному народу со стороны его же представителей ни понять, ни принять не мог. Это казалось ему преступным и противоестественным — помогать уничтожать собственное прошлое, выжигать свою кровь,

Не исправить ошибки предков, не начать всё сначала, помня их ошибки.

Разрушить.

Дети Хаоса, Дети Мрака — вот кем были эти *отрехшиеся* в глазах Арана. Последователи Убийцы Светил и его философии всеобщего уничтожения ради равенства душ! Столько народов погибли, навсегда сгинув в Бездне, а теперь они уничтожали собственный.

Предатели.

Предательство было тем преступлением, которое Аран простить не мог.

И, несмотря на всю свою доброжелательность, не желал.

Из-за предательства он потерял всё, что имел.

Из-за предательства погиб его саи-ри.
Из-за предательства родился **Аран...**

Глава 8. Руни Талэ

Пять лепестков шие-си устремились каждый в свою сторону, заключенные в круг королевского пурпура — главный символ Умэ-Цаали повторялся в интерьерах, одежде, самой жизни северян с весьма утомляющей взгляд Руни частотой. Конечно, не могло его не быть на массивных дверях Зала Советов.

Руни никогда до конца не понимал эту глупую любовь цишен к этому невзрачному цветочку. Шие-си — не пышная роза или разливающий медовый аромат пион, не коварная ядовитая лилия. Простой и незамысловатый, он был повсюду, и, признаться честно, раздражал — при том, что рос, собственно, только в Шиеш'Баа, и паломничество в тот край было священным долгом всякого порядочного цишен. Ну и племянничек у себя вырастил эти их, невесть как.

...Вспоминать о коронации, когда вместо положенного во всякому порядочному государю венца, ему водрузили на голову веночек из этих цветочков, и вовсе не хотелось — что за вздор.

Нелепость.

И он уже много лет жил в этой нелепости.

Слишком много.

...Руни со вздохом зашел в Зал Советов, придавая своему лицу суровости и невозмутимости, чтобы не дать хоть кому-то заметить своё смятение.

Не показывать уязвимости.

Иначе — сожрут и костей не оставят.

Он бы, собственно, и не был против, если честно, но — слишком рано. Слишком многое пришлось бы племяннику взвалить на себя, в таком случае. Непозволительно много. Так поступить со своим учеником Руни не мог — совесть и честь не позволяли.

Тихо переговаривавшиеся до этого лорды мгновенно замолчали и направили на него свои выжидательные взгляды. Внеочередное собрание Совета Кланов всегда было делом необычным, тревожным. Цишен последние десятилетия жили в постоянном ожидании катастрофы — когда их предадут и попытаются уничтожить. Видимо, по себе судили.

В глазах лордов читалась опаска...

Впрочем, она всегда там была, что бы он не делал.

Они не принимали его.

Признавали его власть, подчинялись — но как захватчику, поработителю, из-под чьей воли однажды они сумеют освободиться, и это своё стремление они даже не трудились скрывать, каждым своим жестом и движением выказывая своё истинное отношение, впрочем, не пересекая черты, за которой всякая дерзость должна была быть наказана.

Это уже давно не ранило Руни, не резало по сердцу.

В конце концов, именно им он и был для цишен — захватчиком, чужаком, цареубийцей.

Саи-ри ненавидимого ими императора.

Он и сам не хотел находиться здесь, возиться с проклятыми северянами, наводить здесь порядок и железной рукой удерживать их вольнодумие, выжигать в зародыше крамолу.

Но — надо.

А'вэди приказал.

Тагуш — такой же как он, уставший давний слуга Владыки, верный ему до последний

капли крови, но служение это осталось последним смыслом жизни. Но дракон не мог никак помочь. Как скрасить тоску тому, кто сам ею страдал...? Но всё же доносившаяся по связи поддержка и утешительное сочувствие брата-дракона помогали выносить весь этот фарс с гордостью и достоинством. Ну или просто он держался, потому что обещание полетать после собрания — не пустой звук. А тому, кто совсем недавно был крылат, полёт был делом сокровенным и совершенно необходимым для душевного здоровья. *Да, он просто из-за всех этих государственных дел давно не летал с Тагушем.*

...Вслед за Руни в зал зашел его племянник со своим телохранителем, и всё внимание лордов тут же перенеслось на них. Их эмоции изменились. Точно такого же чужака и захватчика Девона они уважали и любили, ласково обращаясь к нему *Цэй'алори* — «юный владыка», явно и недвусмысленно показывая, кому именно принадлежала их симпатия и вечная верность.

Иногда Руни казалось, что если бы не однозначная позиция его племянника по этому вопросу, то лорды даже не утруждали бы себя приставкой «Цэй». Но — называться Владыкой при ещё живом и здоровом короле было бы как-то излишне нагло, да и просто невежливо.

Девон же был вежлив лишь по отношению к тем, кого уважал и любил сам, но таких личностей было ой как немного за пределами его Ваккеш Ати.

Руни повело быть одним из этих счастливицков.

А А'вэди — нет.

Странно быть племяннику, своему ученику и наследнику, ближе, чем его собственный отец. По крайней мере сам Девон своего отношения ни к отцу, ни к наставнику не скрывал, подобно всем этим северянам прямолинейно выражая, кому конкретно принадлежала его полярность. Это льстило и причиняло нестерпимую душевную боль — Руни нужны были уважение и признание *а'вэди*, а не его сына.

Руни прекрасно умел терпеть боль.

Руни прекрасно умел притворяться, что боли нет.

Никто о ней не догадывался.

Даже сам Девон.

Даже Аран...

...Когда, убедившись в том, что весь Совет Кланов был в сборе, Руни приказал лордам доложить об остановке на их землях, он ощутил хлынувшее от них облегчение — кажется, они убедились, что опасаться было всё-таки нечего. У них, как и всегда, было всё под контролем.

Руни, собственно, в этом и не сомневался даже, но только с помощью таких собраний можно было вытащить в столицу племянника из его поместья или очередного путешествия, а его суждения для Руни были важны.

Как минимум потому, что Север своего Цэй'алори искренне любил, а тот отвечал этому краю взаимностью.

Скорее бы представилась возможность уйти на покой...

— *На землях Кали и на подконтрольной ему части Северного Торгового Пути активность тварей находится в пределах обычного. Больше Искаженных обнаружено не было.*

Ну кто бы сомневался — Руни мысленно усмехнулся — *рядом с вами чуть не убили перспективного мальчишку, в котором Девон оказался заинтересован* и которого успел

перехватить себе раньше, чем Руни. И теперь ученик недоволен тем, что что-то снова может покоцать его новую игрушку, и та не отделается на этот раз переохлаждением и испугом.

Своими игрушками Девон делиться не любил.

...Он даже не представлял, насколько сильно был похож в это на своего отца.

— *На всём протяжении Циаш'Лаен спокойно, твари периодически бывают замечены только на левом берегу реки, в Проклятых Топях, но пересечь границу они не спешат и показываются редко.*

— *На западном берегу всё спокойно.*

— *На южном берегу всё спокойно.*

— *Танеш'Лаен безопасна.*

— *Ксаиш'Лаен безопасна.*

— *Из Ца-Тана, Ца-Шиен и Ца-Хаару тоже не было тревожных донесений.*

У всех всё спокойно.

И тихая паника по всему югу империи и волнения на западе их, благородных цишен, конечно же, не касалась.

У них, северян, всё под контролем!

У них...

Руни мог говорить, но никогда не думал — «у нас».

Вечный изгнанник, вечно чужой, вечно нелюбимый — *неужели в этом была его судьба?*

— *Значит, у нас всё спокойно, и та тварь была исключением?* — озвучил он очевидное, привычно не позволяя своим чувствам и мыслям отразиться на бесстрастном лице. Но, казалось, все всё равно всё понимали, но молчали — даже без насмешки и жалости.

Им было всё равно.

Равнодушие — это хорошо.

Как с ним работать, он прекрасно знал.

— **Да, Ваше Величество.**

Они принципиально не добавляли «королевское».

Руни принципиально не просил.

Он, мальчишка, сын служанки, никогда не думал, что сможет даже сидеть за одним столом с высокородными господами — и теперь он сидел на троне, а эти господа ему кланялись.

И путь — волею а'вэди.

Всё под золотыми небесами — волею а'вэди.

— *И всё-таки, я уверен, что появление нашего Искаженного друга связано с теми событиями, что творятся у южан...* — протянул Девон задумчиво. — *Не могла просто так тварь взяться столь далеко и от Запретных Земель, и от Топей. Произойди это в лесах возле Ваккеш Ати, никто бы и не удивился, но всё-таки рядом с Кали... Почти на самом Северном Торговом Пути!*

— *Узнай о произошедшем торговцы, поднялась бы паника, и экономике Умэ-Цаали был бы нанесен огромный ущерб,* — пробормотал лорд Кали обеспокоенно, прекрасно умевший чують, откуда может прийти беда. — *Мы всё ещё слишком зависимы от хлеба и шерсти дишен.*

— *Непозволительно,* — Девон недовольно сжал губы и нахмурился.

— *Цэй'алори, вы думаете, что нас пытаются подставить и разрушить остатки*

взаимоотношений с цишен?

— Это очевидно. Выходка Руена, разгуливающий у самой границы Искаженный...

— Не удивлюсь, если за этим стоят элишен, — буркнул один из лордов западного побережья озера Ша, Руни даже не стал пытаться понять, который из.

— Не исключено, но... что-то в этом не так. С одной стороны всем аниа показывают, что шесс'ен не способны исполнить свой долг и защитить их от тварей, а значит можно наше главенство и оспорить, — рассуждая, Девона никогда не скупился на мимику, там сильно отличаясь от своих братьев и отца. — Ведь это значит, что мы вроде как потеряли, а вернее, так и не вернули божественное благословение, и Владыка не более чем узурпатор, но...

— Но также у нас, на Севере, всё спокойно и мирно.

Следующие слова застряли в горле говорившего лорда.

— В глазах остальной империи...

— Виноватыми покажемся мы. Каким бы ни был исход.

— И тогда южане могут возжаждать нашей крови и попытаться окончательно сломить цишен.

— Этого не будет. Я — не позволю.

Тишина, полная благоговения, разлилась по залу — полные надежды взгляды скрестились на его племяннике. Девон исключительно редко говорил такие вещи, и каждый раз они били в самое сердце этих цишен, доставали самых глубин души и привязывали лордов к нему нерушимыми оковами.

Они — верили.

Верили, что их Шессо'Цаали их защитит.

Их безмерно подкупало то, с каким собственничеством принц относился к Северу, а императорскую породу они знали — Талэ не делились ни с кем своими игрушками.

Как же всё-таки Девон похож на своего отца...

— Случись война с Западом, они снова переломят нам хребет. Так уже было не раз — шесс'ен плохо уживаются с теми, кто от них отличается, зато очень хорошо умеют против кого-то дружить, — покачал головой Мару, поджав свои тонкие губы.

Он озвучил очевиднейшие вещи, но, несмотря на всю противоречивость действий Лорда-Защитника, в подобных вопросах к нему прислушивались.

Мару вообще был фигурой во многих отношениях интересной и спорной — как только ненавидевшие предательство больше всего на свете цишен простили ему принесение присяги Дому Талэ?

Какая ирония...

Считали захватчиком благородные лорды почему-то Руни, хотя поставил Север на колени как раз и принёс его к ногам Императора именно Мару. Это он был тем военачальником, благодаря которому были свергнуты отказавшиеся преклониться перед Владыкой гордые и независимые Тиори — последний из Великих Домов, не считая потомков Эйрена.

Мару Тиори.

Последний сын.

Последний наследник, отказавшийся от любых претензий на престол и добровольно принёсший клятвы Владыке.

Поначалу многие его за это ненавидели, считали, что он продал родину захватчику, что

он предал цишен и должен быть убит во имя искупления своей вины, но только сами лорды, знавшие истинное положение дел, прекрасно понимали, что Тиори были обречены, а ошибки последнего их короля можно было искупить только кровью. Мару же стал той стеной, что защищала цишен от Империи.

От Талэ.

Принимая их гнев на себя, являясь гарантом, заложником, он не позволял своей родине, пламенно любимой, бесценной для него, пострадать по-настоящему.

Правда была сурова и неумолима — с тех пор, как последний Тиори сам стал давить ростки мятежа, показывая Владыке собственную лояльность, Север снова приобрел свои крохи былой свободы, позже позволившие им за последние десятилетия уверенно встать на ноги и не бояться увидеть на рассвете силуэты Всадников.

Мару принёс себя в жертву.

Свою совесть, свою невиновность перед народом, но только чтобы его защитить.

Его поняли.

Его простили.

Его любили...

— *Мы столько раз пытались отделиться от империи, и мирным путём, и войной, но каждый раз Талэ приходили и устраивали нам резню, не давая даже шанса,* — продолжил мысль Мару лорд Кали.

— *Теперь у вас есть свой Талэ,* — произнёс доселе всегда молчавший идо Диасси — телохранитель Девона.

— *Цэй'алори?*

Девон ухмыльнулся, явно одобряя слова своего саи-ри.

— *В последний раз вы проиграли потому, что я был вашим врагом,* — припомнил племянник лордам их последний мятеж. — *Но теперь... теперь я вижу. Цишен — единственные, кто всё ещё живут по заветам Первого Владыки, кто чтит всех древних богов и говорит на священном языке нашего народа, кто поклоняется Разуму, а не Войне.*

— *Ваш отец чудовище, Цэй'алори,* — покачал головой лорд Кали. — *Он отослал куда подальше от себя своего саи-ри, отбраковал своих старших сыновей подобрав им в жены иноземок, чтобы даже их дети не могли претендовать на его трон. Это... ужасно. Это идёт вразрез со всеми древними устоями.*

— *Но — в рамках закона, а это главное,* — племянник усмехнулся, но в его холодных глазах Руни увидел привычное уже ожесточение — каждый разговор про отца для него был болезненным. — *Трон империи мне не нужен. Главное, что под моим крылом окажутся верные Разуму шесс'ен.*

И, конечно, его верные Вакке.

О преданности Воронов своему Повелителю ходили легенды, но то, что Аран позволил сыну иметь собственных орден Всадников, фактически, не подотчетный никакому из королевств, и принадлежавший именно Девону о многом говорил — вообще-то в хорошую сторону.

Многие считали, что старший принц в опале, что он отослан от двора и нелюбим, но Руни знал — Аран бесконечно любил свою семью и всех своих детей.

Всех.

Всё что он делал, он делал для того, чтобы их защитить.

Так или иначе.

А Девон... Он — ветер, запутавшийся в крыльях, вольный и переменчивый, неспособный усидеть на одном месте. Столица была для него золотой клеткой.

Отстранившись от сына, а'вэди просто попытался запутать врагов — чтобы в и так пострадавшем мальчишке больше е видели мишень. Чтобы они не вдели слабость Владыки. Слабость, больше не способную самостоятельно себя защитить. *Непозволительную слабость...*

Ваккеш Ати стал настоящим сокровищем Девона, но даже собственное поместье, находившееся даже за пределами Империи, на левом берегу Циаши, на самой границе с Проклятыми Топями, не сумело удержать племянника.

Действительно — ветер.

Не скованный более титулом наследника империи, он странствовал, проводя на чужбине гораздо больше времени, чем дома.

И даже сейчас он собирался в очередное путешествие, сразу после заседания совета, собственно.

Нехорошо, на самом деле.

Да разве ж поймаешь ветер?

— *Вы уверены, что оставить нас в столь сложное время и отправиться в путешествие — хорошая идея?* — вторил его мыслям лорд Шамо.

— *Уверен,* — отрезал Девон. И никто более не смел с ним спорить. — *Мне нужно встретиться с сестрой, а она отказывается покидать Тау-Ри-Эвен.*

— *Её Императорское Высочество можно понять.*

— *Там она подопечная светлейшей Адэн и уважаемый мастер, а в империи — беглая принцесса.*

— Ты правда думаешь, что Аран хочет сравнить нас с Востоком? — спросил Руни, стоило им с Девоном оказаться одним в тиши его кабинета, когда за слугой закрылась дверь. Даже стражи остались снаружи. Даже саи-ри племянника.

Девон устало плюхнулся в кресло, разом растеряв весь свой гордый вид и королевскую статью, превратившись их молодого господина в измученного мальчишку.

Им он и был.

Мальчишкой.

Был и навсегда им останется...

— Отец здесь ни при чем.

— Я понимаю, *Дев*, всякому сыну положено видеть в родителе самое лучшее, но... — мягко начал Руни, прекрасно понимая, что нёс откровенную чушь, ведь не видел мальчишка всей той заботы, которой на самом деле Аран окружал своих детей.

Именно потому, что он делал он это незримо, ненавязчиво, неуловимо.

Неотвратимо.

— Да нет, отец не стал бы именно так поступать, — Девон постукивал своими аккуратными, ухоженными ногтями по подлокотнику кресла, в котором вольготно развалился, — он деятелен и прямолинеен, захоти он нас превратить в пепел, именно это бы и сделал. Он не пошёл бы путём долгих интриг и не стал бы пользоваться втёмную своими подопечными. Не его стиль. Он слишком собственнически относится к империи и её населению. Он считает даже северян своими. Он не отпускает Север именно потому, что считает его тоже своей собственностью.

— Но и ты не позволишь Северу отделиться от империи.

Не позволит.

— Максимальной автономности для нас я добьюсь, можно не беспокоить по этому поводу, но....

— Но?

— Отец считает, что империя нужна Северу.

Вот оно что.

Руни ухмыльнулся.

— А как считаешь *ты*?

— Это именно Север *нужен* империи, — Девон выпрямился в кресле, его голос стал звонким, полным юношеского упрямства от которого мальчишка ен избавился даже теперь, сам став отцом. — Что-то грядёт, и само выживание шесс'ен будет зависеть от нашего единства. Я не могу позволить сепаратистским настроениям цишен погубить весь драконий народ. Я — сын золотого неба, а не северных ветров. Весь А'Ксаан — мой дом, чтобы отец по этому поводу не думал. Защищать я буду всех, и никто мне в этом не помешает.

Глава 9. Девон Талэ

Вольные Острова...

Земля сильных и свободолюбивых людей, что не стали мириться с тиранией лед'ен. Не пожелали быть говорящим скотом светлейших... Земля людей, что, плюнув на прошлое, на опасность неизвестности, пошли в море в надежде найти себе новый дом.

И нашли.

И защищали его отчаянно. Порою, даже слишком рьяно...

Земля могущественных людских кланов, громадных диких азафов, непокорных холодных ветров, хмурого низкого неба и почти черной воды.

Земля, расположившаяся на самой границе миров.

Расколотый ею архипелаг...

Суровый, по-своему прекрасный, по-своему поэтичный край. Край, порождающий таких же суровых, негибаемых, прямолинейных и жестоких личностей.

Его отец тому был ярчайшим примером.

...Вольные Острова вызывали в Девоне противоречивые чувства.

Холодно и ветрено, почти похоже на ставший родным ему Север... Но — совершенно по-другому. Здесь не пахло здесь хвоей и лесными цветами. Низкое синее небо давило на разум, заставляло хмуриться. Солёная морская вода — не великие аксаанские реки.

Всё здесь — чужое.

Чужой край.

Чужой мир.

Чужой дом.

И не скажешь, что бывал он, Девон, когда-то здесь счастлив...

Родина его родителей, колыбель возрождённого величия Дома Талэ, место, где верные шесс'ен обрели своего Владыку и преклонили перед ним колени, принесли присягу. Именно здесь чуть меньше века назад восстала из пепла империя, даже если сам А'Ксаан был ещё о том не в курсе.

Этот архипелаг помнил ещё юного, слабого, неоперившегося Владыку.

Он мог дать ответы.

Они были здесь, в этой кучке голых продрогших скал.

Главное знать, куда смотреть...

Девон знал.

Он хотел ответы.

Он боялся их получить.

На самом деле, можно было бы выбрать иной маршрут, чтобы не бередить прошлое, не нервировать население и дядюшку Сигрида. Но такой путь был бы значительно длиннее, пришлось бы идти морем, а Девон не выносил корабли. Его на них вечно укачивало. И вообще — фу. Можно было сменить драконов на азафов, оставив Айну и Аишу дожидаться их возвращения на аксаанской части архипелага. Можно было изначально отправиться верхом на птицах.

Можно было избежать неизбежного, но Девон не пожелал заморачиваться.

Повидать дядюшку, двоюродного брата и племянника — почему бы и нет? Снова увидеть старое поместье отца, построенное им для матери, куда они часто выбирались, когда

Девон и Арека были ещё совсем детьми, а Веарди — только родился? Почему бы и нет! Почему бы и не плюнуть в лицо собственным предчувствиям! Почему бы не махнуть рукой на болезненно сжимавшееся сердце!

Девон слишком часто поступал противоречиво, вопреки самому себе и, на первый взгляд, здравому смыслу. Ола говорила, что именно эта непредсказуемость и делала его столь опасным.

...Слишком давно не был здесь.

С тех самых пор, *как*.

Девон не помнил Беркен.

Город отпечатался в его памяти ворохом пятен и запахов, и даже создавая библиотеку собственного разума, он не нашёл ничего толкового. Слишком мал он был тогда, чтобы запомнить. Слишком увлечен другими вещами, чтобы смотреть по сторонам.

Девону не понравился Беркен.

Шумный, многолюдный, с тесными улочками, грязными тёмными переулками, пахнувший потом и людскими испражнениями и рыбой, он вызывал в Девоне отвращение.

Дворец Клана Йорен, увы, не исправил этого впечатления.

Слишком несвойственными этому суровому краю были причудливая округлость, изящность форм. Они откровенно раздражали, как и мозолившая глаза позолота повсюду, на которую всегда то и дело отвлекался острый взгляд шесс'ен. Может, для этого все и было сделано в человеческих домах — чтобы невозможно было сосредоточиться.

В Беркене, в поместье клана Йорен, *всё* дышало людьми.

В плохом смысле.

Девону всегда были по душе более лаконичные, острые формы, прямые линии, темные цвета. Что-то более мрачное, строгое, не такое... праздное.

Не такое легкомысленное.

Не такое... бессмысленное.

Хвала Творцам, императорскую резиденцию поддерживали в первоначальном виде и ничего не меняли. Вот её Девон помнил очень хорошо, и только переступить порог усадьбы, словно бы нырнул в прошлое. Казалось, здесь действительно ничего не изменилось. Время словно замерло здесь, словно и не было всех тех наполненных горестями и радостями десятилетий, словно он, Девон, всё ещё был мальчишкой.

Но это распространялось только на поместье.

Весь остальной остров...

Его народ.

Его правитель.

Да, кое-что всё-таки изменилось.

Старый лорд Йорен, *Дядюшка Сигрид*, например, как и гласили донесения доверенных лиц, сложил с себя обязанности Главы Клана, передав их своему внуку, а сам, вместе с сыном, остался одним из старейшин.

...Когда-то давно это был высокий, крепкий, плотный мужчина. И хоть годы не сумели его согнуть, как это бывало с большинством стариков, волосы его были седые. Глубокие морщины не способен был сгладить тусклый, рассеянный свет Исы, скрытой за постоянными для этого края облаками.

Сигриду было больше ста лет.

Он был на год младше, чем отец Девона.

Этот контраст между вечно юным Шесс'Алори и Сигридом, как ничто иное нарушал душевное равновесие Девона. Уставший от жизни старик, большую её часть посвятивший служению Владыке и теперь заслуженно желавший покоя и застывший в вечности Император...

Слишком большей разница,

Разглядывая родные сердцу интерьеры, помнившие ещё моменты его искреннего детского счастья и те времена, когда отец любил своих старших детей и не разочаровался в них, Девон не мог не вспомнить в очередной раз, что же именно оборвало эту идиллию.

А произошло всё ведь именно здесь, на Вольных Островах.

...Много лет назад, когда он только встретил свою девятую зиму, нашлись такие идиоты, что догадались его похитить, увидев в маленьком принце слабое место чудовищного Шесс'Алори.

Возможно, тогда это действительно было так. Возможно, именно поэтому отец больше не позволял себе проявлять к ним нежность и привязанность...

Наверное, похитители рассчитывали, что держа в заложниках наследника Владыки, сумеют добиться от него выполнения своих требований.

Избалованный своими дядюшками и тётушкой, любимый всеми, имеющий множество друзей ребенок, он был самонадеян, хвастлив и горделив, хоть на его лучшего друга и сестру это не распространялось. И гордыня Девона была не на пустом месте — среди других учеников их возраста сильнее его была только Арека.

А ещё он был умен для своих лет, и потому теперь старался сохранять спокойствие и не паниковать, не устраивать истерик, ничем не выдавать своей паники похитителям, не провоцировать их на агрессию.

Он был уверен, что его спасут.

Что всё будет хорошо.

...Не было.

Уроки по работе с внутренними энергиями, развитие и укрепление меридианов, постоянные медитации казались неимоверно скучными ему, энергичному, непоседливому ребенку. Даже скучнее уроков литературы, счета и древней истории. Мальчик даже не старался на этих занятиях, предпочитая игры с другими детьми, уроки фехтования и свой тренировочный, так похожий на настоящий, деревянный меч.

Теперь же ему только и оставалось сидеть и ждать спасения, укутываясь в то жалкое подобие одеяла, брошенное ему, словно в насмешку. А ещё ругать себя последними словами за то, что не слушал наставников, ведь пробужденное внутреннее пламя могло бы его спасти, но он в своём детском высокомерии им когда-то пренебрег, и теперь ему это аукнулось в самый неподходящий момент. Как это всегда и бывало.

Запертый в своей темнице, в холодной каменной комнате без окон, с массивной металлической дверью, которую даже взрослый сайши выбить вряд ли сумел бы, Девон только и мог убеждать себя, что за ним придут.

Обязательно придут.

Ведь все его так любили.

Как иначе...?

Он впервые столкнулся с жестокостью по отношению к себе, впервые познал голод и холод.

Страх.

И отчаянье.

Как Девон понял — кормили его один раз в день. Если пресную похлебку и корку хлеба можно было считать едой... Так или иначе, но только по приемам пищи он мог определять, сколько времени прошло.

Тринадцать дней.

Тринадцать дней прошло, прежде чем он сбился со счета, а его никто не забрал, не спас.

Сознание мутилось, тело ребенка постепенно охватывала лихорадка — не простыть, когда холод, казалось, отпечатался на костях, впивался в них острыми иглами, было просто невозможно.

За состоянием своего пленника похитители, очередные недовольные новыми порядками люди, не особо следили, и, заметив его болезнь, только злорадно ухмылялись, мол, так и надо темному отродью. Именно тогда с отчётливой ясностью, всем своим ненадолго врывавшимся из хватки горячечного бреда сознанием, Девон понял — он может просто не дожидаться спасения.

Но он все еще не понимал, почему не пришёл отец.

Почему хотя бы не отправил Всадников?

Почему?!

В очередной, ставший таким редким просвет, когда его разум был достаточно ясным, чтобы понимать, где он и что с ним, но недостаточно, чтобы отличать реальность от галлюцинаций, Девон словно бы услышал голос одного из своих похитителей. Голос, размышлявший, что раз «эта проклятая отрыжка Бездны» отказывался соглашаться на их условия, то «стоило бы преподать ему урок, подарив кубок из черепа его отродья».

Тогда Девон ничего не понял, но сопротивлялся отчаянно.

А понял он чуть позже — когда его, истощенного, слабого до безумия, дрожащего, привели в какой-то большой зал, когда он увидел толпу людей, в глазах которой не было жалости или благоразумия — только ненависть и жажда крови.

Его крови.

Крови шесс'ен

Крови Талэ.

Тысячи голосов кричали у него в голове, заставляя расплакаться, от боли, от ужаса, тысячи голосов выли вокруг, требуя зрелища.

Когда над ним блеснул клинок, закричал уже он.

«Замолчите! Замолчите! **Замолчите!!!**»

Он вложил в этот крик всю свою боль, все крохи своей силы, всё, что в нём было, не осознавая уже вообще ничего. Тишина казалась сейчас недостижимой мечтой, той силой, что спасла бы его от боли, которой он последние дни был лишен, не способный избавиться от чужих голосов в своей голове.

...Нашли его там же, в том зале, усеянном сотнями тел, из чьих глаз, ушей, носа и рта текла кровь.

Целители потом сказали, что у всех этих людей мозг был превращен в кашу, и ни у кого из них не было даже малейшего шанса на спасение. Но умирали они мучительно. Грифы дополнили это заключение — последние мгновения этих людей, их агонию словно бы

растянули на маленькую вечность, заставляя пережить все самое кошмарное, что с ними случалось, хоть в реальности не прошло и нескольких ударов сердца.

Так пробудился дар Девона.

...Но он узнал об этом намного позже.

Как и о том, что он не просто исчерпал резерв своих сил, сокрушив всех, кто был вокруг, а залез туда, куда соваться вообще не следовало, забрав силы из собственных мышц и костей, истощив себя слишком сильно, чтобы это не имело последствий.

Его здоровье навсегда было подорвано.

Все шесс'ен были устойчивы к большинству болезней, которые каждый год косили людей, а особенно детей и стариков. Это свойство драконьего народа Девон сохранил — но простой сквозняк теперь был способен отправить его в больничное крыло на многие недели.

Раньше всегда крепкий и полный сил, теперь он уставал даже от небольшой прогулки по саду.

Ни о каких тренировках не могло быть и речи.

О фехтовании, о мечте стать Всадником, могущественным сайши, можно было просто забыть, как и подвигах, которыми грезили все мальчишки.

Утратив свой потрясающий потенциал, перестав быть равным своей царственной сестре, маленький принц стал всем неинтересен. Его списали со счетов, всё ещё называя Императорским Высочеством, но теперь больше даже с какой-то насмешкой. Потому что, не сумев заставить Арана выполнять свои условия, эти идиоты, называвшие себя Новым Союзом Аниа, в перспективе сумели ему насолить даже собственной смертью — в глазах шесс'ен принц теперь стал калекой.

Снова, словно многие годы назад, зазвучали эти слова — «долго не проживет». Но теперь это было не про отца — про сына.

А отец пришел лишь раз.

Пришел, чтобы сказать, как он разочарован в нём.

В том, что он позволил себя поймать, покалечить. В том, что он пропускал мимо ушей все уроки и теперь сам был виноват в своих бедах. В своем состоянии.

А потом отец учил его выстраивать стены в своем разуме и пользоваться внезапно пробудившимися способностями. Точнее... учил его, как не причинить вред всем, кто его окружал. И пока Девон не взял под контроль свой дар — заковал его в специальные браслеты, сдерживавшие силу, отражавшую её на него самого, позволяя их снимать только во время уроков, на которых он учился искусству менталистики.

Матушка печально вздыхала и молчала, сидя у его постели, Арека приносила любимые сладости и сплетни, целители жалостливо качали головами, и только Джейа, верный Джейа смотрел спокойно, словно ничего не изменилось. Сидел вместе с ним, читал ему вслух книги о приключениях древних героев, рассказывал о сказки и легенды.

Словно и не хотел он бегать и играть с другими детьми, с которыми у него никогда не ладилось, и стоило ему оставить их ради маленького принца, о нём бы все забыли, словно и не случилось в его семье горе, не погиб его отец при зачистке леса от Тварей. Словно скука и одиночество Девона были важнее его, маленького сироты, желаний и переживаний.

Так прошла весна.

Теперь Девон редко покидал свои покои, и ещё реже выходил за пределы поместья. Наставники сами к нему приходили, и теперь, равнодушный ко всему, оказавшийся в изоляции, маленький князь безропотно следовал указаниям учителей.

Его каллиграфия стала безупречной, из слов древнего языка он мог составлять тексты столь же легко, как и из современных символов. Не было равных ему в литературе и истории, как в построении рунных цепочек. Даже проклятые медитации, призванные восстанавливать сожженные, ставшие хрупкими и нестабильными меридианы, теперь давались ему без особого труда, служа возможностью не-быть.

В этом состоянии он проводил все больше времени, заменяя им сон. Снами он тоже научился управлять — хорошая мотивация была. Кошмары истощали, выматывали хуже лихорадки, и взяв под контроль собственный разум, он наконец получил долгожданный покой.

...В этом же состоянии он выполнял все упражнения, которые ему давали его учителя из числа Грифов — отец не мог или не пожелал дальше возиться с его пробудившимся даром.

От снимавших головную боль снадобий вечно хотелось спать.

Аппетита не было совершенно, приходилось усилием воли заставлять себя есть.

С тех пор, как стало ясно, что защитить себя в будущем он не сумеет, матушка предложила к штату его слуг просто прибавить ещё и телохранителей, кого-то из числа преданных учеников отца. Но дядюшка Руни предложил идею получше, когда Девон скривился при мысли о постоянном присутствии рядом посторонних, не считавшихся с его мнением личностей.

Он предложил сделать телохранителем Джейа.

Не сейчас, конечно, но в будущем — десять лет было самым прекрасным возрастом для начала специального обучения. Мысль о том, что занятый вечными тренировками, Джейа больше не сможет проводить время с ним, пугала до ужаса, Девон было хотел отказаться от подобной затеи, но его друг воспринял идею стать Тенью при принце с восторгом.

«Ты не беспомощный, ты просто слишком ценный!» — с тихим смешком говорил он тогда Девону.

Так, решение сбежать с урока каллиграфии навсегда изменило его жизнь и, если судить по тому, что случилось многие годы спустя, жизни целой империи.

Целых миров...

И только теперь, оказавшись в дали от дома, вдали от Кса-Цаали и проклятых лордов, Девон смог сам себе признаться — он понятия не имел. Что делать в сложившейся ситуации, как поступить и как противостоять неведомой угрозе.

Он сумел вселить уверенность в Лордов, чтобы они перестали паниковать и продолжили спокойно выполнять свои обязанности.

Но на самом деле Девон даже не знал, кто мог стоять за этим всем.

Очевидно — кто-то расшатывал ситуацию внутри империи, стравливая людей с шесс'ен, южан с северянами, адептов Трёх с верующими Даны. Войну с Разумом.

Его, Девона, с остальными Талэ.

Кому это выгодно?

Слишком многим...

Слишком.

Мало кто, на самом деле, обрадовался возрождению Аксаанской Империи и нового возвышения Дома Талэ.

Но и у кого из недоброжелателей не было средств для осуществления всего

произошедшего и того, что непременно произойдёт в будущем. Слишком широкий размах событий, слишком многие в этом должны были быть задействованы. Слишком специфические специалисты, а все они известны поимённо. Известны и, что характерно, непричастны.

Неведомый паук сплел вокруг них свою сеть, а они, глупые мухи, запутались в ней, поняли что влипли, но не видят свою погибель, не знают, кто стоит за ней.

Кто этот «паук»?

Как его уничтожить?

Что Девон мог этому Пауку противопоставить...?

Он как никогда прежде ощутил в полной мере собственную беспомощность.

Совсем как тогда — когда острый клинок занёсся над его головой. Он не мог ничего сделать и помощи ждать было не от куда — её ждали от него самого.

Он сам стал надеждой и опорой для этих глупых цишен.

Зачем?

Зачем?!

Кто его просил в это вмешиваться?!

Жил бы себе спокойно в Ваккеш Ати и горя не знал, но нет, выиграла-таки жажда справедливости, фамильное желание держать руку на пульсе, всё контролировать...

Острая потребность в чужом восхищении.

Он любил блистать, он любил слышать похвалы — заслуженные, естественно — но никогда не показывал, как сильно ему, главному разочарованию семьи, это было необходимо.

...Не случится ли так, что он в очередной раз не оправдает возложенных на него надежд?

Не случится ли так, что, пообещав защиту и безопасность, он не справится? Они все, наивные, верили в него, покорившего северных драконов.

Да разве сложно сломить и обмануть, запутать, перехитрить и склонить перед собой столь честный и прямолинейный разум?! Его сила — коварство, его сила — иллюзии, не способные на деле даже поцарапать.

Что же делать?

Может, сестра подскажет?

Может, помолиться Дане?

Девон, юный Шессо'Цаали, Наследник Севера, ученик Чёрного Дракона, чувствовал себя тем ничтожным и жалким мальчишкой, которым был когда-то.

Которым, за лоском шелков и меха, был до сих пор.

Который, не желая больше сдерживаться, плакал от страха и отчаянья, зная, что некому его осудить и пристыдить. Зная, что рядом только Джейа, верный надёжный Джейа, который поймет и утешит. Даст совет и направит на верный путь.

Мальчишка плакал, желая оказаться в объятьях родителей, которые, всеильные и идеальные, могли защитить от всего мира, а сам мир был светел и прекрасен, полон удивительного.

Но это невозможно.

Это уже никогда не случится.

Никогда.

Глава 10. Джейа Диасси

У Джейа уже давно вошло в привычку постоянно отслеживать состояние своего сай-ри — зная его слабое здоровье и халатное отношение к оному же, можно с уверенностью сказать, что без этого было просто не обойтись. В медитации же наблюдать за состоянием друга было гораздо проще — пропуская через себя потоки энергии внутри помещения, легко можно было заметить какие-либо неизбежные волнения, изменения в ней.

Именно потому Тени не составило труда обратить внимание на то, как потоки сай'и вокруг Девона замерли в напряжении, словно штормовая волна, прежде чем обрушиться на всех, уничтожая все вокруг. Очевидно, принц уже как несколько минут ушёл в себя, и совершенно не читал свои записи, с которыми до этого носился только так.

Джейа тихо вздохнул.

Ну что опять?

Задумчивая поза была обманчиво расслабленной, ни лицом, ни жестом Девон не выдавал внутреннего напряжения, даже дыхание и сердцебиение были спокойными, размеренными — то, как он контролировал свое тело, и выдавало, насколько он на самом деле был близок к истерике.

Отблески света Исы, падавшего из окна, играли на коже князя, складываясь в причудливые фигуры. Будь сейчас ночь, будь зажжены лампы, их синеватые блики придавали бы его образу что-то потустороннее, завораживающее, как это бывало давным-давно, создавая непередаваемое впечатление... Но сейчас был день, и светило этого неприятного края даже соизволило иногда выглядывать из-за низких облаков, чтобы почтить собою сиятельного принца шесс'ен, не иначе.

А глаза Девона, всегда горевшие ярче любых звезд, сейчас были закрыты, длинные густые ресницы подрагивали. Казалось, по нежной коже скатиться слезинка, но этого Джейа допустить не мог.

Уже очень, очень давно никто, кроме него самого, не видел слезы Девона.

Зрелище, на самом деле, чарующее...

В такие моменты, научившийся несмотря ни на что казаться опасным, Девон был хрупок, до щемящей в груди нежности беззащитен.

Такого Девона хотелось обнять, укрыть от всего мира, противостоять которому принц так устал. Хотелось его защитить, от кого бы то ни было — не потому что это был долг, не потому что возложенная на него обязанность — а потому что это его, Джейа, собственное сокровенное желание.

Когда-то его друг потерял возможность защитить себя, и тогда он, застенчивый, нелюдимый, замкнутый ребенок, решил стать сильным, чтобы никто больше не мог заставить Девона плакать.

Теперь, годы спустя, он был Тенью Наследника, готовый выполнить любой его приказ, но в глубине души он прекрасно понимал, что этого недостаточно, что он все еще не может защитить своего друга. Потому что всё ещё плакал не гордый и могущественный сайши, мудрый и коварный Мастер Разума, а маленький искалеченный мальчик, от которого отвернулись все его друзья.

Все, кроме одного.

Но главную причину тех слез устранить Джейа было не под силу.

Да и кто он, чтобы противостоять самому Шесс'Алори...?

Нет, конечно, если бы Девон отдал такой приказ... если бы пожелал возмездия за все перенесенные ему страдания и унижения... То он, Джейа, без колебаний пошел бы на неминуемую смерть.

Но — с тяжелым сердцем.

Потому что если он погибнет, Девон останется совершенно один.

И сломается.

Этого нельзя было допустить...

Джейа чувствовал себя частью древней легенды, тем самым Найи, от которого завесило благоразумие Литы. Но всем известно, чем закончилась та история, и ему совершенно не нравилась такая аналогия. Лита пожертвовал своей властью, могуществом и возможностью жить, чтобы искупить свои грехи и найти Найи, и все в совершенном тем королем зле винили или его самого, или Дану, что дал презренному лед'ен такую силу, забрав разум.

Джейа считал иначе.

Это Найи не справился — сначала позволил безумию охватить Литу, а потом позволил себя убить.

Джейа был сильнее этого глупого ледани.

Джейа справится.

...А пока он был уже готов встать и подойти к Девону, но тот его опередил, внезапно вскочив и в несколько шагов оказавшись напротив Тени. Джейа не успел ничего сказать, или сделать, только встать на ноги, прежде чем в него вцепились в крепком, полном какого-то отчаяния объятии.

И откуда столько силы в таком слабом теле?

Чужие слёзы быстро намочили плечо, а острые ногти, похожие на кошачьи коготки, вцепились ему в спину. Казалось, если в эту хватку будет вложено чуть больше сил, ему без труда сумеют вспороть одежды, кожу, мышцы, добраться до самых костей, оставить на них свои следы.

Если бы принцу от этого стало легче, он бы позволил.

Правда, позволил бы.

Все что угодно.

А Девон плакал беззвучно.

Ни всхлипов, ни дрожи, ни судорожного дыхания — только цепкая хватка, не дававшая дышать.

Джейа прижал друга в ответном объятии, столь же крепко, давая ему ощущать себя в «здесь и сейчас». И сколь нежным казался жидкий шелк распущенных, чуть всклокоченных волос, локоны которых скрывали заплаканное лицо, не давая увидеть красных воспалённых глаз и влажных дорожек на щеках.

Даже ему Девон своих слез не показал...

Нужно что-то делать.

Срочно.

Одной рукой Джейа аккуратно, почти невесомо коснулся макушки друга, погладил раз, другой — так обычно утешали матери своих детей, если верить книгам. Ему-то откуда знать? Его матушка умерла, едва успев ему самому жизнь дать... А Девон, едва ощутив новое прикосновение, вцепился еще сильнее, словно бы его кто-то пытался оторвать, словно

Джейа остался его последней опорой, последней надеждой...

Быть опорой оказалось приятно.

Быть единственным.

Но это была опасная мысль.

— Я чувствую себя таким беспомощным, таким... Ничтожным, — прошептал принц куда-то ему в грудь. — Как *тогда*...

Вот оно что.

Как тогда.

Отстраняться Девон не спешил. Наверное, будь его саи-ри чуть меньше выбит из колеи, непременно ощутил бы неловкость от своего положения, но сейчас не было места смущению, только — бесконечному доверию. Было в этом что-то откровенное, что-то интимное, надрывное, что-то зыбкое, способное исчезнуть от любого лишнего движения, звука, выдоха...

— Мне страшно, — очень тихо, словно бы секрет сообщил князь. — Мне очень-очень страшно, потому что я не знаю, что грядет и как мне поступить.

Джейа вздохнул.

Он не мог признаться другу, что ему тоже было очень страшно.

И он тоже не ждал, что их ждало там, впереди.

— Что бы то ни было — прорвемся, — прошептал Джейа, стараясь вложить в свой голос как можно больше спокойствия и уверенности — тех самых, которых в его душе как раз таки не было.

Он понимал — нужно срочно исправлять сложившуюся ситуацию, отвлечь своего принца от всех его печалей. Раз императорская резиденция навевает Деву печальные воспоминания — нужно освежить счастливые. Раз приносит боль место — нужно найти другое, где его другу будет хорошо и спокойно.

И Джейа знал такое.

На самом деле, он давно планировал вытащить своего саи-ри на прогулку, отвлечь от всех его, безусловно, важных дел.

— Ты же знаешь — на свежую голову думается легче?

Его голос был спокоен и тих, и, наверное, столь тесно прижавшийся к нему в объятии Девон ощутил вибрацию, которой отдавались слова в кости грудной клетки. Казалось, эта вибрация прошла и по телу князя — он расслабился, практически обмяк в руках Джейа, и тот тут же прижал к себе друга, удерживая его от падения.

— Знаю... Предлагаешь прогуляться? — куда-то в шею друга пробормотал Девон, щекоча позолоченную светилками кожу своим дыханием. — Тебе разве не надоело праздное шатание по всяким портовым городишкам?

— Не город.

— Не город?

— *Наше* место.

Принц даже немного отстранился, взглядываясь в лицо своего друга, словно желая по нему что-то прочитать.

«Бесполезно, Дев...» — пронеслось в голове у Джейа. — «По моему лицу даже ты ничего не сможешь понять — а в глаза ты смотреть не желаешь...»

— Ты предлагаешь...?

— Да.

Джейа не видел, но чувствовал всем своим существом улыбку друга. И от этого в груди разлилось тепло — сработало.

«Их местом» было спрятанное в лесу живописное крохотное озерцо, окруженное стенами скал и укрытое от всего мира вековыми соснами, которые, казалось, подпирали собой небо, как поддерживавшие купол в храме колонны.

Таким оно было десятилетия назад, когда они были здесь в последний раз...

Когда они были совсем детьми и играли здесь под неусыпным взглядом стражи — маленький наследник и его саи-ри были тогда самым бесценным сокровищем империи. Как теперь Алаи была самой главной драгоценностью Ваккеш Ати.

Впрочем, «лес» было слишком громким словом — это скорее имитирующий его и некогда им бывший громадный парк, которому, тем не менее, не позволяли зарастать окончательно. Здесь не водились хищники опаснее диких котов, потомков некогда привезенных на остров, а потом сбежавших домашних любимцев первых жителей Беркена. Сеть аккуратных тропинок, специально протоптанных и регулярно обновляемых, позволяла добраться до любой точки «леса», в том числе и до того самого озерца, одного из многих, но самого красивого.

И хоть императорские особы посещали эту свою резиденцию крайне редко, здесь очень строго следили, чтобы и она сама, и императорский лес были в идеальном состоянии.

Конечно, как и в любом поместье могущественного клана, у Дома Талэ на территории каждой резиденции был храм, в этом не было ничего удивительного. Почти всегда это был Храм Трех, посвященный трем богам Тёмного Пантеона — Владычице Белого Города Саинэ Хозяину Времени Вэниа и Стражу Жизни Арану, Победителю Убийцы Светил. Построенные из бесконечно дорогих пород камня, эти храмы сверкали золотом и драгоценностями, привлекая к себе даже тех, кто не отличался излишней набожностью.

Однако — мало кто знал, что в глубине императорского леса спрятался аккуратный и скромный храм другого божества. Он был гораздо старше города и поместья. Некогда обветшавший и унылый, теперь он был восстановлен, и хоть не блистал как Храм Трех, всё же притягивал взгляд не меньше.

На самом деле Храмы Даны все были такими — в народе Хозяина Снов считали негласным покровителем всех изгнанников и странников, искателей правды и наказанных, пострадавших за неё. Его святилища были скромны, как и подношения, но зато их бесчисленное множество рассыпалось по всем землям, где только ступала нога путника. По общему числу алтарей Дана не уступал Стражу, но молились ему лишь самые отчаянные — легенду о Лите помнили все.

...Вот и это невзрачное строение было ухожено, чисто и залито светом очага, хотя ни настоятеля храма, ни кого-либо ещё рядом не видно было.

— Давай зайдем? — заморожено произнес Девон.

И они зашли.

Джейа не видел причин отговаривать друга, хотя его реакция показалась ему странной. Необъяснимое оживление, волнение даже казались почти подозрительными. К чему бы это? Принц набожным никогда не был, предпочитая верить не в мифическую помощь Высших, которым было всё равно на смертных, а в самого себя и, он смел надеяться, в него, Джейа. На мгновение ему показалось, что у Девона даже сбилось дыхание.

Внутри храма царил полумрак, несмотря на то, что сегодня был достаточно ясный день

и Иса сподобилась-таки выглянуть из-за туч и озарить своим равнодушным ликом Вольные Острова. Многие десятки зажженных палочек благовоний делали воздух тяжелым, каким-то вязким, а голову гулкой, пустой, цвета словно бы становились ярче, пронзительнее — неприятное, на самом деле, ощущение, но людям наверняка такое нравилось. Запах, тем не менее, пожалуй, был бы даже хорош, если бы не такая его концентрация.

В этом месте не ждали шесс'ен.

Оно было создано людьми для людей.

Но Девон, кажется, ничего этого не замечал — его взгляд был прикован к фреске, изображавшей Хозяина Снов.

— И почему всех Дха'авир'е рисуют беловолосыми? — раздался внезапно вопрос, и, казалось, разбитая этими словами густая тишина стала колыхаться, пошла волнами, словно круги на воде от брошенного камня.

— Не знаю, — голос Джейа был чуть хриловат.

...Это все из-за благовоний, да.

Фреска, безусловно, была прекрасна. Тонкая работа древнего художника поражала. Она, яркая, словно светившаяся изнутри, была тем единственным, что не пришлось восстанавливать, что сохранилось с тех давних времен, когда первая империя шесс'ен процветала.

Облаченный в синие одежды, нарисованный Дана гордо взирал на своих прихожан. Позолота поблескивала в свете очага, чей неровный свет бросал свои отблески на лицо божества, создавая впечатление, что оно менялось, следила на всеми кто был здесь сейчас. Следил же Хозяин Снов глазами, цвет которых был точь-в-точь как у Девона...

Хотя нет, глаза принца были и прекраснее, и смертоноснее, хотя это и была крамольная мысль.

И сколь бы не была красива фреска, отблески пламени, запутавшиеся в волосах Девона, были более чарующими. Неровный свет касался острых черт худого лица, делая их еще выразительнее.

...Его господин был прекраснее любого божества.

И это тоже очень опасная мысль.

А их место за минувшие годы действительно практически не изменилось — только сосны стали выше. Озеро, похожее на оставленный кем-то гигантский след, было практически круглым. Пополнял его всего один ручеек, чья не успевавшая прогреваться родниковая вода кристально чистыми струями падала с высоты скальных стен. За водопадами нередко можно было найти пещеры, но этот был столь крохотным, что в особо жаркие года пересыхал.

Озеро было мелким и, на удивление, в отличие от ручейка, прекрасно прогревалось — можно было, разувшись, опустить ноги в воду, не боясь переохлаждения, которое для князя допускать было нельзя.

А ещё оно, это озеро, наполнилось природной сай'и, получая её с ключевой водой из недр земли. Всякому сайши в столь энергетически ярком месте дышится легче и свободнее, ведь это их стихия... Обычно в таких местах ставили храмы и монастыри, многие кланы строили свои поместья на Источниках, тренируя учеников в богатых сай'и условиях.

Как хорошо, что конкретно это место принадлежало лично Дому Талэ.

Конкретно Девону.

И сколь же приятно было видеть, как он расслаблялся, наконец чувствуя в безопасности — так обычно бывало только на территории его собственного поместья, где он был полноправным хозяином, где его слово — закон.

Возможно, этому способствовало то, что вызванные Джейа после происшествия в усадьбе Вороны, которые и так тайно следовали за ними, пришли на смену тем стражникам, что оберегали принца на протяжении его путешествия. Зная, насколько нестабильным могло стать состояние Девона, Джейа не решился отставлять рядом с ним тех, кому тот не доверял — а Вакке были беспрекословно преданы конкретно ему.

Его Императорское Величество и Его Королевское Величество, кажется, такое дерзкое самоуправство Тени Наследника только одобрили.

Удивительно, но замечательно.

Так или иначе, уйдя подальше от чужих глаз, выйдя из поля зрения отцовских слуг и шпионов, оставшись только под опекой своей личной охраны, Девон действительно смог позволить напряжению уйти из него, ослабить собственные щиты, не боясь причинить кому-либо вред.

Робкая, неуверенная улыбка озарила лицо принца и, раньше чем Джейа успел среагировать, он, даже не разувааясь, шагнул в воду, сразу оказываясь в ней по колено и, кажется, даже теряя равновесие.

Действовать надо было мгновенно. Помня о том, что Его Высочество научиться плавать так и не соизволил, а также о легендарной, ставшей их личной шуткой неуклюжести принца, Джейа тут же бросился к нему, протягивая руку...

Чтобы внезапно обнаружить, что силы в тонком и хрупком Девоне достаточно, чтобы утянуть его с собой в воду под залиvistый смех принца.

Вода же, вопреки опасениям, оказалась не такой холодной, какой ей следовало быть в это время года, но Джейа не мог гарантировать, что это не заслуга его друга, которому достаточно было добавить куда-либо своей огненной сай'и, чтобы это что-то нагреть.

Они были промокшими до нитки, одежды, потяжелевшие, неприятно липли к телу, пряди волос лезли в глаза, думать о том, каково было другу с его длинными космами, не хотелось...

...Но Дев смеялся, и это главное.

Ради этого можно было потерпеть что угодно...

И брызги в лицо, и совершенно детскую, недостойную господ их возраста и положения возню. Словно им снова было по восемь лет... И не смущали даже взгляды Вакке — их не было видно, но присутствие своих подчинённых Джейа чувствовал почти физически, как и представлял будущие добродушные смешки.

Впрочем, не впервой.

Уже позже, расположившись на согретых дневным светом камнях, разложив одежды сушиться, они сидели в одних нижних штанах, окутанные мягкой сай'и озера, надежно ей защищаемые от прохладного ветра, который в обычной ситуации, непременно, вызывал бы волну мурашек по коже.

Черты лица принца смягчились, уголки его тонких губ были приподняты в улыбке, даже несмотря на то, как он увлеченно пересказывал сюжет недавно прочитанной в качестве отдыха от своих исследований истории. Движения перестали быть скованными. Говоря, Девон был щедр на жестикуляцию, Джейа даже со смешком думал о том, что принц, увлекшись, мог бы даже нечаянно его ударить. Этого он бы не допустил — Дев такому явно

расстроился бы, а он не для того все это устроил, чтобы портить другу настроение такими мелочами.

Спустя несколько дней, когда Девон закончил все свои дела, они были готовы отправляться.

Ормэ, новый лорд Йорен, доселе поглядывавший на своего дядюшку с опаской, готовый в любой момент отстаивать свое право быть правителем этих территорий, никак не ожидал, что к нему никаких претензий не будет и вовсе. Официальный прием, устроенный в честь Его Императорского Высочества, прошел нервно, но гладко — никаких скандалов. Даже удивительно. Хотя, конечно, местная аристократия очень настороженно относилась к людям — были ещё те, кто помнил мятежников, жалкие осколки канувшего в небытие Союза Аниа, чьи восстания еще долго тревожили покой мирных жителей Вольных Островов.

Уже более неофициальный семейный ужин и вовсе мог похвастаться расслабленной атмосферой — когда до благородного семейства Йорен, наконец, дошло, что никого карать, за что бы то ни было, Девон не собирался и вообще хотел отправиться навестить сестру, за этим, собственно, и прилетел.

И, конечно же, и принцу, и его Вакке, и прочим нужным лицам преспокойно предоставили несколько азафов, снарядили в путешествие, благословили подольше не возвращаться.

В общем, проявили всевозможное гостеприимство, спасибо им на этом.

...А охваченные пламенем осени, пламенеющие алым леса были похожи на поля цветов, тех самых, из которых Джейа когда-то в юности любил плести венки, чтобы потом надевать их на Девона, который потом ходил с важным видом, словно это была самая настоящая корона...

Наверное, это того стоило.

И эти воспоминания, и возможность обнимать друга, с которым они летели на одной птице — просто потому что могли.

Вовсе не потому что у него кружилась голова и подскакивал в горло желудок.

Девон смеялся...

Это — главное.

Глава 11. Арека Талэ

Так как я не только студентка, но и преподаватель (по образованию), думаю, сегодня и мой профессиональный праздник, в честь которого вполне можно выложить внеочередную главу! С днем знаний, дорогие мои читатели, особенно такие же как и я — вечные студенты.

Окутанные предрассветной тишиной, горы тонули в призрачной дымке серебристых облаков, а вместе с ними погружались в белесое марево и расположенные на их склонах величественный храм и суетливый город.

Будь то просто туман над степной рекой, он бы стремительно растаял, стоило бы Исе только показаться из-за горизонта.

Но вот светило уже явило свой равнодушный лик так и не пробудившейся Леде, неторопливо поднявшись из-за хребта, а облака не стремились исчезать, отбрасывая причудливые тени на горные склоны.

Мастера созерцания, храмовые художники любили изображать эту картину и дарить потом союзным ордену Благородным Семействам в знак своего расположения, в жажде подарить этим детям степей хоть такую частичку подпиравших небеса гор...

По легендам лед'ен, Иса была женой Всесоздателя, сотворенная для него Первыми Звездами, сотканная из их созидательного света. И была у светила сестра-близнец, звезда, которой было не суждено сиять, ведь весь её свет вобрала в себя Иса. Обиженная на свою судьбу прекрасная и несчастная Леда, которой даже не попытались дать хоть малейший шанс, была погружена своими родительницами в вечный сон. И жили теперь они, лед'ен, потомки познавшего суть народа, на теле спящей звезды, озаряемые светом её прекрасной, но равнодушной сестры. *Спящий народ, что однажды пробудит свою силу, чтобы погубить все миры...*

Грустные всё-таки легенды у ледианцев! Слишком редко в них можно встретить счастливый финал, и, зачастую, оный достается главным героям непозволительно дорого. Что сказания о сотворении Дня и Ночи, что песни о Лите — тому подтверждение!

Однако, только через культуру народа можно было понять его, только через его веру и искусство.

Этим, в том числе, и занимались мастера и ученики Тауриского Храма — помимо прочего, изучали искусство и учились правильно его применять.

В конце концов, созданные богами Светлого Пантеона, лед'ен так же, как и шесс'ен ценили творцов, ибо знали, в чьих руках настоящая власть над всей реальностью.

Из творцов рождались боги.

Так верили спящий и драконий народ.

Но Арека была готова с этим поспорить — Творцами были лишь изначальные боги, те, кем руководила Праматерь, истинный Создатель, а все их потомки не только и не столько созидали. Разрушали, подогревали войны, забавы ради стравливали разные народы, меряясь — кто лучше, чьи создания?

И где они теперь?

Где те народы?

Где теперь те боги...?

Конечно, Ареку никто не заставлял изучать все эти древние легенды, записанные на давно забытом большей частью населения Ианэ языке, столь похожем на произошедший от него северный диалект.

Но она — изучала.

И священный язык, на котором говорили лишь жрецы да монахи, и написанные им истории, и переводила их в доступном и понятном для всех варианте, и объясняла их своим ученикам.

Ведь история — циклична.

Ведь Великое Колесо Вениа проворачивалось раз за разом и повторяло события прошлого с уже новыми участниками.

...И пусть в глазах всех, кто её окружал, она была бойцом, тактиком и стратегом, воплощенной войной, истинным ребенком *Арана*.

Но никак не *ученым*.

Хорошо хоть её собственные ученики не строили иллюзий на этот счёт, прекрасно понимая, что внешний облик всегда был обманчив. За воинственной внешностью мог скрываться острый ум, а за утонченностью и мнимой хрупкостью — недюжинная сила.

Они с Девом, собственно, были тому главное подтверждение.

Не надо судить по внешности, на что был способен этот конкретный сайши, чего он жаждал и что любил. Незрима скрытая в душе мощь для лишённых божественного благословения...

...А она, Арека, на самом деле просто любила правду.

Любила *истину*.

Не потому ли, в конце концов, она оставила прежнюю жизнь и сбежала в Тау-Ри-Эвен?

Докапываться до этой истины — любым путём, любой ценой, силой ли, через долгие исследования ли, хитростью ли... это было её силой и её главной слабостью.

Она знала — в схожести веры двух издавна враждовавших народов было сокрыто что-то важное... Что-то, что было способно полностью перевернуть их представление о Ианэ. Оба их великих народа имели общие истоки, пусть и отказывались признавать это.

Изначально не было ничего, кроме чёрной Пустоты, абсолютного Ничто. Не было пространства, миров и звёзд, не было магии и света, не было звука и жизни. Неизвестно сколько существовала эта Пустота — времени тоже не было в ту далёкую эпоху.

И тогда, в волшебный, самый прекрасный миг из всех, из этой Тьмы, пока ещё не из крови и плоти, соткалось первое существо — Эирен, воплощённый мрак, живой и мыслящий, отец всего живого, создатель всего сущего и даже самого себя.

В тот же миг появилось время. И промчалось оно, неумолимо отсчитывая жизнь Первого, одинокого и печального, как и мрак, из которого он был создан собственной мыслью. Из этой чистой, искренней печали Эирена, из его вечного одиночества, из мысли, из идеи его появились первые звёзды, его добрые спутницы и советницы во всех последующих твореньях.

Звёзды, прекрасные звёзды рождались, жили и сияли, не способные согреть тоскующее сердце Живого Мрака, вновь опечаленного тем, что светили, по-своему справедливые, они для всей Ианэ, а не лишь для него одного. И светили слишком уж далеко — не достать, не

коснуться, не согреться. Решившись, просил тогда Эирен у прекрасных Звёзд, обученных им творить, создать мыслью своей и светом своим звезду такую, которая дарила бы своё тепло лишь ему одному. И Звезды, самые первые Души, согласились.

Направили они лучи свои в одну точку, представляя себе желанную Первым звезду, но разнились их мысли и в том была их ошибка — вместо одной дочери своей, они создали двух.

Так, из звёздного света, появилась во тьме рождённого одновременно с нею мира прекрасная Иса, сестра печальной Леды.

...Несравненная Леда! Она была неотразима, но лишённая дара создавать собственный свет, не могла она творить, подобно родительницам своим. Безутешна была она в своей бледной тоске по новому творенью, по неспособности своей созидать и творить, но равнодушен к ней, к её красоте и уму был Эирен, увлечённый светящейся лишь для него Исой. Холодный и Тёмный, он жаждал тепла, а не единения гениальных разумов.

И, оскорблённая, разгневанная на слепца-Творца нежданная дочь звёзд, лишённая по их глупой оплошности собственного света, по повелению своих родительниц уснула вечным сном. Уснула, чтобы проснуться в последний миг Ианэ и сокрушить её в своих ярости и обиде, накопленных за минувшие с её сотворения эпохи. Но это случится ещё не скоро...

И тело Леды стало горами и равнинами, целым миром, его твердью, волосы её, голубые, обратились небом новорождённого мира, а злые слёзы стали Пятью Великими Озёрами, но и это — иная история.

Иса, златовласая красавица, своими лучами рождавшая жизнь, легкомысленная и восторженная, не видевшая тьмы Ианэ, лишь подивилась вниманию Эирена, но после приняла его как должное — как не любить такую, как она?

И появились от их союза сын и дочь, Абеш и Дха, день и ночь. Воплощения Света и Тьмы.

Танцевала вокруг спящей сестры беспечная, горделивая Иса, радуя глаз супруга своего, чуть не ослепшего от счастья. Кружилась и смеялась Мать Жизни, нося сияющего сына на руках, даря ему свою силу и свой свет. Холила и лелеяла она его, совсем забыв про второе своё дитя.

Дочь же оказалась во власти отца, в его равнодушии, печальная и столь же одинокая, как он, наблюдая за великолепием света его, дара творить живые души лишённая, как и Леда.

И росла Дха, озлобленный, недолюбленный ветреной матерью и холодным отцом ребёнок, чтобы однажды совершить страшное преступление — убить во гневе горделивого и самолюбивого брата, слишком её раздражившего, слишком похожего на свою мать.

Отвернулась тогда безутешная Иса от дочери, ушло последнее золото из кос Дха, чтобы обратиться холодным Серебром и Тьмой первозданной.

Но не трогало теперь Ночь равнодушие матери, и тогда обратилась Звёздная Дочь к своим родительницам за судом.

Не ожидала она их приговора — те, светом своим воскресив День-Абеш, в наказание Исе приказали жить детям её попеременно, дабы им никогда не пересекаться. И коли уж брат и сестра жаждали крови друг друга — должно было поить новорождённого кровью убитого вместо молока, дабы помнил он или она цену своей жизни.

Палачами назначили братьев Дио и Элио, две зари, Восход и Закат, младших из Звёздных Детей, созданных скорбью о бесславной гибели Абеша.

И лишь одно сумела вымолить Иса у родительниц — позволить ей хранить сына от зари до зари. Позволили ей это Звёзды, сами храня Ночь, дабы не было нарушено Великое Равновесие, что не позволяло печаль всего существа Первого поглотить Ианэ.

Эирен же не мог с прежним равнодушием глядеть на страдания супруги и его же тьмой, его сутью отравленной дочери, и забрал у Исы все её страдания, но вместе с ними ушли и остальные чувства.

С тех пор безразличны ей стали любые судьбы, глуха она была к мольбам, и лишь судьба её была — сопровождать Абеша от рождения до гибели, до самого Пробуждения Леды.

Так и повелось с тех пор — короткий век брата и сестры стал сутками, а кровь их, на заре пролитая, орошала небеса — косы спящей Леды. Потому рассветы и закаты были алы, ночь была темна, а день — светел.

Белоглазая и беловолосая, как её всегда изображали на фресках в храмах Света, *Иса*, жена Всесоздателя, подарившая своим светом жизнь первым лед'ен, и **Иса**, бывшая одним из двенадцати созданных Праматерью Творцов, создательница **Леды** и всего, что в этом мире существовало... *Буквально одна и та же богиня!*

Почти всё население Ианэ поклонялось богам или Светлого, или Тёмного пантеонов, это было неоспоримым фактом, но при этом они умудрялись отрицать веру своих соседей и считать её ересью, хотя они молились на одни и те же имена.

Что же за безумие такое!

Не врагами они были, а заблудшими, забывшими заветы предков братьями и сёстрами...

Лед'ен и нет'ен светлые, шесс'ен и цав'ен — тёмные. Всё просто, так верили все последователи учения Творцов.

Но что, если причина этой извечной неприязни спящего и драконьего народов крылась в том, что было *до*? До Гибели Светил, до зарождения самих этих народов, до всего того, что положило начало современным проблемам и противоречиям.

Что, если в ссоре были именно прародители их народов?

...Это имело смысл.

Лед'ен говорили, что драконий народ создан их Богиней Ночи и Тьмы, Дха, первой убийцей, пролившей из зависти кровь своего брата Абеша, Бога Дня и Света. В наказание за это она теперь жила попеременно с ним, дабы более с ним не пересекаться. А миг, когда погибал бог, чтобы его кровью вскормили другого, назвали зарёй — вечерней ли, утренней ли.

Но и у шесс'ен была легенда о детях Праматери, Дха и Абеше, стоявших во главе своих пантеонов, Тёмного и Светлого... Легенда о том, как Тьма убила Свет, и тот, погибая, пролился на миры в последний раз, лишая бессмертия всех кто существовал тогда.

В Ианэ пришла *Смерть*.

Смерть была ребенком Дха и носила имя Саинэ.

Смерть была Владычицей Белого Города.

Смерть и её обитель появлялись с тем же именем и титулом в ледианской легенде о Лите и Найи.

Всё это знал всякий образованный сай'нел, но почему-то никого не волновало, что в двух совершенно разных религиях были одни и те же боги, выполнявшие одни и те же роли.

Даже верховных божеств, Всесоздателя и Праматерь звали одинаково!

Или всем было всё равно потому что была Иса и сестрой, и матерью Леде, потому что

Боги — не смертные, потому что связей тех не понять и не осознать. Потому что единой была какая-то забытая истина, а до нынешних пор дошли только *версии*.

И собрать эти интерпретации во что-то единое, отыскать, что же было изначально... не получалось.

Как Арека не старалась, она не была художником — только созерцателем прекрасного, но — не *творцом*. Не могла она до конца собрать мозаику из того, что сумела выяснить, в единую теорию.

Остро не хватала Дева.

Брат бы понял.

Он бы догадался.

Стоило ей подумать про брата, Арека улыбнулась — пусть семья у неё была большая, и братьев было у неё много, но по-настоящему скучала она только по одному.

Впрочем, было ли то удивительно? Ведь до девятнадцати лет у них были чуть ли не мысли одни на двоих — по лицам и глазам друг друга они были способны друг друга понимать, без слов, без жестов.

Крылось в этом единстве что-то загадочное чудесное, что-то важное...

Хотя, они были близнецами, и с младенческих пор были неразлучны, пока Дев не стал калекой... Потом их разделили на пять лет — загруженная учебой, она едва находила время для брата, но всегда старалась проводить с ним каждую свободную минуту, потому что видела — ему это было нужно.

А потом Дева отдала в ученики Руни.

А потом Дева забрали на Север, и два долгих года она видела его только по праздникам, и то — не всегда.

Это было невыносимо.

Это было неправильно и жестоко — разлучать их.

И когда ей исполнилось четырнадцать лет, когда Руни подарил Деву его собственное поместье, она сбежала к брату в его Ваккеш Ати.

И вместе с братом и его свитой она путешествовала по Ианэ, побывав, казалось, в каждом её уголке...

Но потом была война с Цавербой.

Потом она впервые за всю свою жизнь увидела отца в бою, во всём мрачном великолепии его могущества, и поняла, что нельзя так, рассуждать о бесценности души и с легким сердцем тысячи тех же душ губить. Ну и вопрос её замужества стал ребром... Отец хотел завершить войну, женив на ней одного из цавербийских царевичей и оставить её править от его имени под светом умирающей Солы. Но Ареку не прельщала перспектива стать царицей вражеского народа, где её бы ненавидели просто за принадлежность к династии, по чьей вине произошёл Прорыв...

И она снова сбежала.

Потому что ни Руни, ни Дев не могли защитить её от этого брака. Так она это объяснила дяде, по крайней мере. Он её решения не принял, но поддержал и понял. Девон же оказался проницательнее — понял, что дело было не только в этом.

За любимого ею мужчину ей никто и никогда не позволил бы выйти замуж. Да и не нужна она оказалась ему, совсем ещё молодая девчонка.

А раз так — она не позволит использовать себя как пешку в политических играх.

И будет брать от жизни всё.

Она сбежала.

Туда, где было хорошо и безопасно, туда, где отца уважали, но не подчинялись ему — сюда, в Тау-Ри-Эвен.

И...

Слишком многое произошло, слишком много всего случилось...

Как бы сильно она не скучала, она не вернется.

Не сейчас.

Слишком рано...

Слишком поздно.

Теперь она не могла оставить своих учеников и учениц — они были ещё слишком юны и неопытны, чтобы считаться самостоятельными адептами, ни к одному не обратишься «идо», и пока последний её ученик не будет готов пойти в большую жизнь, она не покинет Тау-Ри-Эвен.

Если ей всё-таки будет куда пойти.

Хотя среди Воронов ей всегда найдется место...

Но и здесь, ей, приглашенному мастеру, старшему ребенку лучшего ученика Старейшины школы, были рады!

Это, к слову, помогало и в вопросе лекций о ледианской религии и культуре — вести их дозволено было только нескольким учителям храма. Пожалуй, Арека была единственным исключением. В принципе, единственным её отличием от внутренних мастеров ордена было отсутствие клятв, ведь, по сути, в Тау-Ри-Эвен она никогда не училась. Только учила.

В общем, быть духовной внучкой Старейшины и полнокровной сестрой Повелителя Ваккеш Ати было в большинстве ситуаций выгоднее, чем принцессой Аксаанской империи.

В конце концов, она здесь была не единственной особа королевской крови... Ведь именно в Тау-Ри-Эвен Арека познакомилась с Олой, семнадцатой дочерью Короля дома Расери, оказавшейся противоположностью всем стереотипам о лед'ен.

И когда брату пришлось отвечать за её, Ареки, поступки, именно она познакомила Деву с Олой, веря, что так они смогут спасти друг друга, помочь друг другу, стать верными друзьями.

И супругами.

Или так, найдя брату идеальную спутницу, ставшую ей самой подругой, она хотела искупить вину перед ним.

За то, что именно на него обрушилось *неудовольствие* отца.

Но... Ведя уроки у юных адептов и едва ли выглядя старше них, Арека, привыкшая и переставшая обращать на это внимание, чувствовала, что наконец находилась на своём месте.

Хотя строптивые азафы, эти громадные свирепые птицы, прирученные когда-то тогда ещё монахами Тау-Ри-вен, не могли сравниться с драконами. Их мягкие, гладкие перья — не теплая и шероховатая чешуя. Ранить их было проще, достаточно одной стрелы и опытного лучника.

...Она — дочь *Драконьего* Владыки и *Драконья* Всадница, но пути назад не было, а отказаться от полёта, от этой свободы и постоянной опасности, игры со смертью, было для неё совершенно невозможно. Она слишком невыносимо, слишком отчаянно скучала по Итушу. Они росли с ним вместе, она помнит его совсем птенцом, у неё на глазах он учился летать, и стал гордым взрослым драконом, одним из сильнейших в империи. Одним из тех

немногих, что пережили Цавербийскую войну...

Так что приходилось мириться с доступной ей альтернативой, глуша ею свою тоску. Ведь это уже больше чем ничего, и, если закрыть глаза, разница не столь ощутима.

Под облаками этой разницы нет.

Так что если забыть про то, как сильно она скучала по своей семье, такая жизнь ей нравилась.

Она не хотела быть императорской дочерью.

Она не хотела быть *Талэ*...

Здесь, под ставшим родным для неё небом, Ареке удавалось неделями не вспоминать о том, как ей раз за разом приходилось подтверждать всем вокруг, что она достойна называться гордостью отца и блистательной принцессой, сестрой Наследника.

Но Дев теперь Наследник Севера, а не всей империи, а она — главный позор и разочарование семьи, запретная тема для разговоров.

Но так лучше.

Не хотелось думать о цене, заплаченной за отцовскую одобрительную улыбку.

О всей пролитой ею крови.

О всех оборванных ею жизнях.

О том, что она, как и весь её род, *чудовище*.

Ведь... Ведь Боги должны созидать, а она лишь разрушала и сеяла хаос, насаждая вместе с братом власть своего отца и их народа.

Как страшно быть благословенной Тёмными Богами...

Арека каждый год на рассвете самого длинного дня приводила юных учеников на этот утес, чтобы на фоне открывающегося с него величественного пейзажа рассказывать легенды.

С набора новых адептов прошло всего несколько дней, и, взирая на неё, вместо гор, с восторженно распахнутыми глазами её окружали совсем ещё детишки лет шести-семи. Богатые и бедные, пришедшие сюда на своих двоих сироты и отданные на обучение состоятельными родителями, потомственные сайши и те, кто до недавних пор и не подозревал о своём потенциале, они одинаково увлеченно следили за её рассказом.

Как жаль будет их разочаровывать — Арека не брала в ученики столь маленьких детей.

Быть может, кто-то из них, спустя несколько лет и перейдя из младших учеников в старшие, её заинтересует, проявив себя как перспективного сайши, чей талант она решится развить и ограничить.

Некоторые из окружавших её детей, стало быть, не умели даже читать и писать. До наступления осени это непременно исправят, выправив перекося в образовании юных учеников. Подобный разрыв в знаниях не был удивителен — на Леде количество грамотного населения было на порядок ниже, чем на А'Ксаане. Что, впрочем, могло быть связано со сложностью языка и письменности лед'ен. Это торговый язык знали почти все, а вот писать даже на нём крестьяне, составлявшие большую часть ледианцев, не умели. Да и не надо им это было, в общем-то... Это сайши и сай'нел всегда считались частью высшей прослойки общества, особенно на Леде, где так ценилась всякая магия, а потому приходилось знать и Высокий, и Древний диалекты. Всё же, как ни крути, даже им, независимым от Пяти Королевств адептам Таурийского Храма, приходилось контактировать, в большинстве своём, именно с аристократией, перед которой нельзя было ударить в грязь лицом.

Вот за что любила Арека этих детей — даже дворянские отпрыски, они не пока ещё не знали, кем она являлась, и обращение «Тие Талэ» означало ровно то, что оно означало.

Эти ребяташки даже не представляли что крылось за странным родовым именем названного так мастера.

Они просто восторженно любовались чистокровной шесс'ен — для людей и лед'ен, да даже для ледани, которые, как ни крути, составляли большую часть адептов Храма, смуглая кожа и крепкое телосложение, тем более у женщины, казались чем-то сказочным, невозможным.

А больше всего принцессу любили маленькие дворянские девочки — полукровки и чистокровные, эти ледианки зачастую были младшими дочерьми, а то и вовсе отпрысками наложниц, а потому имели достаточно низкий социальный статус по сравнению с остальными братьями и сестрами, и только факт обучения в Таурийском Храме давал им шанс удачно выйти замуж, стать господами в богатом доме в любом из королевств.

Старшие дочери, обладавшие способностями к сай'и всегда учились в столичных академиях. Никто бы не позволил им, невестам для нового поколения высших чиновников, покидать родное королевство.

Обучаясь же в нейтральном Храме, девушки словно бы приобретали гарантию на то, что они взгляды их нейтральны и гибки, способны повернуться куда нужно.

То есть, как угодно их будущему супругу.

Как же Арека всё это ненавидела...

Естественно, осознание своих беспомощности и незащитности, собственной несвободы заставляли этих девочек восхищаться ей, Арекой — свободной, сильной, принцессой громадного государства.

Государства, где женщина, особенно обладавшая даром, могла сама выбирать свою судьбу.

Как она.

Только она *не могла*.

Её бы точно так же ждало замужество, если бы не всё то, что она сделала для собственной свободы. Стань Девон Владыкой Севера — она могла бы отправиться в вольные города цав'ен или даже стать при брате советницей, способной самой выбирать свою судьбу.

С когда на престол империи взойдёт Шани, она сможет окончательно перестать ждать неприятностей со стороны родителей.

Дха'авир'е, дайте долгих лет её отцу, но...

Но эти девочки видели в ней пример. Они жаждали силы, они жаждали могущества, способности постоять за себя.

Они желали свободы.

Она жаждала её им подарить.

Быть может, когда-нибудь...

Если бы она могла, Арека забрала бы их всех на А'Ксаан — там, где они смогли бы сами распоряжаться своей судьбой. Где они могли бы, например, основать свой собственный орден и посвятить себя изучению сай'и и защите простого народа от разнообразных угроз. Стать новым кланом, или даже уйти в Ца-Тану, Ца-Хаару ил Ца-Шиен.

Но пока это невозможно.

Не сейчас.

Только если её милая племянница исполнит свои очаровательные детские угрозы и таки завоюет Леду, чтобы освободить таких же несчастных принцесс, как её собственная мать.

Да, хорошая цель...

Её маленькая принцесса, маленькое сокровище Ваккеш Ати... Прекрасный юный цветок из вороньих садов.

Она, пожалуй, сможет воплотить свою мечту.

Кто, если не она?

Если не единственный прямой потомок Литы и Эйрена?

...Только ради этих несчастных девочек стоило не сдаваться — чтобы однажды пройти огнем и мечом по их мучителям и освободить всех... И Арека стояла бы за плечом племянницы и помогала ей в её начинании.

Или шла бы впереди — прокладывая дорогу.

«И всё-таки братец прав, говоря, что я — Война...» — печально улыбнулась Арека.

Глава 12. Реа Каннэ

Сколько она себя помнила, Реа в своей семье всегда считалась существом второго сорта. К ней относились со снисхождением, с брезгливостью, с презрением, на неё всегда смотрели свысока.

И никогда — не признавали её заслуг.

Пусть на неё и никогда не поднимали руку.

Рожденная очередной наложницей дочь влиятельного отца, она, вместе со своими братьями и сёстрами, могла только мечтать о том признании, что получали дети Первой Жены. Хотя и им жилось не сладко — наследников всегда растили отдельно, требуя от них порою невозможного. Жестокие и строгие учителя, безжалостные наказания за малейшую провинность, необходимость как-то выживать и адаптироваться в таких условиях не оставляли шанса остаться добрыми их сердцам.

Ничего удивительно не было в том, что наследники вырастали высокомерными и озлобленными хищниками, и, вырвавшись наконец на свободу, получив в руки власть, они всегда ею злоупотребляли, пытаясь отыграться на всех вокруг за годы собственного унижения и боли. *Мученики становились мучителями — и круг замыкался.*

Почувяв кровь, они стремились разорвать свою жертву.

Иногда — чисто ради развлечения.

Реа не нравились такие метафоры, но они были самыми красноречивыми.

Редко какой Глава Благородного семейства умирал в старости — всё чаще становились они жертвами борьбы собственных сыновей за власть. Кто-то был элегантен, подстраивая всё под несчастный случай, кто-то хитро писал доносы, зачастую даже правдивые, кто-то просто и незатейливо нанимал убийц.

Победителю мало кто мог что сказать.

Их принимали и склоняли головы, без вопросов принимая нового Главу.

Но в случае неудачи... Всех виновных уничтожали без жалости и сострадания — лед'ен жили долго, они могли себе позволить передуть всех своих детей, если они вышли «бракованными».

Времени у каждого из Благородных было достаточно, чтобы вырастить не одно поколение собственных отпрысков.

Просто однажды находились более *удачливые* и *умелые*.

Лед'ен совершенно не ценили чужие жизни, и понятие семейных уз у них было чересчур... своеобразным. В руках Благородных была абсолютная власть, они могли делать всё, что им заблагорассудится на своей территории, пока это не шло в разрез с интересами Королевства и Короля.

Ведь выше них была только сама Корона.

Нельзя было даже замахнуться на чужого слугу — но за убийство собственной жены Благородному и слова бы не сказали.

Конечно, это распространялось только на высшую касту.

Но всё же...

Безнаказанность и вседозволенность никого ещё не делали лучше...

И это происходило среди чистокровных!

Но она, Реа Каннэ не была даже ею.

Просто ледани.

Полукровка.

Клеймо на всю жизнь.

Её мать, искусная сай'нел родом из северных земель, была человеком, и весь её талант оказался загублен, когда она попала в дом Господина Каннэ.

Конечно, её вряд ли ждала иная судьба — любой человеческий ребенок, обладающий способностью к сай'и и родившийся на землях лед'ен, в конце концов всегда был отобран у родителей. Их растили отдельно, воспитывая в них покорность и преданность своим господам. Девочки в итоге становились слугами, мальчики — солдатами.

Не было большего горя для человека, чем родиться сай'нел.

Страшнее было родиться с даром, развить его и только успеть повзрослеть прежде, чем попасться в руки властей — мужчин в таких случаях убивали сразу, без разъяснений и колебаний. Женщин же...

Уже много веков на Леде вся аристократия поголовно была сай'нел.

Потому что дар передавался по наследству.

Потому что в жены брали только женщин с сильным даром.

Потому что лишенных дара детей убивали в младенчестве.

Но так уж сложилось, что среди лед'ен у женщин дар встречался намного реже, и потому, со временем, Благородные обратили внимание на презренных *аниа*.

Хотя может всё было намного прозаичнее — природа любила равновесие, и никогда у народов-долгожителей не должно было быть большого потомства, а потому женщинам-лед'ен очень сложно было выносить и родить здорового ребёнка. Очень часто они погибали вместе с детьми — природа, ну, или боги, кто во что верил, поддерживала естественную численность лед'ен, не давая этим тварям расплодиться и заполнить все миры, как это сделали люди. Вот уж чем люди могли похвастаться, так это возможностью за удивительно короткий срок увеличить свою популяцию в разы. Буквально — за жизнь лед'ен.

Наверное, потому к аниа и относились как к скоту.

...Потому не могло быть и речи о том, чтобы человеческая женщина стала б женой — для того, чтобы родить наследника, достаточно быть наложницей. И если полукровка унаследовал внешность от отца — его ждало хорошее будущее... Потому старались подходить к этому вопросу тщательно — редко когда в гарем Благородного могла войти девушка, не имеющая темных волос и бледной кожи.

Матери Реа не повезло.

Она была для Господина Каннэ не более чем развлечением.

Разнообразием.

Экзотикой.

Крепкая, светловолосая, смуглокожая — она была полной противоположностью внешности лед'ен, а потому приковывала к себе взгляды.

Она была плевком в лицо утонченных ледианских эстетов, провозглашавших превосходство Детей Спящей.

Реа была копией матери, за исключением глаз.

Их, лиловые, сияющие силой, она унаследовала от своей ненавистной половины крови.

Ей повезло.

Ей слишком повезло оказаться похожей на легендарную Реа Саоне — командующую войсками столь же легендарного Хар-Ани Расери, которая была одной из немногих женщин

в истории Леды, кто обладал реальной властью и кого боялись как огня даже после её смерти.

Идеальный покровитель для *полукровки*.

Назвав в её честь свою дочь, мать Реа отгородила девочку от многих бед, ведь, так или иначе, лед'ен даже слишком сильно верили в силу имен — по-настоящему навредить ребенку, благословенному *той самой* Белой Птицей, никто не решался. Так что хотя бы от по-настоящему жестоких наказаний она оказалась защищена.

И от замужества.

Это не меняло отношения её семьи к ней.

Её многочисленных тетушек, сестер и братьев, слуг, учителей и вообще всех, кто её окружал.

Это не отменяло того, что, когда Реа был всего год от роду, её мать наложила на себя руки, чтобы более не подвергаться ежедневному унижению. Смерть и последующее перерождение казались ей перспективой намного более заманчивой, чем такая жизнь.

Слишком свободолюбивой она была.

Слишком гордой.

И свободу она любила больше, чем собственного ребенка, рожденного от того, кто её этой свободы лишил.

Рео понимала причины такого поступка.

Но не принимала.

И не простила.

Даже имя, которым её одарила мать, не могло искупить такого предательства.

Рео совсем не помнила мать — она знала её по рассказам служанок да по оговоркам старших, что, волей-неволей, сравнивали их друг с другом. Да и учителя постоянно пеняли на её дурную кровь. Впрочем, за науку она была благодарна — в доме Благородного семейства Каннэ она научилась читать, писать и считать, этикету... И, самое главное — притворству.

Но, признаться, она даже и не представляла, насколько ненормальной и жестокой была её жизнь, пока господин Каннэ не принял решение отдать её на обучение в Тау-Ри-Эвен.

Тогда, шесть лет назад, мимоходом он сказал ей то, за что она будет ему в первый раз по-настоящему благодарна.

Если её примут в адепты после завершения обучения, она сможет остаться в храме.

Чтобы больше никогда не переступать порог его дома.

Чтобы больше не быть его позором.

Какое *счастье*...

Теперь Реа было девятнадцать лет.

На год больше, чем прожила её мать.

Теперь, вкусив свободу от своей семьи, она наконец поняла, почему та предпочла смерть неволе.

На самом деле, Реа действительно, по-настоящему хотела, завершив своё обучение, остаться в Тау-Ри — ей здесь даже слишком нравилось.

Нравилось на рассвете подниматься и гулять по горным тропинкам, глядя, как утренний туман таял под лучами Исы.

Нравилось читать и изучать чужие языки.

Нравилось становиться сильнее.

Нравилась местная еда.

Нравилось спуститься вместе со своими шасие и вэсие в город и гулять по нему, заглядывая чуть ли не в каждую лавочку на торговой улице.

Нравилось купаться в реке.

Нравилось чистая, мощная энергия природного источника, на котором располагался Храм.

Нравились другие ученики.

Нравилась Тие.

Она, *дае Талэ*, была самой главной ценностью Храма по скромному мнению Реа. Эта удивительная женщина казалась чем-то невозможным для Леды. Тем правильнее было то, что она являлась шесс'ен, могущественной дочерью А'Ксаана и его золотых небес.

На самом деле, о Наставнице все они, её ученики, знали прискорбно мало — только то, что она была старшей дочерью своей семьи, последнего ученика Старейшины. На землях Пяти ничего не было известно про Клан Талэ, хотя, говорят, такое родовое имя носили потомки Первого Аксаанского Владыки. Было очевидно, что многие приглашенные мастера испытывали странную неловкость, обращаясь к их Наставнице «мастер» вместо... какого-то иного обращения, хотя бы того же «госпожа».

Но, несмотря на всё своё любопытство, они старались не интересоваться прошлым их Тие — все имели право на свои тайны.

Реа было всего тринадцать лет, когда она попала в Храм.

Ей было всего тринадцать лет, когда она впервые встретила ту, кто в будущем стала её маяком, её светилом, её якорем в этом безумном, переменчивом мире. Свою Наставницу.

...Их было несколько сотен, желающих стать адептами Тау-Ри-Эвен, но все прекрасно понимали, что только пара десятков удостоится чести быть названными «сие».

Никто не знал, по какому принципу отбирали учеников, потому им оставалось только ждать и надеяться, что в их имя окажется в списках принятых.

И Реа тоже — стояла и надеялась.

Надежды — всё что у неё было.

Всё что осталось.

Этого было невообразимо, до жестокого мало.

Этого оказалось достаточно.

Реа знала, что была сильна и образована, но знала так же и про свои отвратительный характер и острый язык, а это мало кому нравилось — большинство мастеров предпочитали покладистых и смиренных учеников, сырую глину, из которой можно было вылепить что угодно, а не камень, прочный и мало поддающийся обработке.

Но и из камня создаются шедевры.

И они намного прочнее... И намного боше восхищения вызывают — к их созданию прикладывают намного больше усилий.

И эти усилия восхищают.

Главное — уметь.

Реа — камень, прочный и неподатливый.

Но Наставница — искусный резчик по камню. Не зря же именно шесс'ен славились этим своим ремеслом.

...Когда же Мастер Талэ, со своими сверкающими потусторонней зеленью глазами и

смуглой кожей, появилась, оглядывая ряды потенциальных адептов, она была похожа на божество — единственное яркое пятно в море светлых мантий и юбок.

Капля чернил на бумаге...

Истинное дитя Тёмного Пантеона, потомок Ночи.

Она притягивала взгляды — слишком коротко стриженные черные волосы, слишком крепкое телосложение, свойственное воину, а не утонченной юной госпоже, меч в изысканно украшенных ножнах, хищная грация в каждом движении и спокойная мощь, разлившаяся по воздуху, подобно дыму.

Темная мощь.

Все шесс'ен были *темными*.

Но... она казалась такой властной... такой свободной. Её взгляд пронзал насквозь, словно бы переворачивал душу, просеивал её, находя все злые и добрые дела.

На Реа *дае Талэ* задержалась, оглядывая её дольше чем иных.

Изящная ладонь сделала едва заметный жест, и к Реа тут же подошли два адепта, чтобы отвести в сторону и поздравить — её выбрали.

Эти же ребята провели ей небольшую экскурсию по Храму, рассказав про устройство ордена, про то, как проходит обучение, про Мастеров и их главных учеников.

Про то, что Мастеров, бравших учеников, у Храма было всего тринадцать.

Про то, что в основном адепты занималась своими исследованиями, выполняли поручения Мастеров или охраняли границы Тау-Ри, большую часть времени не появляясь при этом в Храме.

Про то, что некоторые из старших адептов становились учителями, помогая Мастерам в наставлении нового поколения и давая ученикам основы.

Про то, что у каждого из Мастеров был свой Двор — и там располагались и дом самого Мастера, кухни, ученические общежития, столовые залы, тренировочные площадки, учебные классы.

Про то, что, так как у Дае Талэ было меньше всего учеников, всего шестеро, считая саму Реа, у всех её подопечных были собственные комнаты, за которыми. Тем не менее ученики следили сами — ведь Наставница не признавала слуг и считала что всё следует уметь делать самостоятельно.

Про то, что она очень строга и требовательна.

Про то, что, в отличие от остальных Мастеров, она была единственной, кто обучал и ученых, и воинов, успешно реализуя оба пути.

И единственной, кто не обращал внимания на пол своих подопечных, спокойно уча и мальчишек, и девчонок, а не отдавая предпочтение кому-то одному, как это было свойственно для большинства лед'ен.

Проповедуемые ею учения шесс'ен так и витали в воздухе...

Сменив отвратительные рыжие платья Благородного Дома Каннэ на нежную зелень ученических одежд, Реа впервые почувствовала себя в безопасности.

Она почувствовала себя... *дома*.

Теперь, спустя шесть лет, уже она сама провожала отобранных Тие ребят, рассказывая им обо всем этом.

О том, что учеников младшего возраста набирали отдельно, и они несколько лет учились в общей младшей группе, прежде чем быть выбранными кем-то из Мастеров.

О том, что их Наставница пользовалась наибольшей популярностью у детишек, которым читала лекции по истории Ианэ.

О том, что их Тие было совершенно плевать на происхождение её подопечных, она уделяла внимание только таланту и тому, как его развить. Даже если он был для всех неочевиден.

О том, что нет большего счастья в этом мире, чем быть учениками Ареки Талэ.

О том, что самый младший её ученик неприкосновенен — семилетний кроха, застенчивый и робкий среди чужих, но веселый и купающийся в любви своих а'вэсие и а'шасие. Хани был одним из немногих шесс'ен в Храме, и у Тие, так рьяно опекавшей ребенка и даже давшей ему своё клановое имя, явно с ним была связана какая-то своя история. Но в это, как и в прошлое их Тие, было единогласно решено не лезть — лучше чего-то не знать, чем нести бремя чужой тайны.

Всё же для любого, у кого имелись в наличие глаза, было очевидно, сколь опасна Дае Талэ.

На самом деле, у Тие точно было особое чутье — все её ученики, сколь бы они не были ершисты и язвительны снаружи, в конечном итоге отличались, помимо прочего, одной важной чертой — бесконечной преданностью.

Преданностью своей Наставнице и друг другу.

Воспитываемые в духе братства, они сумели по-настоящему проникнуться им. Если именно такими были боевые Клановые Шесс'ен, то становилось очевидно, почему этот народ был столь непобедим. Вовсе не в драконах было дело, с этими созданиями ледианская армия всегда боролась весьма эффективно. Хотя, конечно, стоило принимать во внимание то, что тандем из дракона и всадника, всегда сильного и выносливого сайши, имевшего с крылатым ментальную связь, был значительно эффективнее и разрушительнее, чем если бы они действовали по отдельности...

Но именно боевое братство драконьего народа делало его столь могущественным.

Впрочем, если на уроках истории им рассказывали правду, то и это было не удивительно — по А'Ксаану проходил запечатанный Разлом, ведущий в Бездну, в которой были заключены Убийца Светил и погубленные им, искаженные души, которые периодически просачивались в реальность и нападали на живых и искажали их, порождая чудовищ.

Тех самых, от которых сайши защищали мирных граждан.

Нет, на Леде тоже были Твари, и немало — не сумевшие переродиться и исказившиеся души, озлобленные призраки, поднятые какими-то умельцами или собственной ненавистью трупы — повсеместное насилие порождало монстров, но это всё равно было не сравнимо с масштабами проблем, с которой столкнулись шесс'ен, возвращая себе свой мир.

Отвоевывая у тварей землю своих предков, и делая это весьма эффективно, драконий народ оттачивал свои собственные, неповторимые техники и искусства, вспоминал забытое мастерство, возвращая потерянное их предками могущество.

Наверное, именно поэтому Тие так хорошо была осведомлена о тварях.

Поговаривали, она написала несколько bestiaries и даже проиллюстрировала их и дала практические советы по борьбе с ними, скорректировав уже имевшиеся актуальными.

Реа знала, что это правда.

Именно они, её ученики, переписывали и копировали эти книги, которыми пополнились все знатные библиотеки.

И именно они, ученики Дае Талэ, были самыми разносторонне развитыми и самыми эффективными именно в борьбе с тварями.

Однако, сколь бы не были дружны они, девять Сие Ареки Талэ, но всё равно они разбивались на маленькие группки, по трое, что, впрочем, по словам Тие было совершенно нормально.

Дополняя друг друга, такие тройки были почти непобедимы.

И крепкая дружба только повышала их общую силу.

Для Реа частью такой её команды были две её и'шасие.

Втроем они были как разум, сила и душа.

...Наставница действительно умела находить таланты...

Она, Реа, была мечем их троицы, в прямом и переносном смысле — развиваясь именно как сайши, а не просто сай'нел, она была сильным бойцом, пусть и неспособным на тонкие манипуляции.

Лия Нейо, единственная среди учениц их Тие чистокровная лед'ен, застенчивая и робкая, хрупкая и слабая, на деле обладала особым даром — её способность управлять тонкими потоками энергии поражала сознание, в её руках и простая палка, и цветок могли стать грозным оружием...

Энн Шаффо, как Реа, была полукровкой, которой повезло просто родиться, ведь её отцом был человек. Имея свойственное людям телосложение и внешность лед'ен, она обладала острым умом, способным запоминать и анализировать даже самые незначительные на первый взгляд мелочи, что позволяла ей находить выходы из тупиковых ситуаций и распутывать даже самые сложные задачи.

Так и выходило, когда они отправлялись на охоту за монстрами — Энн искала зацепки и руководила, Лия совершала тонкие манипуляции, особенно там, где следовало быть осторожными и незаметными, а Реа прикрывала, защищала их.

И Наставница гордилась ими.

И, на самом деле, теперь, глядя на своих новых и-шасие и и-вэсие, Реа пыталась угадать, как сложатся их команды, кто чем привлек Тие.

Но одна девушка знала однозначно — это хорошие ребята.

И они будут преданны наставнице и друг другу так же, как и их старшие товарищи.

Как предана ей сама Реа.

Глава 13. Адэн Тиори

Редкие, куцые облачка стремительно мчались по небу, уносимые потоками северного ветра. Скоро вместе с холодным воздухом придут дожди, и, спрятанный стеной ледяной воды, Храм снова словно бы пропадет от всего мира. В такие моменты, порою, казалось, словно и не было его никогда...

Нереальность всего вокруг захватывала, делала всё похожим на сон, от которого всё никак не получалось проснуться.

А надо бы.

Осень в Тау-Ри — это всегда тоскливое, задумчивое время, пора увядания природы, предчувствие долгого сна и суровой зимы, часто уносившей людские жизни. Конечно, там, внизу, в степях, осень — это пора сбора урожая и золотых листьев, воспетая поэтами светлая печаль, усталость, полная удовлетворения от проделанной работы.

Здесь же осенью адепты старались не высовываться лишней раз на улицу, занимаясь своими делами в теплой помещений и даже не переходя между зданиями без причины. Конечно, уже для старших учеников погодные условия переставали играть существенную роль. Особенно те, кто шел по пути сайши были мастерки натренированы игнорировать зной и холод, окружая себя коконом из собственной аши. Но... все любили комфорт, это глупо отрицать.

Горячий отвар из целебных трав, способствующий укреплению меридианов, плащи с вышитыми на них специальными рунами, разожженный очаг — всё чего хотелось любому из адептов в такое время.

Адэн не была исключением.

Несмотря на свой почтенный возраст, она выглядела самой юной из мастеров, и, наверное, это накладывало свой отпечаток — иногда хотелось покапризничать, подобно избалованной девице, коих за свою жизнь она наглядделась достаточно.

Но — не по статусу мудрой Старейшине потакать своим незначительным желанием.

Потому Адэн всегда брала себя в руки и отправлялась прямо под холодные капли, справившись с внутренним отчаянным нежеланием этого делать.

Её аши подобно нежнейшей вуали и прочнейшему плащу всегда укрывала от непогоды — даже шагая по мощенной камнем тропе под ледяным дождем, она словно прогуливалась по широкому проспекту какого-то степного города. Ни одна капля не коснулась её волос или одежды.

И всегда в такие моменты женщине хотелось вспомнить давно ушедшие годы, сбросить защиту и подставить лицо холодным каплям.

Она хотела почувствовать всё это.

Мороз, влагу... дискомфорт.

Хоть что-то.

Она не могла заболеть при всем своём желании, тренированный организм легко справлялся с переохлаждением. Но, в любом случае, это было бессмысленно.

Даже если она промокнет до нитки, никто не бросится к ней, причитая, какая она глупая и беспечная, совершенно не думающая о своем здоровье, о том, что *он* будет беспокоиться за неё.

Он уже ни о чём не беспокоился.

Три века как.

Да и о чем волноваться покойникам...?

Особенно тем, кто прожил счастливую мирную жизнь, посвятил её любимому делу и своей родственной душе, кто ушел в новую жизнь без сожалений.

Она тоже так хотела — без сожалений.

Но как-то вот не получалось.

Да и как прожить больше четырех веков, увидеть падение древней, шедшей от Первого Владыки династии, правившей её родным миром вообще-то, восход её надежды и победоносный марш к светлому будущему, похоронить мужа и всех своих учеников, кроме одного-единственного, и не испытывать совершенно никаких сожалений?

Но если чему Адэн и научилась за это время, так это смирению.

И терпению.

Потому она терпеливо ждала новой встречи со своим саи-ри, в каком бы воплощении он к ней не вернулся. Она знала — однажды их пути обязательно снова пересекутся. И она дождетя.

...Но пока дожди не пришли в Тау-Ри, унося летнее тепло и принося тоску, напоминая, что именно осень забрала у неё жизнь уже тогда немолодого, но всё ещё горячо любимого супруга.

Сейчас же яркий свет Исы, периодически скрываемой редкими, похожими на пух облачками, не давал унывать — особенно когда светило обмывало своими лучами долину Илевейи, в которой располагался город Илерен.

Вид, открывшийся на долину теперь, был умопомрачительно красив — резкие холодные тени очерчивали скалы, делая их графичными, словно бы нарисованными акварелью и тушью, а лёгкая дымка, скрадывавшая эту резкость, придавала пейзажу какой-то нереальный, фантастический оттенок.

Как жаль, что это лишь мгновенье.

Как жаль, что ни красками, ни словами его не передать.

Но Адэн уже давно привыкла с легким сердцем отпускать такие моменты, сохраняя их в своих сердце и памяти — всё же она была шесс'ен, и не было в Пятимирье народа, более них любивших и воспевавших красоту.

Адэн печально улыбнулась.

Она помнила ещё то время, когда была для всех дае Тиори, или просто *идо* Тиори — тогда её родовое имя ещё о чем-то говорило в первую очередь, тогда она ещё не была Магистром, а личное имя её ещё не стало одним из запретных — тех самых, которые были как титул, которые не нуждались в уточнении.

Помнила времена, когда она была всего лишь седьмой принцессой севера, которая решила посвятить свою жизнь учению Творцов и воспитанию новых поколений сайши.

Ради этого она, уходя под враждебные небеса чужого мира, отреклась от всех прав на трон тогда как никогда могущественной и влиятельной Умэ-Цаали. Отпустили её родители и братья с сёстрами с легким сердцем — Адэн была бесплодна и претендовавших на власть потомков с её стороны не предвиделось. Минус один претендент, минус один наследник, добровольно отказавшийся от притязаний на престол — им же лучше.

Всё же свою семью, особенно королевскую, проще любить на расстоянии.

Она и любила.

Искренне.

По крайней мере — старалась.

Правда...

И сердце у неё за эту семью правда болело — когда три оставшихся королевских дома рухнувшей империи: Тиори, Шисэ и Эзаши, отчаянно боролись с последствиями Прорыва, впервые за века забыв обиды и объединив усилия.

Но Печать Бездны треснула и из Разлома хлынули искаженные, погубленные Убийцей Светил души в мир живых — искажая уже зверей и людей, порождая устойчивых к свету Шесс'Вод'е чудовищ, под натиском которых гибли тысячи ни в чем не повинных мирных жителей... И те преображались, разгневанные своей несправедливой смертью, тем, что тот, кто должен был стать их защитником стал их убийцей.

Произошла самая страшная со времён Гибели Светил катастрофа.

Под властью Императора Карры Талэ находилось множество могущественных кланов сайши, и все они были преданы ему, отравлены Мраком, его пагубным учением. Но в каждом клане нашлись здравомыслящие шесс'ен, увидевшие, куда их вёл Владыка. Саалона Риши возглавил отступников и отрёкся от Императора, всех своих титулов и земель, чтобы покинуть осквернённый край и уйти туда, где ещё помнили и ценили древние заветы.

Мятежников не приняло ни одно королевство, и тогда, обозлившись, они, полтысячи сайши, отправились вслед за символом своего народа.

Драконы почувствовали неладное гораздо раньше шесс'ен и людей. Ещё при Ниффе Третьем, прадеде Императора Карры, за почти век до Прорыва, они покинули мир золотых небес, перебравшись на Леду. И с их Исходом Талэ стало нечем удерживать Север, тут же объявивший о своей независимости и в короткой, но кровопролитной войне доказавший её.

...В надежде найти рядом с символом своего народа пристанище, отступники, на деле оказавшиеся последними Верными, отправились на Вольные Острова.

Но жившие здесь люди, своими слезами и кровью отвоевавшие некогда эти земли и собственную свободу, новым соседям не обрадовались и делиться с ними не захотели.

Когда после Прорыва некоторые лорды просили Верных вернуться на родину, желая и их руками устранить последствия, страдая от острой нехватки мастеров-сайши, те отказались возвращаться. Потому что не вернулись драконы. Без символа власти богоизбранной династии им нечего было делать под золотыми небесами. Они, Верные, для всех остальных шесс'ен были или отступниками, предателями, или же наоборот, последователями, преданными слугами, цепными псами последнего Владыки, чьей крови лорды отчаянно жаждали.

Оставшиеся Талэ, племянник Карры и его потомки, правили Тау'Ксой и всеми землями от берега Ксаи до Саресских гор, не посягая на территории других кланов. Вместо некогда великого Умэ-Элио остались лишь раздробленные княжества, владения постоянно борющихся между собой кланов.

За этим оставалось лишь беспомощно наблюдать.

Адэн — наблюдала.

Она не могла никак помочь своим соотечественникам.

Она вообще ничего не могла за пределами подвластных Ордену земель.

Только обучать пришедших к ней за знаниями потомков Верных. Только бережно охранять культуру своего народа и передавать её юным шесс'ен.

Только помнить и знать, что произошло на самом деле.

Как много власти в руках Старейшины крупнейшей из школ сайши... И как её на самом

деле мало — по-настоящему помочь кому-либо Адэн была просто не в состоянии.

Тау-Ри-Эвен не вмешивался политику.

Это — цена их жизни.

Это — гарантия их безопасности и могущества.

Это — главный выученный урок.

Память о самой страшной их ошибке...

Так что да, Адэн оставалось лишь наблюдать.

Наблюдать, как даже терпя унижения, даже сражаясь за право достойно жить, Верные остались на Вольных Островах.

Спустя же три поколения шесс'ен, пытавшиеся сохранить свою культуру и священный уклад, услышали пророчество — наследник Первого Владыки придёт, и под его знамёнами Верные вернуться на А'Ксаан, чтобы привести его и весь драконий народ к былому, уже потерянному величию.

Но для этого им, прародителям армии будущего Владыки, нужно было выжить и сохранить свои знания.

И тогда шесс'ен пошли на хитрость, растворившись среди людей. Их сердца обливались кровью при виде того, как эти варвары-аниа жестоко расправлялись с желавшими просто жить драконами, но помогать им Верные не имели права — их задачей было выжить и дождаться.

Они пересказывали своим детям древние легенды, учили их священному языку, растили их на настоящих сайши, а не тех криворуких посредственностей, коими были эти дикари-люди.

Но не все выдержали испытания временем — многие, сохранив в себе кровь драконьего народа, даже не подозревали о своей к нему принадлежности. И только священный свет Шесс'Вод'е мог бы выгнать из них всё лишнее, *человеческое*, явив невеждам их истинную суть. Но никогда те не бывали под золотыми небесами и сохраняли своё блаженное невежество.

В некоторых из них, из поколения в поколение, текла священная кровь потомков Саалоны Риши. Незаконнорождённого брата Императора Карры... Они, последние потомки Дома Талэ, даже не представляли, кем был их родоначальник.

И однажды у двух таких потомков родился тот, кого так долго ждали Верные.

Впервые увидев этого юношу, Адэн подумала, что он был похож на всклоченного вороненка, не успевшим стать взрослой гордой птицей, но уже сменившим пух на перья. Насупленный, весь из себя ошетилившийся, пришедший вместе с компанией других таких же юных бродяг, коим повезло не попасться в руки лед'ен и дойти до Тау-Ри, чтобы попытаться пройти отбор и стать ученикам в Храме...

Потерянный, одинокий в толпе людей и ледани, он разительно от них отличался — крепче, упрямее, мрачнее.

В те годы много было таких мальчишек — беглецов, искавших приют и защиту под сводами Тау-Ри-Эвен. Увы, далеко не все находили искомое. У многих просто не хватало сил, воли или простой удачи чтобы добраться до своей мечты. Но были среди счастливых, сумевших достичь Храма, и те, кого настигало великое разочарование — далеко не все имели потенциал к становлению сай'нел. Или они были слишком взрослыми — их энергетические каналы, нетренированные и слабые, не выдержали бы учения и тренировок,

разрушившись и погубив этих отчаянных ребят.

Такие несчастные, в итоге, или овладевали какими-то ремеслами, становясь новыми жителями городка у подножья храмовой горы, или становились слугами в ордене, получая кров, еду и защиту от внешнего мира.

Но Аран был не из таких.

Арану хватило и воли, и удачи, и сил.

И упрямства.

Особенно — упрямства.

Да, среди прошедших отбор мальчишек, восторженных и суетливых воробьев, он был вороном, знавшим как выглядит и пахнет кровь.

Знавшим её вкус.

Знавшим, как её проливать.

И проливавшим.

Адэн видела это по мрачному блеску зелёных глаз, по движениям и жестам, по отчужденности и тому, как пела аши этого парнишки, как она замирала, готовясь обрушиться на любого, кто представлял опасность.

Но не это было главным.

Не это.

В зеленых глазах горело пламя, вся сила Арана была подобна ему, жидкому драконьему огню, и он сам рассказал о том, что являлся побратимом Крылатого. За сиянием внутренней силы мальчишки, отражавшимся в радужках, практически не было видно зрачка — когда-то это «почти» исчезнет, как и у неё самой. Да, старейшина испытывала чрезвычайное волнение не на пустом месте. Сомнений не было.

Мальчик был шесс'ен.

Первым встреченным ею за долгие годы шесс'ен...

Да, люди так и не смогли ужиться с драконьим народом. Аниа и так были притесняемы лед'ен, свободно и без опаски они могли жить только на Вольных Островах. Почти всех драконов истребили, ценой колоссальных потерь со стороны людей, а Верным припомнили, что именно шесс'ен устроили Прорыв, затронувший все миры Ианэ, от которого пострадали даже те, кто и понятия не имел ни о Убийцу Светил, ни о его победителе.

И плевать людям было на то, что последователи Саалоны были отступниками по мнению шесс'ен и тоже не имели отношения к виновникам катастрофы, что они оказались такими же жертвами.

Народы Ианэ верили — все шесс'ен виновны.

Все.

И за ними началась охота...

За теми, кто пытался сохранить чистоту своей крови.

За те века, что прошли с Прорыва, драконий народ растворился среди людей. Хоть теперь, спустя много поколений, конфликт уже потерял былую остроту, и многие Клань даже гордились тем, что в их крови спало такое наследие, гарантировавшее хороший потенциал для становления сайши. В этих краях борцы с Тварями были всегда в почете. К кланам потомков относились снисходительно, к Отрекшимся, которые проклинали своих предков и их путь, но не их силу — более чем лояльно.

Но чистокровных... Их уничтожали.

Без всякой жалости.

Потому аксаанцам, которых все миры и народы уже несколько веков игнорировали, с которыми не желали вести дел, путь на Вольные Острова был заказан.

Да и без драконов, без их всадников, шесс'ен не были столь грозной силой, и даже люди могли бы с ними совладать. Потому и сидели аксаанцы на своей земле, не стремясь к путешествиям, но и гостей не приветствуя... Никому не идет на пользу изоляция.

...Бывало так, несколько раз в поколение, что оба родителя несли в себе наследие драконьего народа, и эта кровь пробуждалась в ребенке, но на Леде, даже на Вольных Островах, в человеческих Кланах это было не более чем приговором.

Аран был таким ребенком.

Но... Казалось, его наследие открылось миру совсем недавно — возможно, один из его родителей был достаточно могущественен, чтобы скрыть кровь их народа в мальчике, запечатать её, хотя это были уже ритуалы, для которых требовалась рука опытного и искусного мастера.

Впрочем, если её догадка верна...

Зеленые глаза.

То, что наследовать можно только от шесс'ен.

От конкретного Дома.

У драконьего народа глаза всегда были светлыми, чаще всего теплыми — все оттенки от меда до золота, серебро и синий тоже встречались, даже алый и черный, хотя это совсем уж редкость, свойственная определенным семьям, но вот зеленый — никогда.

Это особенность Династии.

Это особенность Дома Галэ.

Того самого, у которого не было наследников, претендовавших на павшую империю... Потому что не было на А'Ксаане сынов или дочерей, несших в своих глазах благословение Стража.

Но этот мальчик...

Адэн смотрела в глаза Арана совершенно спокойно, и никто не знал, что глубоко в душе могущественной сайши, всё ещё пряталась маленькая девочка, на глазах у которой рухнул её мир.

И эта девочка плакала, от счастья, от облегчения, от того, что она была последней свидетельницей минувшей катастрофы, но теперь у неё появился шанс увидеть, как все будет исправлено.

Никто не видел этих слёз, ведь лицо Старейшины оставалось равнодушным, а аши умиротворенной, и единственный человек, который её мог бы прочитать её как открытую книгу уже давно покоился с миром. А она так и не сумела показать ему мир, в котором родилась...

Но... Теперь у её народа был шанс.

Это — их искупление.

Мальчик, взявший себе имя Тёмного Бога, даже не подозревал, насколько ему оно подходило.

Ведь только *Аран* мог быть его покровителем.

Мальчик сразу привлек внимание Мастеров её ордена. Его потенциал был виден для них невооруженным взглядом, и все прекрасно знали, как прославлял учителя его могущественный ученик. Их орден не проповедовал аскетизм и отказ от мирских благ, хотя

осуждал тщеславие, но, так или иначе, почти все из них были сиротами, бывшими беспризорниками или ненужными детьми — в каждом из адептов, от самого младшего ученика до Мастеров, теплилось желание признания, жажда похвалы, жажда любви и почитания.

Да, это было лишь объяснением, не оправданием, но это было, и с этим надо было считаться.

Вот и тогда несколько достопочтенных Дае поругались, чуть не дойдя до выяснения правоты силой в поединке, подавая совершенно возмутительный пример новому поколению, зная — таланта ярче этого мальчика в этом поколении уже не сыскать.

Но это все было неважно, как не важны были чужие возражения.

Адэн уже все решила.

Кажется, когда она, не бравшая себе учеников уже больше века, объявила о своем желании назваться Учителем этого юноши, все вздохнули с облегчением.

Никто не стал спорить.

Не посмел бы.

Это именно её предназначение — ограничить таланты надежды её народа, подарить ему могущество, которым он будет побеждать всех врагов.

И не знала она тогда, что спустя годы Аран будет звать её, свою мудрую наставницу, стать его советником. Что её главная мечта исполнится — драконий народ встанет с колен и вновь станет той силой, с которой нужно было считаться.

...Но в итоге она осталась на Леде.

Она — последний ребенок погибшего старого А'Ксаана, рухнувшего вместе со старой Династией, вместе с последним своим Владыкой, и на новом ей не было места.

Она просто ждала Эгиля.

Глава 14. Адэн Тиори

Весна вступала в свои права в этом крае намного позднее чем на равнине. Искристое одеяло снега только недавно, всего пару недель назад окончательно исчезло под жесткими лучами Исы, обнажив промёрзшую землю, скалы, сухие травы и робкие ростки самых первых цветов.

Горные ручьи, большую часть года кристально чистые, несли грязную талую воду вниз, к морю. Их стремительный поток обещал гибель всякому глупцу, достаточно легкомысленному, чтобы попытаться перейти их вброд, а не добраться до надёжного моста.

Но, несмотря на это, природа пробуждалась от долгого сна, от этого похожего на смерть оцепенения.

Вместо земли теперь уже Погребальные Сады одевались в белое, радуя глаз и делая тоску чуть менее невыносимой.

Вишня цвела, кружа голову своим ароматом.

Кто-то непосвященный, конечно, не мог бы уловить смысл происходящего... Облаченные в траурные одеяния деревья наполнялись жизнью, лишней раз напоминая о круге перерождений, о том, что смерть сейчас — это рождение уже очень скоро.

И мало кто, не знакомый с этим обычаем, мог догадаться, почему у самых старых вишен почти никогда не было посетителей, зато за совсем молодыми деревьями много кто ухаживал. Да и откуда знать чужакам, что под каждым из этих деревьев похоронен адепт, ушедший дальше по пути странствий души? Орден Тау-Ри-Эвен ни с кем не делился этой тайной, как и не делился вишневым вином ни с кем, кроме самых близких — почтить память ушедших с посторонними считалось неуважением, как неуважением было оставить без должного ухода деревья своих близких.

На самом деле, никто не знал, кто положил начало этому обычаю, но было доподлинно известно, что началось всё до устроенного Хар-Ани Расери геноцида таурийуев. Однако те сады, что видели ещё Литу, были сожжены дотла, символизируя падение прежнего ордена. И только когда очищенная от скверны предрассудков и стагнации, школа возродилась, погребальные сады были восстановлены. По преданию, именно первая Старейшина нового храма посадила вишню над могилой своего супруга.

То самое дерево действительно можно было найти. Оно, старое, раскидистое, пережившее много веков, всё ещё цвело и плодоносило.

Вообще, эти пропитанные сай'и сады были уникальны — косточки этих вишен неспособны были прорасти и дать начало новой жизни, и деревья размножали просто срезая ветки и сажая их в почву.

Если дерево погибало — значит, привязанная к нему душа сходила с круга перерождений.

Ходили легенды, что, выпив вина из ягод с дерева своего предыдущего воплощения, можно было вспомнить свою прошлую жизнь.

Адэн хотела бы узнать, правда ли это — быть может, дождавшись Эгиля, своего чудесного саи-ри, она даст ему испить такого вина...

Она каждое лето, вместе с остальными адептами, изготавливала кувшин этого напитка, чтобы потом в поминальном обряде испить его и, разделив с самыми близкими свою тоску и ожидание, плескала одну чарку в пламя храмового очага.

Только боги и портрет её саи-ри у неё были. И вера — что сумеет дожидаться, найти. Не с кем поделиться своей болью...

Много кувшинов стояло в её погребках, сохранённых в пересозданном виде печатями.

Но пригодятся ли они?

На её веку ни разу переродившиеся адепты не возвращались в Храм — лишь древние легенды гласили, что связанные с деревьями души будут стремиться вернуться в место, что было для их предыдущего воплощения домом.

Легенды не возникали на пустом месте.

Но...

Не всегда они говорили правду.

Адэн сама могла рассказать много легенд, и они даже не все были по-ледиански печальными. И речь даже не о предсказанном на закате империи новом наследнике Эйрена, который сумел бы возродить былое величие угасавшего народа.

Так же речь была не о полулегендарной Первой Старейшине, ученице последней таурийки, предначертанного врага Хар-Ани Расери. Старейшина на могиле своей наставницы поклялась возродить то, что защитить мертвая героиня не смогла.

Герои не всегда побеждают.

Но легенда о том, что Убийца Светил на деле хотел всех спасти слишком страшна.

Она сгубила слишком много шесс'ен когда-то.

А пока Адэн увидела, как пророчество сбылось, и юная надежда с зелеными глазами была слишком упрямой, чтобы сдаться, не идти до конца.

Её последний ученик был самым настоящим чудом.

Феноменом.

Он схватывал знания на лету, и не важно, что он был для традиционного начала обучения слишком взрослым, почти мужчиной, всё-таки семнадцать лет — это уже сформированная личность, которую уже нельзя воспитать в нужном тебе ключе, только в чем-то убедить, приводя аргументы.

За считанные месяцы он нагнал и перегнал своих товарищей.

Фехтование, применение сай'и в бою, всё то, что делало сайши теми, кем они собственно и были, всё это было не важными, лишь деталью, инструментом, не успехи в этой сфере делали Арана таким уникальным.

Его природный резерв духовных сил, казалось, не имел предела, а уровень контроля рос буквально на глазах, с каждой тренировкой, с каждым упражнением.

Манипуляция тонкими материями зависима только от контроля.

Только.

На самом деле, сай'нел от тех, кого называли богами, отделяло только одно.

Способность менять реальность.

Это казалось невозможным для смертных, но на деле реальность менялась в угоду тому, у кого было достаточно на то воли. Ну и, естественно, это было очень энергозатратно.

Безумцы, возомнившие себя богами, погибали от истощения.

У Арана предела не было.

Казалось, его внутренний резерв пополнялся за счет энергии окружающего мира.

Казалось, он был способен переплавить в сай'и всё что угодно — свет, тепло, звук, чужой удар. Абсолютно всё.

Казалось, он если не понимал, то интуитивно чувствовал что-то такое, что было

неведомо другим. Что всё в Ианэ было создано из одной и той же энергии, и при желании можно было что угодно обратить снова этой энергией.

Это было что-то за пределами смертного познания.

Смотря в глаза своего ученика, за пределами его сознания и личности Адэн видела что-то ещё. Что-то скрытое, тайное.

Что-то хтоническое.

Что-то...

Словно бы за её учеником неизменно следовали две тени, носившие с ним одно имя — Темный Высший и Первый Король А'Ксаана.

Бог и дитя Бога.

Впрочем, несмотря на это, Аран оставался почти обычным юношей, полным своих чаяния и надежд. Не чуждый веселью, внимательный и терпеливый по отношению к младшим своим соученикам, среди людей он пользовался популярностью, сумев завести множество друзей и приятелей.

Братья Феол, Кайни и Далэн, человеческие сироты, бывшие рабы мелкопоместного дворянина, они сумели сбежать от своего хозяина и добраться до Тау-Ри — все прекрасно знали, что из Храма беглецов не выдавали. Братья искренне собирались стать слугами у сайши, лишь бы не оставаться вещью, говорящим скотом в собственность у жестокого и мелочного лед'ен. К собственному шоку, они с лёгкостью прошли отбор и стали учениками одного из мастеров. С Араном они пересекались на общих занятиях — история, философия, литература, каллиграфия, это преподавали младшие учителя из числа адептов. Братьев Феол подкупило в Аране то, что даже прекрасно зная об их происхождении, даже будучи шесс'ен, он относился к ним, как к равным, внимательно и терпеливо помогая там, где мальчишки не понимали и отставали, прислушиваясь к их собственным идеям. Он подарил им своё внимание, свою улыбку, и те теперь готовы пойти за ним хоть в Белый Город, хоть в Бездну.

...В то же время, ледани относились к нему настороженно.

Казалось, они тоже чувствовали ту угрозу, которую в перспективе для их народа, и уж тем более для чистокровных лед'ен представлял Аран.

Но по-настоящему угрозу он представлять станет позже, когда осознает свою священную миссию...

Адэн об этом позаботится.

А пока она, помимо прочего, передавала своему ученику знания об их народе, о культуре и традициях, историю шесс'ен и их легенды. Особые техники, которыми могли пользоваться только дети золотого неба...

Всё то, что нужно было знать будущему владыке их народа.

Бывали моменты, когда Аран казался совсем обычным юношей, когда Адэн забывала о возложенной на ее ученика великой миссии и просто наблюдала за тем, как постепенно оттаивало некогда скованное льдом горя сердце мальчишки.

Она так и не сумела вывести ученика на откровенность и выяснить, откуда конкретно был он родом, хотя это и было крайне важно — узнав родословную Арана, можно было выяснить кто ещё был потомком дома Талэ...

Так, на всякий случай.

Конечно, всё её интересующее она так или иначе потом выяснила, с разочарованием узнав, что ее ученик оказался пока единственным, у кого кровь королевского рода текла в венах обоих родителей...

Впрочем, ей было очень приятно наблюдать, как нелюдимый мальчишка, напрягавшийся от любого резкого движения, при любом намеке на агрессию напружинивавшийся, словно готовясь бежать или атаковать, заново учился улыбаться и смеяться, доверять другим, как он заводил друзей, вместе с ними нарушал правила, сбегая в город без разрешения или гуляя после комендантского часа. Аран вёл себя на свой возраст, наконец, позволяя себе быть подростком, забывая о том ужасе, что привел его в храм.

Он не ожесточился.

Мир даже не осознал того, как близок был к катастрофе, пока несколько подростков не проявили доброту к никогда не видевшему ее сироте.

Аран запоминал всех своих обидчиков, и Адэн была уверена, что однажды он им отомстит, так или иначе, но и добро он помнил. За ушибленный палец он мог оторвать руку, за разделенную с ним сладость — положить к ногам целый мир.

Как же сильно этому ребенку не хватало любви...

Ему, много лет бывшему единственным ребёнком, сыну главы клана Олэй, всегда хрупкому и болезненному по меркам северян мальчику вообще пророчили смерть ещё до совершеннолетия.

Господину Олэй все твердили, чтобы он не занимался глупостями и женился или хотя бы взял себе наложницу — клану нужны были здоровые и сильные наследники.

Тот же даже спустя многие годы после того как стал вдовцом, продолжал носить траур по жене, но почему-то к их сыну относился он почти равнодушно.

Утонув в своём горе, плевать он хотел о ребенке, за которого нес ответственность. Ребенке, которого растили слуги. Ребенке, над которым смеялись все остальные дети, не боясь наказания, зная — его не последует. Смеялись они и над слабостью, над странным цветом глаз и оттенком кожи, над худобой и робостью. Над умом.

Молодой господин Олэй и правда не дожил до совершеннолетия.

Аран пришел на его место.

Аран похоронил его, глубоко в своей душе, в той её части, которой не суждено было обнажиться ни перед кем. Похоронил его, а потом долго оплакивал наивного и доброго, открытого всему миру мальчишку, преданного тем человеком, которому тот решил доверился.

Мальчик, не желавший войны и насилия, чуждый сражениям, желавший только добра всем, укрывший и выхотивший раненного дракона, побратавшийся с ним, погиб.

Он был убит собственным отцом, отрекшимся от него. Пронзен в самое сердце словами ненависти.

Аран был сильнее молодого господина Олэй.

Он нёс на себе все его шрамы, он помнил всех его обидчиков, но, в отличие от того навсегда исчезнувшего ребенка, был не чужд насилию. Он знал вкус жестокости и был способен на неё.

Аран был раненным людьми диким зверем, потерявшим свою стаю — и научиться доверять, особенно людям, ему было очень трудно.

Но нашлись те смельчаки, что рискнули.

И не пропадали.

Друга, предание её ученика, им было не сыскать...

Наблюдая, как её некогда угрюмый и замкнутый сие открывается миру, становясь из озлобленного подростка уверенным в себе, заботящимся о своих соучениках молодым

мужчиной, будучи примером образцового а'вэсие, Адэн невольно задумывалась, каким бы был Аран старшим братом.

Не по духу, не по учению, а по крови.

Наверное, таким же — заботливым, порою даже слишком опекающим, умело организуемым, не дающим в обиду.

И совсем незаметно — очень авторитарным.

Теперь за улыбкой парня скрывалась сталь, и пусть ямочки на щеках создавали иллюзию мягкости и уступчивости, но Адэн знала куда смотреть.

Воля Арана — мягкая неотвратимость.

Она напоминала упругую перину, которой тебя принимали к стене — вроде и не больно, не страшно, но сопротивляться бесполезно и вздохнуть лишней раз не получалось. Оставалось только покориться... Аран внимательно прислушивался к чужому мнению на этапе планирования, учитывая каждое, но после принятия решения изменить его было просто нереально.

Упрямство его никуда не делось, осторожно проявляясь теперь чуть иначе.

Жестокость обратилась в заботу о тех, кого он считал своей семьей и полнейшую беспощадность по отношению к тем, кто предлагал из себя угрозу этой самой семье...

Да, наверное, Аран был бы замечательным старшим братом.

Но Аран больше не был молодым господином Олэй и не имел с тем кланом никаких связей. А коли так... значит, новорожденные наследники этого клана не имели к Арану никакого отношения.

О том, что бывший некогда ему отцом человек женился и завел новых детей её ученику знать своём не обязательно. В конце концов, если понадобится — он сам узнает об этом, когда настанет время.

Лишние знания порождают только лишние тревоги...

И это время однажды настало.

Уже потом, много лет спустя, уже получив звание мастера, пройдя традиционное испытание странствием... Уже начав свой путь как Господин Талэ.

Магни и Мия, как называли новых наследников Олэй, в то время уже умели и ходить, и говорить и что-то в окружающем их мире понимали, и походили на своего старшего брата, словно были его собственными детьми — не зная куда смотреть, не отличишь.

Адэн доносили — Аран близнецов в кругу своих соратников признал своей кровной родней и частью дома Талэ. Учитывая, что мольчик щеголял такими же как и у своего старшего брата зелёными глазами, а девочка была не отличима от них обоих лицом, и у кого не озникло сомнений. Ну а даже если бы возникли... Никто не посмел бы что-то возразить своему Владыке. Но подчеркнув родство с близнецами, её ученик тем самым заявил об их неприкосновенности, особенно на фоне всё обострявшегося конфликта Союза Аниа и присягавших Арану кланов шесс'ен.

Адэн же в внимательно следила за похождениями своего ученика, готовая помочь ему, если тот оступится.

Этого нельзя было допустить.

И, собирая слухи, ходившие об её ученике по Вольным Островам, она не могла порою сдержать смех — сколь люди скоры на выдумки!

Как легко верили во всякие небылицы...

Даже врать не надо — достаточно оставить простор для фантазии, и всё, люди сами

сделают всю работу, обманув самих себя.

Жаль, даже присягнувшие Арану страдали подобным — ребята из тех кланов, что признали власть Господина Талэ над собой совсем недавно, не успели познакомиться со своим Владыкой близко и потому внимали слухам, как единственному источнику информации.

Жаль, многое были из того неправдой.

Жаль, они этого даже не подозревали...

Конечно, для легенды было бы красиво сказать, что Аран пришел на архипелаг совсем один, начав строить своё королевство без чьей-либо помощи — когда полный амбиций юнец становится успешным, это внушало уверенность.

Но на деле из Тау-Ри-Эвен вслед за своим другом ушли девять восходящих звезд, что могли стать талантливейшими мастерами ордена, но предпочли иной путь.

А за это Адэн была им благодарна — они поверили в Арана.

Впрочем, сложно было не поверить... Даже в свои семнадцать лет, только попав в храм, он уже выглядел внушительно, не похоже на человека — для побратима дракона ничего в том не было удивительного, и для потомка драконьего народа тоже, но столь близкая к чистокровным внешность внушала трепет.

Шесс'ен умели быть эффектными.

Но потом, перед своим странствием, Аран прошел другое испытание. Чтобы привести свой народ в их родной мир, он должен был в том мире выжить хотя бы сутки.

Создание Коридоров было делом очень дорогим и энергозатратным... Но Адэн для ученика не поскупилась.

Сутки на А'Ксаане.

Сутки под золотым небом и светом Шесс'Вод'е.

Сутки в кишасей самыми опасными тварями Запретной Земле, по которой проходил запечатанный непомерно высокой ценой Разлом в Бездну.

Сутки в Алой Пустоши.

Вернувшийся под свет Исы Аран прежним уже не был.

Посмуглевшая кожа и ещё более ярко засиявшие глаза, и окутывавшая коконом парня темная мощная аши — всё говорило о том, что он стал намного, намного сильнее.

Мир, некогда преображенный посланником Тёмного Бога, принял его потомка, его последнего наследника с распростертыми объятиями, натравив на него самых злобных Искаженных. Впрочем, оказавшихся неспособными навредить Арану. Казалось, ему сам воздух под золотыми небесами придавал сил и уверенности.

Может, так и было.

Всё же возможно было в этой вселенной...

Так или иначе, не пойти за Араном было невозможно — слишком умело тот вдохновлял, слишком вжился в роль надежды.

Или просто был ею.

Спустя многие годы, когда возрожденная Аксаанская Империя стала способна диктовать свои правила, выиграла не одну войну и вполне эффективно зачищала свои земли от тварей, когда старшая дочь Арана решила вернуться под небеса мира, давшего её отцу жизнь и даже приняла предложение Адэн, став приглашенным мастером, Старейшина смогла увидеть, насколько отец и дочь были похожи.

Не внешне, не в лицах и жестах дело...

Внутренне.

Сразу видно... одна кровь.

Одна сила.

И этой силе можно было доверить её народ...

Древнее пророчество сбылось.

Глава 15. Адэн Тиори

Тау-Ри-Эвен всегда просыпался рано.

Чуть Иса выглядывала из-за верхушек гор — адепты дружным строем отправлялись на обязательную для всех утреннюю тренировку. И ученики, и мастера, и даже она, Великая Старейшина, Глава Тау-Ри-Эвен.

Адэн не желала становиться исключением из этого правила — она всегда придерживалась мнения, что дисциплина в жизни была главным залогом успеха одной.

Со склона, где находился её совсем скромный, не по титулу, но по душе, построенный вместе с Эгилем дом, открывался потрясающий вид на всю школу — в том числе и Дворы Мастеров.

Разглядывать своих подопечных, выполняя очередную связку движений, было занято.

Она помнила каждого из них ещё неоперившимися юнцами, а ныне каждый из них стал гордым азафом, разрезающим крыльями Власы Леды[1].

Были среди них и те, кого считали плохими, были среди них и хорошие. Большинство же не попадало под столь полярное и скудное описание.

Одно объединяло семнадцать Дае Тау-Ри-Эвен — все они были выдающимися разумными, внесшими огромный вклад в развитие ордена или науки сайши в целом. Так или иначе, тем или иным образом — это были уникальные личности, самых разных раз, возрастов, полов, мировоззрений и даже банальной направленности внутренней энергетики...

Но даже среди них, лучших из лучших, ярчайших из ярчайших, выделялись ещё более особенные личности.

Личжао Рес, светлокожий и темноволосый человек, в ученики брал только таких же как он сам людей, и только мальчиков, предпочитая с девочками не связываться вообще.

Вероятно, делал он это, памятуя о славе матери и сестры, не желая быть затмённым ещё и ученицами.

Да, незавидная судьба для, в общем-то, искусного и знающего своё дело мастера — теряться за спинами других представителей собственной фамилии.

Впрочем, не он был первым — не ему быть последним.

Но, к чести Личжао, он не губил потенциал своих учеников, как часто поступали подобные ему обиженные личности, отыгрываясь на невиновных. Напротив, дае Рес развивал по максимуму, выжимая всё и даже больше из способностей сие, делая из них причину чужой зависти и восхищения.

Его подопечные, отправляясь в странствие, становились героями для крестьян, на судьбу которых высокородным господам всегда было плевать.

Грач сумел воспитать не один десяток соколов...

Аелис Цхойси был совершенно иным.

Но в то же время — точно таким же.

Он, чистокровный лед'ен, выбирал себе в сие только правителей собственного народа, но это было обусловлено не только присущим всем Детям Спящей высокомерием и уверенностью в собственном превосходстве над всеми остальными, но и тем, что только лед'ен могли освоить его уникальные техники — слишком специфическими было строение их энергетической системы, слишком многое требовалось.

Люди и прочие светлые, пытаясь повторить, просто выжигали себя изнутри. Аелис когда-то пытался... Но, посадив на могилах учеников уже третью вишню, решил больше не рисковать — и не Адэн его в этом винить.

Арека была совершенно иной.

Она, единственная шесс'ен среди дае, была так называемым *приглашенным мастером*.

Той, кто получила всё свои знания далеко, не в Тау-Ри-Эвен, и во многом она могла дать ученикам что-то совершенно новое. То, чего не смог бы дать больше никто в храме.

И давала.

Но — лишь собственным сие...

Девять их было, учеников её духовной внучки.

Девять...

По-своему сакральное число, особенно для верующих Тёмного Пантеона.

Трижды три, три тройки, девять...

Ровно столько учеников ушло вслед за Араном, когда тот отправился в свой родной край, чтобы вершить справедливость для собственного народа и исполнить давнее пророчество.

Ровно столько учеников было у Ареки Талэ, дочери Арана.

И чем больше Адэн вглядывалась в подопечных своей духовной внучки, тем больше находила в них схожести с последователями Арана.

Видимо, Талэ всегда привлекали определённый тип личностей. Ну или просто боги сплели судьбу этих сайши таким образом, чтобы те следовали за потомками Первого Владыки, чтобы только им отдали свою преданность, раз и навсегда.

...Хотя было в последователях отца и учениках дочери значительное различие.

Несмотря на все горести своей жизни, всё им пережитое, Аран привечал людей, в его свите их было немало. Собственно говоря, будучи ещё сие, первым среди равных, он был единственным шесс'ен среди людей и двух ледани.

Аран снисходительно относился к полукровкам, но незаметно выделял всё же чистокровных представителей разных народов.

Ну, кроме лед'ен, естественно.

Как и положено всякому праведному сыну золотого неба, детей Спящей он на дух не переносил.

Арека, невыносимо похожая на своего отца, даже в мельчайших жестах, мимике, манере говорить, вести себя, тем не менее, исповедовала совершенно иной подход.

Больше половины её учеников были полукровками, из которых четверо были ледани, даже одну чистокровную лед'ен она к себе взяла, смотря на талант и потенциал, а не на происхождение.

Но было в этом одно «но» — Арека этого не демонстрировала открыто, но явно испытывала неприязнь к людям, и среди её подопечных можно было увидеть даже нет'ен, который напару с девчонкой лед'ен составляли типичных представителей Светлых, но люди...

Аниа среди сие Ареки не было, и, как подозревала Адэн, не будет никогда.

Причин подобного отношения к самому многочисленному народу Ианэ Адэн не знала, да и не особо желала знать, на самом деле. Не третиговала Арека чужих учеников, не относилась к ним с предвзятостью, и то ладно.

Всякий мастер в праве сам выбирать себе последователей, и никто не смел их судить за критерии того выбора.

Но всё же...

Но всё же было какое-то забавное сходство в этих двух девятках... Словно оно, это новое поколение, повторяло судьбу своих предшественников... И храни их боги, пусть это будет всё же не так.

Всё имело свою цену.

Ценой же возможности стоять за спиной одного из Владык дома Галэ слишком часто становилась жизнь.

В конце концов, из девяти птенцов, покинувших некогда её гнездо, из девяти учеников, выбравших свой собственный путь, а не орден, сейчас в живых была лишь Лирен Рес.

И, как полагала Адэн, дело было вовсе не в удивительной её живучести. Просто Лирен вовремя заметила печальную тенденцию и оставила своего Повелителя, чтобы служить его младшей сестре.

Лирен...

Жестокая, изобретательная, исполнительная, безукоризненно преданная тому, кто заслужил её доверие, Лирен...

Адэн помнила эту девочку совсем ребёнком, когда она, молчаливая и слишком серьёзная, с осуждением смотрела на других детей, устраивавших шалости, бывших настоящей головной болью воспитателей.

Теперь, стало быть, её волосы должны были быть совсем седыми...

Лирен, единственная из этой девятки, имела столь высокое по меркам ордена происхождение — младшая дочь двух мастеров, продолжательница великой династии сайши, коими и были Рес на протяжении последних семи веков, она могла позволить себе очень многое, её ждало блистательное будущее, которому она предпочла неизвестность и путь в совершенно чужой мир, где таких как она недолюбливали.

Но не просто принадлежностью к одарённой династии отличалась от остальных Лирен...

Лаффе Рес, её мать, гордо носила звание последней ученицы Старейшины, пока в Тау-Ри не пришёл Аран.

Бытие сие самой Старейшины, собственный титул Дае и аналогичный у партнера позволили ей остаться безнаказанной — все закрыли глаза на выходки Лаффе, порочащие имя её знатного рода.

Впрочем, среди оных выходок всё равно рождение Личжао и Лирен было всё равно самым дерзким.

Однако женская вольница таурийского храма обуславливала то, что многие адептки не стеснялись рожать даже вне брака.

Адэн негласно попустительствовала этому — появившиеся на свет в её обители дети с первого своего мгновения считались частью ордена, который навсегда становился их семьёй.

Увеличение численности адептов, тем более не знающих ничего кроме храма, верных только храму, неподкупных и справедливых, Старейшине было только на руку.

Но всё-таки обычно семьёй и детьми обзаводились именно адепты — воспитатели, мастера залов, младшие наставники. Дае же чаще посвящали себя, подобно Адэн, ученикам и бесконечному совершенствованию собственного мастерства.

Этим юная внешне, но на деле разменявшая седьмой десяток дае Лаффе Рес сильно

отличалась от остальных женщин-Мастеров.

На фоне проделок матери Личжао и Лирен просто терялись.

Но если сын старался всем остальным доказать, что он ничем не хуже матери, что подобно ей сумеет оставить своё имя греметь на страницах истории ордена, то дочь выбрала позицию молчаливого наблюдателя.

С самых юных лет девочка собирала слухи и истории, анализировали их и делала правильные выводы. Она неведомым образом знала всё про всех — и никто не смел обидеть её. Коварным пауком она сплела свою незримую паутину, и с тех пор только оттачивала своё мастерство интриг.

Наверное — благо, что свои таланты она применяла в помощь Арану.

Наверное — благо, что в какой-то момент она выбрала всё же службу его младшей сестре, а не непосредственно Драконьему Владыке.

Это её и уберегло...

Теперь, почти век спустя, уже Энн Шаффо точно так же таилась в тених и молча слушала, всё про всех знала, в случае чего могла рассказать свои выводы наставнице... И благодаря этому Арека тоже — всё про всех знала.

Как сайши сие Шаффо была крепким середнячком — покорять вершины мастерства ей не светило, но она брала старанием, упорством, которое со временем сделает её не сильной, но искусной противницей её врагов.

Настоящим же оружием Энн, её силой был её собственный разум, склонный к анализу всего вокруг, способный делать выводы даже из самых отрывочные знаний.

Она могла сплести паутину многоходовой интриги, запутав и погубив в ней врага, она могла расследовать бесчинства, совершенные фанатиками Мрака, могла защитить и от чужих заговоров...

Чего и стоило ожидать от старшей и любимой внучки лорда Шаффо, известного во всех королевствах Леды своей скандальной лояльностью к людскому народу. Ну и тем, что благословил своего сына на законный брак с человеческой женщиной, дав ей тем самым положение в обществе, ведь она, мать Энн, теперь была будущей леди благородного семейства.

Лорда Шаффо за его взгляды недолюбливали при дворе, но учитывая власть его рода, сделать с этим ничего было нельзя. Нарушение негласных правил и замшелых традиций не было преступлением.

Тем более — никто более Лорда Шаффо не делал для блага Родины и своего народа.

Лорд Шаффо сам некогда учился в Тау-Ри-Эвен, и только потому, полагала Адэн, сумел избавиться от шор, став из заносчивого молодого дворянина достойным и мудрым лордом, ответственным и лишённым глупых предрассудков.

В этом Старейшина видела свою заслугу, и мысль о том, что её деятельность облегчает жизнь народу огромной территории, подвластной семье Шаффо, грела ей сердце.

...Шае Каннэ, в противовес Лирен, тоже имел богатую родословную, однако он был типичным представителем дворянской поросли, дядя нынешнего лорда Каннэ, и племянник возглавлявшего благородное семейство в годы его, Шае, юности.

Один из двух полукровок ближнем кругу Арана, официально он был ледани, но все заинтересованные лица знали, что его матерью являлась шесс'ен, купленная в вольных городах рабыня.

Не удивительно, что её сын родился сильным и тёмным — агрессивный, жестокий к врагам и бесконечно преданный своим благодетелям, он был скор на суд и за словом в карман не без, хотя предпочитал хорошую драку простой дискуссии.

Общество Арана его изменило — Шае успокоился, обучился контролю и больше не становился центром скандалов, связанных с рукоприкладством и сражениями вне учебных тренировок.

Искусный воин, он уничтожал тварей с той же неотвратимостью, с коей раньше ввязывался в драки.

Что характерно, причинами прошлых конфликтов зачастую становились его же взгляды и отстаивание чести его соучениц — и'шасие в нём души не чаяли, почитая своим защитником и главным другом.

Цори Цфей, цав'ен-полукровка, сын беглой цавербийской княжны и странствующего сайши, он был удивительно похож на Шае в вопросах защиты своих и'шасие, называемый ими ласково братиком.

Арека обуздала его тёмную природу, помогла выковать железный контроль над гневом и праведной яростью и направила их в мирное русло — в своей боевой тройке он был именно силой.

И, надо заметить, силой весьма успешной.

Фойси Шейн... человек, в чьи предки затесался нет'ен, но это выражалось только в едва заметных чёрных рожках, устойчивости к морозам и светлой направленности энергии — у парнишки была склонность к целительству, и, собственно, целителем он и был.

Единственным в окружении Арана.

Фойси был тих и замкнут, но, в отличие от постоянно бдительной Лирен, он словно бы обитал где-то в собственном мирке, отдельно ото всех.

Одиночество его не тяготило, отчужденность остальных учеников не расстраивала, а благосклонность Арана не вызывала благоговения — флегматичный и отстраненный, Фойси выполнял свою работу превосходно, но когда к нему в душу лезли не любил.

Аран — не лез.

Давал ему пространство для манёвра, тишину, не вызывал из размышлений. С уважением относился к его уединению.

Тем наверное и зацепил он сие Шейна, судьба которому была сгинуть однажды в полевом лазарете, застигнутым врасплох диверсантами, слишком ушедшим в себя в процессе исцеления очередного своего безнадежного пациента....

Тхеси Цсаной был таким же...

Чистокровный нет'ен, невесть как оказавшийся так далеко от родного мира, заснеженного и прекрасного в своей искристой мгле, ему пророчили ученичества у одного из мастеров-целителей, и даже нашлись конкретные кандидаты в наставники, но Арека всё решила иначе.

Адэн не знала, что именно дае Талэ рассмотрела в том светлом, но замкнутом ребенке, что выбор её пал на него, но оставалось лишь надеяться, что мальчик не повторит судьбу Фойси...

А пока — он обучался по индивидуальной программе, осваивая целительское искусство под руководством младших наставников.

И всюду его, слабого в бою, но неплохого в защите мальчишку оберегал Цори, даром что

тёмный. Провозгласив себя названным братом маленького нет'ен, он никому не давал его в обиду.

Впрочем, остальные ученики Ареки отличались тем же — своей сплочённостью. Готовностью стоять друг за другом городе несмотря даже на мелкие конфликты.

Цвиру Ши в Тау-Ри-Эвен привёл один из странствующих мастеров, нашедший и взявший с собой человеческого сироту.

Мальчик был робким, хилым, слишком маленьким для своего возраста, с ужасным зрением, которое было невозможно исправить — целители руками разводили, говоря, что неизвестная энергия повредила глаза и ничем нельзя было помочь.

Многие сразу задались вопросом, зачем в принципе почти слепого мальчишку, щедедушного и слабого, притащили в храм — ведь ни воином стать, ни слугой даже он не сумел бы.

Ответ нашёлся очень быстро — Цвиру, несмотря на свой недуг, прекрасно ориентировался в пространстве, компенсируя зрение великолепным ощущением и пониманием тонких материй.

Мальчик чувствовал себя в храме как рыба в воде, и, принятый в ученики, очень быстро расцвёл, стал обычным активным ребёнком, резвым и весёлым, но которому нипочем были туманы и темнота — в условиях ограниченной видимости именно он мог провести по безопасной тропе любого.

Он сплетал нити энергий в причудливые узоры, создавая чары и печати, неподвластные даже многим старшим адептам.

Он не был способен решить вопрос грубой силой, но она была ему и не к чему...

Что же видел мальчик в Аране?

Видимо, что-то непонятное, незримое для остальных.

Что-то, подкупившее его доверие, его верность...

Лия Нейо слепой не была, но не была она и обладательницей большой физической силы.

Зато она, подобно Цвиру, чувствовала на каком-то непостижимо глубоком уровне тонкие энергии и даже сама создавала новые печати, комбинируя уже существующие.

Будучи младшей дочерью лорда Нейо, чистокровной лед'ен, единственной среди учеников Ареки, она попала в Тау-Ри-Эвен уже в осознанном возрасте и по собственному желанию.

Родители пророчили девочке поступление в одну из элитных столичных академий сай'нел, но Лия выбрала путь сайши и с тех пор с него не сворачивала.

Светлая по природе своей энергии, флегматичная по характеру, она с одинаковой ловкостью управлялась и со светлыми, и с тёмными чарами.

Но, что ещё важнее, она была одной из немногих сие, кто был способен расплетать, разрушать чужие чары и печати.

Несмотря на своё высокое происхождение, Лия была скромна и застенчива, молчалива и крайне ранима, хотя того не показывала.

Будучи старшей из учеников Ареки, всего на семь лет её самой младше, Лия всё равно периодически подвергалась нападкам со стороны других сие, но за неё всегда яростно заступались её младшие соученики — свою «чародейку», как они её называли, они берегли.

Братья Феол, Кайни и Далэн, беглые рабы, повзрослев, стали смертоносным дуэтом, мечник и чароплёт, и они прославились на округу своими подвигами на ниве искоренения тварей, заполонивших предгорье — ледианскому дворянству было плевать, что по их вине погибали, а затем преображались сотни людей, губя потом ещё больше жизней.

Мава Риннэ и Оиши Хэлисс не были родными братом и сестрой, зато мать Мавы была из клана Хэлисс. Вот и получалось, что такие непохожие друг на друга, Мава и Оиши таки были родственниками. Юный хелишен, дитя золотых степей юга, второй сын лорда Риннэ, и девочка-полукровка, чьей матерью была презренная лед'ен.

Не знала бедняжка о судьбе родного города.

О гибели его от рук дикарей-степняков, о том пламени, в котором сгорел вместе с мятежниками великий древний город, старая столица Юга...

Арека, быть может, и сама о том ещё не знала, а сообщать об этом никто не спешил. Коли принцесса отринула проблемы родины, то не стоило ей о них знать. Да и бессмысленно это было.

Бедная девочка...

Адэн поинтересовалась — её родители, сайши клана Хэлисс, были убиты одними из первых.

И никого у сироты не осталось более во всех мирах, кроме своих соучеников и наставницы... возможно, это только крепче привяжет её к ордену.

Да, наверное, стоило бы ей сообщить.

А пока, в блаженном неведении своём, Оиши и Мава составляли прекрасную диаду, столь же смертоносную для чудовищ, что и некогда братья Феол...

Тсейн Огвэ, весельчак и балагур, был ещё одним ребенком адептов, рождённым в храме.

Любимый родителями и их учениками, он вырос душой компании. Со смехом рассказывал он забавные истории и с тем же смехом он легко и непринужденно резал тварей мечем.

Светлый по природе своей, своим светом он мог и согреть, и сжечь дотла.

Мейи Сэйн, ещё одна ледани в рядах учеников Ареки, была точно такой же — яркой, пламенной, под стать своим огненно-рыжим волосам. Способной согреть и испепелить своим светом. Пусть пламя было особенностью, оружием шесс'ен, да и то не всех, но свет — он светлым и принадлежал.

...Рыжим был и Хчана Сирри.

После Арана он был сильнейшим. Талантливый во многих областях — он и в фехтовании радовал наставников, и в работе с энергиями и печатями отличался успехами, и обладал пытливым умом, и хитростью, и коварством.

Хани Талэ тоже был таким... шести лет от роду, маленький шесс'ен был самым младшим учеником Ареки, тоже рождённым в храме.

Ученики любили сплетничать о том, как великодушно дае Талэ, приютила кроху, дала ему своё родовое имя... Адэн на эти слухи лишь улыбалась — мальчику она сама давала имя, достойная этой части.

Хани...

По легенде именно таким было сокращение от имени легендарного короля Хар-Ани Расери... А значит Чёрная Птица стал покровителем мальчика, оберегая его от горестей в

жизни.

Девятой из соратников Арана была Арека Рейцзи... боевая, жестокая, обладавшая стальной волей, бесконечно верная, она была мечом, карающей дланью своего повелителя.

Всегда на острие атаки, всегда безупречная и исполнительная.

Не было ничего удивительного в том, что она погибла очень юной, не отметив и тридцатилетия.

Погибла героически, спасая жизнь Арану и его супруге, уничтожая угрозу совсем ещё молодой возрождённой Аксаанской Империи.

Ничего удивительного не было и в том, что Аран назвал в честь этой храброй девочки свою первую дочь, вопреки мнению своих советников, что причитали о том, что тот загадывал девочке плохую судьбу и лучше бы дать ей традиционное для шесс'ен имя.

Реа Каннэ тоже была сильной и преданной своей наставнице ледани.

Какая ирония — *Реа* снова рядом с *Хани*!

Все, кто учил историю, оценили.

Девочка была внучатой племянницей Шае, и только этим, наверное, была обязана тому, что ныне являлась ученицей Ареки и адепткой Тау-Ри-Эвен.

... Впрочем, никто не знал, как должна была повернуться судьба, и, конечно, всё шло так как шло — и никак иначе.

Ничего не было predetermined, но — было.

Несколько теней, мелькнувших на грани восприятия, вывели Старейшину из задумчивой, в которой она созерцала учеников Ареки — чтобы узнать в оных тенях силуэты чёрных азафов.

Чёрных...

Ещё бы серебряные упряжи да знамёна с шие-си на них нацепил, конспиратор!

Адэн тихо рассмеялась.

Тайно посетить сестру, значит?

Очень тайно, мальчик!

Очень не раскрываешь ты её истинного положения в обществе. Хотя всё заинтересованные лица уже давно были в курсе реального положения дел...

Не прошло и десяти минут, как к ней подбежал один из старших слуг, но, увидев, что она, подобно иным, находилась на тренировочной площадке, замер в нерешительности. Наконец, переборов себя, он решился её оторвать, наивный, не понимая, что уже давно привлёк её внимание, да и о причине его прихода она прекрасно знала.

— Старейшина! — слуга почтительно поклонился, к ней обращаясь. — В храм прибыли несколько странников. Утверждают, что они к Дае Талэ.

То-то ты не рассмотрел их лиц, не понял, что один из гостей как две капли воды — Арека, даром что мужчина.

— Проводи Его Императорское Высочество к дае Талэ и не задавай вопросов, — распорядилась Адэн, едва заметно про себя улыбаясь. — Это долгожданные гости Ареки, не испытывай её терпения.

Наконец-то её духовная внучка перестанет тосковать.

Да и любопытно посмотреть на её учеников, когда те осознаю, кем на самом деле была

их сиятельная Наставница...

Да, надо будет навеститься к ним, пусть не расслабляются.

Она-таки единственная их бабушка.

Нужно соответствовать.

[1] Власы Леды — небо. По легенде, оно появилось, когда Звезды усыпили Леду, из её голубых волос.

Глава 16. Эша

Запах благовоний был почти одуряющим.

Вместе с сизым дымом ввысь возносились слившиеся в хор голоса жрецов, певших на Старшей Речи свою молитву. Те, кто был способен это ощутить, видели, как сай'и уходила к небесам, вместе с волей и верой прихожан, питая энергией божество, делая его сильнее.

Утренняя служба проходила как обычно.

Эша никогда не отличалась чрезмерной религиозностью, но исправно каждое утро, перед тем как заняться работой, приходила в храм.

Этот маленький ритуал не сколько уверял её в якобы наличествующей божественной поддержке, сколько помогал настроиться на нужный лад, привести в порядок свою сай'и и, что ещё важнее — свои мысли.

Да и жрецы в храмовую библиотеку куда охотнее пускали именно тех, кто регулярно посещал службы, а не совершенно посторонних личностей.

В нынешнем положении Эше выбирать не приходилось — доступ к новым знаниям ей был ой как ограничен.

А эти самые знания были нужны как воздух — от постоянного совершенствования зависело, будет ли она зарабатывать больше, будет ли к ней поступать больше заказов, а значит, сумеет ли она быстрее накопить на мирную жизнь в глуши, где-нибудь на севере, где хелишен-полукровку примут с подозрением, но всё равно отнесутся к ней благосклоннее чем в пропахшем людьми Диорене...

Конечно, в книжных лавках, при большом желании, можно было найти что-то интересное, но волновавшие её темы редко в них встречались — слишком специфичными они были.

Всё же магическое рукоделие было деятельностью весьма своеобразной. Умение плести чары через физические атрибуты, чаще всего нить, не было распространённым. Это было схоже с созданием печатей у сайши, или артефакторикой и рунами, которые тоже активно использовались, но по-настоящему понять можно было только попробовав.

Потому-то знания по магическому рукоделию были в большинстве своём сконцентрированы в семейных библиотеках Кланов, а туда ей тем более хода не было. Как, собственно, абсолютному большинству мастериц.

Читальные Залы Храма — единственное место, где можно было спокойно скопировать необходимые ей материалы и потом уже не торопясь разбирать их дома.

...Эша сама не заметила, как действительно стала считать своим домом эту выданную ей артелью крохотную по сравнению с её покоями в дедовой усадьбе комнатку. Она перестала постоянно вспоминать о прошлом, привыкла к собственной жизни. К тому, какой она стала теперь.

Благо хоть артель заботилась о своих мастерицах — их кормили, справедливо платили за выполненную работу, обеспечивали каким-никаким жильем и даже целителями. В случае, если работница захворала — к ней тут же присылали лекаря, дабы она быстрее смогла вернуться в строй и продолжить выполнять свои обязанности.

Говорили, создание артели мастериц-рукодельниц было инициативой Диалори, и она курировалась ею, и именно потому права работниц были так защищены. В былые времена таким женщинам, лишенным мужского заступничества, приходилось туго — рукоделием

занимались господские слуги и дочери, а вот им, неприкаянным, оказавшимся на обочине жизни, часто приходилось торговать собой, чтобы хоть как-то прокормиться.

С приходом к власти Диалори всё изменилось.

Волею Владыки рабство оказалось под запретом, невольников освобождали, а отказавшихся принять новые порядки хозяев ждала каторга, ссылка на рудники, откуда слишком уж редко возвращались.

Образовалась ниша, заполнившаяся сразу ими — талантливymi и отчаявшимися женщинами.

Они, эти женщины, и организовали артель.

Возможно, будь дело в простой вышивке, банальном украшении одежды, коим занималась немалая доля мастериц, то ничего бы не получилось из их начинания. Но те несколько десятков женщин, знающих искусство рун, умеющих нитью и своей сай'и сплести чары, предавать ткани, коже, металлу удивительные свойства, стали опорой появившегося тогда сообщества.

Их работа стоила дорого, их слава разлеталась по всей империи, достигая самых отдалённых её краёв, привлекая сотни потенциальных клиентов, обеспечивая артель и её работниц постоянным заработком и надёжными покровителями.

Хотя едва ли может быть кто-то надёжнее Диалори...

А наличие сай'нел обеспечивало поддержку Храмов, что тоже было весьма немаловажно.

Многие мастерицы могли за несколько лет заработать себе на дом и безбедную старость, после чего они отправлялись в маленькие города империи, где брали собственных учениц и организовали собственный филиал артели. Или же просто брали заказы у горожан и жили себе благополучно, выходили замуж или посвящали себя своей деятельности без остатка — у них в любом случае всё было хорошо.

Кто-то смеялся, мол, они, мастерицы-рукодельницы, создали Третий Орден.

Но в отличие от Серых Сестёр и Багровых Защитников они служили не богам, а самим себе и народу. Хотя Лийаш, Владычицу Искусства, называли божественной покровительницей всех творцов, в том числе и рукодельниц, работу свою они ей не посвящали.

Так или иначе, силу сестринства мастериц осознавали все, и потому ссориться с ними не спешили, предпочитая сотрудничать.

Быть частью этого Эше нравилось.

Она была вполне довольна собственной жизнью, даже по сравнению с тем, что было когда-то давно, в оставленном ею прошлом.

У неё ничего не осталось от этого прошлого.

Даже фамилии.

Даже имени.

Влажный тёплый ветер нёс в себе запах приближавшегося ливня — хорошо, что она уже успела сделать всё запланированное до того, как заполонившие всё небо тучи прольются грозой на раскалённый город.

Эша вздохнула и, поправив капюшон плаща, поспешила к дому знахарки.

Элли, конечно, не нетальская целительница, превзойти которых в их искусстве было просто невозможно, но она весьма хороша в своём деле, одна из лучших лекарей артели.

На самом деле, именно Элли привела Эшу в артель, познакомила со старшими мастерицами... Тогда, в миг её отчаянья, в миг, когда она была готова абсолютно на всё, женщина позволила опереться на себя, заменила ей мать, стала роднее родителей, роднее кого бы то ни было.

Помогать в свободное время знахарке в мелочах — совсем не сложно.

Выбрать да купить на рынке нужные травы и плоды — так она всё равно за нитями ходила в швейную лавку, сделать небольшой крюк, чтобы порадовать Элли было совсем не сложно. Благо от работы она пока была свободна — заговоренным нитям нужно было три дня и три ночи провести без всякого света, в экранированном сундучке, дабы добиться необходимого эффекта, так что в это время она могла заниматься чем-нибудь иным.

Учиться, например.

Экспериментировать.

Зайти в гости к Элли... Да и не только в гости — по делу тоже, не станет же она отвлекать свою дорогую подругу просто так! Да, нужно показать ей, что она-таки смогла сделать, вопреки всем уверениям, что это было под силу только обученным артефакторам.

Ха!

А она — без наставлений Мастеров и примера перед глазами — смогла!

Наверное жаль, что родители отказались в своё время в своём неприятии к цишен отправить её учиться на север, у талуренских артефакторов, известных на всю империю своими творениями...

А теперь уже поздно начинать.

Да и в воздухе витало напряжение — опасно даже на границе появляться, не то, что пересекать её вот так, в одиночку.

Но не только эхо грядущей кровопролитной и бессмысленной войны было различимо в душном ветре.

Воздух, густой, горячий, влажный, хоть ложкой черпай, сам по себе был переполнен небесной энергией.

Запах озона щекотал ноздри.

И нервы.

Где-то вдалеке, перекрывая суету дневного города, прогрехотало — но различить это смогли, наверное, далеко не все. Только те, кто специально прислушивался.

Ветер усилился, резкими порывами своими выбивая пряди из её косы...

Скоро.

Вот бы успеть дойти до Элли...

Летние грозы Диорена были печально известны всем в империи. Это буйство природы стоило пережидать под надёжной крышей, а не на улице, и не дай Боги оказаться посреди чистого поля. Не стоило испытывать судьбу и дразнить Абеш'авир'е.

Первые капли, тёплые и тяжелые, разбились о брусчатку. Вечно суетившиеся горожане резво нашли себе укрытие, прекрасно понимая последствия промедления.

Умницы.

...Улица опустела.

На короткое мгновение Эше показалось, что она одна во всём мире, и не было больше никого, кроме неё и этого дождя.

Он принёс свежесть пыльному городу.

Вместо запаха начавшей протухать под Очами рыбы и водорослей, доходивших со

стороны порта даже да сюда, до ремесленных кварталов, вместо сена и конского навоза, кислого человеческого пота и гнилых фруктов, ветер приносил чистоту.

И аромат далёких степных трав.

Их цветение уже давно прошло, и сезон их сбора закончился, но фантомный сладкий аромат всё ещё щекотал нервы — приятно, щемяще, почти больно.

Собственноручно расшитый руническими цепочками плащ прекрасно защищал от непогоды, но излишняя влажность всё равно завилась в кудри пряди, не давая забыть, кем она была на самом деле.

Она и не забывала.

Никогда.

Но...

Как же прекрасно было оказаться в тишине, наедине с собой.

В казённой комнате артели такого не было — хлипкие стены выдавали с головой происходившее у соседок, и, признаться, Эша не хотела этого знать.

Совсем.

Ей не было дела до подробностей чужих жизней — со своей бы разобраться для начала неплохо было бы.

— Соколёнок! — раздался внезапно голос Элли. — Ты с ума сошла? Совсем себя не бережешь! Ноги в луже, да и вся, небось, вымокла!

— Тётушка! — Эша смеялась, кружа свою названную мать под этой стеной дождя, что наконец принесла чистоту и покой.

И на сердце было легко и радостно.

И впереди — только хорошее.

И впереди — жизнь.

И счастье.

— Сумасшедшая, совершенно безумная... — всё причитала Элли, сиюсь успокоить девушку, утянуть её за собой в тепло и сухость своего дома. — Идём, непутёвая!

Пока тётушка Элли копошилась над очагом, заваривая чай и накрывая на стол, Эша, на миг замерев в нерешительности, достала из сумки свои последние творения.

— Вот, тётушка... — повернулась она к Элли, протягивая свёрток. — Подарок.

Женщина, охнув, стала его разворачивать и с удивлением воззрилась на содержимое. Над которым, вообще-то, Эша корпела последние несколько ночей — эти руны были очень капризны и требовали полного отсутствия света Очей — он сбивал тонкую настройку чар.

— Мешочки?

Элли была в недоумении.

Тётушка, неужто не поняли? Это же так очевидно...

— С расширением пространства, — расплылась в улыбке Эша. — Я же говорила — узнаю, как сделать и непременно сделаю! И — сделала.

Восхищенный и чуть испуганный взгляд тётушка льстил.

Не ожидала, Элли?

А она — смогла!

Смогла!

Сделала!

— Соколёнок... Они ж стоят целое состояние! — женщина обеспокоенно покачала

головой, вздыхая. — Сайши редко продают простолюдинам свои артефакты. Могла бы озолотиться! Что же ты...

Ах вот в чем дело!

Тётушка просто переживала, что она без еды останется, что последнее отдавала по наивности своей! Или боялась, что украдут у неё обновку? Так не должны — у артефакта была привязка на хозяина, стащить его просто так, не перерезав связь, не получилось бы, а перерезать оную смогут только сайши, да и то сведущие в этом, а не всякий первый попавшийся вояка.

Надо бы объяснить всё это, а не продолжать стоять и улыбаться, чувствуя себя в тесноватом домике знахарки на своём месте, как никогда цельной и правильной.

Всё идёт как должно.

Всё будет хорошо.

— Тётушка, я же ещё сделаю! — усмехнулась Эша, садясь за стол и беря в руки поставленный перед ней стакан с душистым чаем. — Главное было принцип понять... Это интереснее, чем в сотый раз вышивать молитву Трём на очередном кафтане высокородных, или пожелание плодовитости и здоровья на свадебных платях. Да и внутри тоже — подарок, поглядите.

Купленные травы она как раз положила в те мешочки. Они хорошо сохраняют их свойства — в таких же их сюда и доставили с севера.

Не шие-си, конечно, и не таурийский чабрец, но тоже находка редкая и полезная в хозяйстве, пусть лучше её на благо пустят, чем разотрут в порошок неумёхи и те растеряют весь целебный эффект.

...Так они болтали ещё много часов, пока не стихла гроза.

Болтали обо всём на свете — о подорожании хлопка и новом урожае хлеба, о массовых арестах самых разных личностей, проводимых гвардейцами, об интересных новых заказах, о пациентах тётушки Элли и, конечно, о том, что сейчас, стоит только стихнуть дождю, и она помчится на встречу со своим другом, которого не видела уже много-много лет.

И последний факт особенно воодушевлял.

И пугал, если честно.

Но разве могло что-то пойти не так?

Не могло же?..

Вот и вроде всё было хорошо...

На очищенные небесной водой улицы снова высыпала толпа горожан, зашумела, зарокотала штормовым морем, бурным горным потоком, лавиной и селью.

Толпа — тоже стихия, природное бедствие.

К Храму тоже спешили прохожие — скоро настанет пора вечерней службы, и многие ремесленники и торговцы могли позволить себе посетить только её.

Но Эше не было дела до этой толпы.

Её интересовал один конкретный человек.

Тот человек, чей сокол недавно сумел разыскать её среди этого громадного города, и доставить послание от дорогого друга. От того отражения, эха, зыбкой дымки прошлого, что снова не желало её отпускать.

Но они оба отринули прошлое, оба кардинально поменяли свою жизнь и дороги назад им не было.

Они были так похожи...

Они были такими разными.

Эша увидела его стоящим возле фонтана, украшавшего центр площади перед храмом. Резные фигуры казались живыми, словно бы мраморные духи воды сейчас закружатся, захохочут счастливо и заливи́сто.

Но это были лишь статуи.

Но, раньше бледный как эти самые статуи, Рик сейчас был загорел, а волосы его оказались выбелены светом Очей. Тем сильнее это было подчеркнуто безупречной белизной его рубашки — непривычно видеть цвета Юга на человеке, посвятившего себя Алому Дракону, носившему всегда черные доспехи и плащ.

Она видела его после вступления в ряды Всадников лишь однажды, совсем случайно — Рик тогда прибыл в Диорен в качестве сопровождения младшей принцессы и они совершенно случайно пересеклись здесь же, возле этого фонтана...

Больше пяти лет с тех прошло.

Так мало...

Так много.

Целая вечность, наверное.

И, наконец, Рик тоже её заметил — его измождённое, повзрослевшее лицо озарилось улыбкой. Эша заметила новый шрам, уже побледневший, что рассекал левую бровь и доходил до середины щеки — наверное, только чудом не был задет глаз!

Глазная повязка Рику бы вряд ли пошла.

А вот белый — к лицу.

Даже уставшим и явно недосыпавшим, в нём он выглядел намного живее, чем прежних доспехах. Да и распущенные волосы заместо привычного тугого пучка — очень правильное решение, от пучков очень сильно болела голова, и возможность помассировать её перед сном не стоила того.

— Похорошела, ты, соколёнок, на артельских-то харчах, — усмехнулся Рик, притягивая к себе Эшу для приветственного объятия. — Любит Диалори своих мастериц!

Неужто действительно она сейчас была краше, чем в отрочестве? Когда она была наряжена в расшитые золотом платья, раскрашена клановыми узорами.

Чем когда она была молодой госпожой.

Эша скривила губы.

— Мы себя тоже любим! — едко ответила она. — Зато ты осунулся. Говорили, ты погиб.

Рик тоже поморщился — явно неприятная для него тема. Но ей необходимо было узнать, что же произошло на самом деле, что приключилось с её дорогим другом, которого она уже успела похоронить и оплакать.

— Мало ли что говорили... — неопределённо махнул Рик рукой, опираясь на каменный бортик фонтана.

Как бы не упал в воду — она хоть и чистая, да мокрым по городу идти — мало удовольствия. Хотя, он же сайши — высушился бы.

Может тогда самой его в воду столкнуть?

— А ещё — что тебя сослали на юг за какую-то твою выходку, — прищурилась Эша, просчитывая, как бы и Рика за его увиливания в воду окунуть, и самой в ней не оказаться, — и теперь ты не Всадник, а обычный гвардеец.

— А в этом уже больше правды.

Вот значит как?

Сбежал из дома, подговорил на то же её брата, единственного защитника в отчем доме, бросил её наедине в этой чудовищной невыносимости, и всё ради чего?

Чтобы отказаться от всего, ради чего было принесено столько жертв?

Рик, ты идиот?

— И ради чего ты оставил мечту? — дипломатичнее, чем в своих мыслях спросила Эша.

— Ради правды.

Исчерпывающе.

— И стоила она того?

— Да.

Эша внимательно посмотрела в глаза другу.

Что-то потухло в нём.

Что-то, что горело столько лет, что вело его вперед сквозь боль, кровь и слезы сквозь насмешки и чужое неприятие, сквозь презрение и ненависть высокородных...

Это «что-то» когда-то отобрало у неё брата.

И самого Рика.

Теперь этого нет.

Серые его глаза, полные пепла.

Пустые.

— Рик... Что произошло? — спросила она уже абсолютно серьёзно, отбросив былую дурашливость — она тут была излишней.

— Это... Это было ужасно, соколёнок. Бесчеловечно.

Вот оно что... Надломленным был её друг, потерянным.

Разочаровавшимся.

А ведь она предупреждала!

— Мы — не люди.

— Но я-то человек! — в стальных глазах Рика зажглось что-то тёмное, что-то яростное, болезненное, незащитное. — И... Мои ребята по приказу Владыки сожгли дотла один из древнейших городов империи вместе со всем его населением, вместе с детьми, стариками, женщинами... Невинных — вместе с мятежниками! — он говорил, и было видно, как сильно её друг изменился с момента их последней встречи, как повзрослел, как... устал. — Ладно степняки — им воздалось за их же грехи, но... Но своих-то за что?

Эша слышала про резню в Хэлиссе, мало кто не слышал о подлости бесчестных степняков, но... Но о том, что в сожжённом городе были живые люди, не только зараженные неведомой чумой и обезображенные ею же трупы, она не знала.

И не должна была знать, вероятно.

Никто не должен.

Наверняка ведь секрет это.

Как же сильно Рик подставляется, выбалтывая ей государственную тайну, да и её подставлял, глупец! Неужели не понимает, что не для лишних ушей эти слова!

— Кошмар...

Кажется её милый друг принял эту реплику на счет своих высказываний, а не её, Эши, мыслей.

— Ну и высказал я это своё мнение в лицо Его Королевского Величества.

Нет, действительно идиот.

Не умеет промолчать.

Как только жив до сих пор остался-то?!

— И ты до сих пор жив?!

Рик тут же стушевался, погас.

Действительно, мутная там история кроется, точно.

Страшная.

— Как я понял — жизнью я обязан заступничеству Наследника. Так, высекли, — губы

Рика украсила полуулыбка. — В первый раз что ли?

Высекли...

Дисциплинарное наказание для сайши, как для способных переносить почти любую боль, точно не ограничилось бы парой тростинок, как в их детстве.

Его же насмерть запороть могли!

Он же человек, не шесс'ен!

Истек бы кровью, и всё, прах по ветру, имена на Стену!

Как же близка она была к тому, чтобы действительно потерять своего друга... Не просто так она его оплакивала — он действительно прошёлся по самой грани, и только его почти сверхъестественная удача помогла ему выбраться невредимым и на этот раз.

Или не невредимым?

Что он ещё скрывал?

Из-за чего она его-таки похоронит?!

Эша обхватила лицо друга, заставила его наклониться, посмотреть ей прямо в глаза, чтобы понял, осознал, вбил в свою бестолковую голову, что были под этим небом те, кому он дорог был, что были те, кто за него боялся и переживал. Что нельзя так глупо рисковать собой ни за что! Страшное случилось — но это не повод отдавать собственную жизнь, всё равно ведь не сумеешь ничего изменить!

— Боевой кнут и простые розги — не одно и то же, Рик, — сказала она медленно и тихо, прошипела даже, оскалив свои клыки — *шесс'ен она или кто, всё-таки?* — Почему ты вечно нарываешься на неприятности, что в детстве, что сейчас — не можешь жить спокойно?

А он действительно смотрел ей в глаза.

Молча смотрел, долго.

Странно.

— Как ты? — сказал он, наконец, сбивая с толку Эшу, порождая страшную догадку — он понял. — Спокойно тебе живется?

— Рик...

Нет, ну не мог же он действительно всё понять? Не по глазам же?

Или... прикосновение?

Энергию её считал?

Зачем?!

— Судя по тому, что я не вижу рядом озарённого улыбкой молодого господина, ты-таки влипла в историю.

Каждое его слово било в цель.

Неотвратимо.

Да — влипла.

Да — страшно.

Но она не любила думать про это, не хотела вспоминать о собственной беспомощности, об отвращении к самой себе, о ненависти ко всему миру, о желании сжечь собственную кожу, содрать её с себя, омыть себя, обнажённое мясо, чистой родниковой водой.

— Мне кажется, это всё-таки не твоё дело, — предприняла она последнюю попытку защитить свои тайны.

Рик упрямо сжал губы.

— А мне кажется — моё, — его слова были тихими, но тяжёлыми, словно камни падали. — Тебя обидели, а после твоего отречения от фамилии у тебя не осталось братьев, способных тебя защитить. Кто, если не я, Эша?

Действительно — *кто*?

Некому.

А сама она себя не защитила.

— Это бессмысленно, — сдалась Эша. — Его не наказать.

— Неужто сам король?

— Королевич.

Взгляд Рика ей не понравился. Не убить же принца он задумал? Это не критика приказа Владыки — за покушение на наследника ему головы точно не сносить.

— Старший, стало быть... — оскалился её друг со странной, незнакомой жестокостью. — Ну так ведь ваша артель под покровительством Диалори — обратись к ней за справедливостью!

— Как ты себе это представляешь?

Рик не ответил.

Ну вот и что он задумал?!

— Сколько ты ещё будешь в городе? — сменила она тему.

— Как распорядится милорд, — последовал флегматичный ответ. — А так запланирована ещё седмица. Так что ещё непременно встретимся.

Помолчали.

— Не расскажешь, зачем Наследник Юга прибыл в Диорен?

— Не моя тайна, соколёнок.

— Да, прости.

— Ничего, — Рик наконец-то улыбался, — ты всегда страдала из-за своего неуёмного любопытства...

Ах, так?!

— Ну почему сразу «страдала»?! — возмутилась Эша. — Я, может, им наслаждалась! И наслаждаюсь.

— Тем тебе лучше.

— И всё же тебе с распущенными волосами лучше.

— Что, прости?

— Прощаю. Говорю — не убирай волосы в пучок, тебе и так хорошо.

— Ну если ты так сказала...

— Рик!

Глава 17. Мия Талэ

Как я уже говорила — я не только студентка, но и преподаватель по образованию, так что в честь очередного профессионального праздника — внеочередная глава)

С днем учителя меня!

— Ваше Королевские Величество, Главный Дознаватель Рес прибыл для доклада, — произнёс гвардеец, обращаясь к своей госпоже, расположившейся за рабочим столом.

— Пусть заходит.

Раздавшийся в ответ голос был усталым, чуть хриплым, низким.

Первая мысль, которая могла бы возникнуть у стороннего наблюдателя при взгляде на эту женщину — её нельзя было назвать красавицей. Быть может, будь она беззаботной дворянской дочкой, это впечатление сглаживалось бы, но... Мнимая юность, тщетно пытавшаяся смягчить облик, не могла бы обмануть внимательный взор. Черты лица женщины были острыми, жесткими, более походившими на мужские, чем на девичьи. Залегшие под глазами тени и нахмуренные брови создавали образ столь строгий, что даже игривые веснушки не могли его разбить или разбавить.

Сейчас женщина раздраженно прикрыла глаза, но ярко сиявшая голубым цветом радужка всё равно выдавала в ней очень сильную сайши, чье могущество, не находя иных выходов, кроме поддержания молодости тела, отражалось ещё и таким образом.

Свет из окна создавал красивые блики на длинных вьющихся волосах женщины. С определенного ракурса и при определенном освещении, они даже могли показаться огненно-рыжими, совсем как у Её Императорского Величества.

Простые с виду одежды женщины при ближайшем рассмотрении оказывались изготовленными из материалов самого лучшего качества, а минимум украшений, вернее, их полное отсутствие, за исключением того, что было закреплено в волосах и обозначало статус, только подчеркивал строгость образа.

Если собрать все детали портрета воедино, знающему человеку было не трудно узнать ту, кого в народе почтительно прозвали *Диалори* — единственную сестру Его Императорского Величества, Мию Талэ, фактическую хозяйку Диорена и всех Восточных Земель, Королеву Умэ-Дио.

Если конечно забыть о Королеве-Матери Заней.

— Госпожа, — показавшись в дверном проёме, Ланьи Рес, Главный Дознаватель Умэ-Дио, подчиняющийся лично своей королеве, согнулся в почтительном приветственном поклоне.

Мия же ограничилась лишь кивком.

Массивные двери кабинета бесшумно закрылись за спиной лорда Рес, и, конечно же, по ту их сторону гвардейцы замерли статуями самим себе, готовые отразить любую угрозу своей повелительнице.

— Докладывайте, Рес.

Ланьи был единственным сыном Лирен Рес, одной из тех девяти адептов, что ушли из Тау-Ри-Эвен вслед за Араном, выбрав служение ему своим жизненным путём...

Мия помнила этого человека ещё ребенком.

Он буквально вырос у неё на глазах...

Чтобы стать приемником своей матери.

Лирен была самой близкой подругой, наставницей, почти сестрой для Мии. И когда ей пришлось для того, чтобы подчинить коварных Шисэ императорской власти, выйти замуж за Вейли, Лирен последовала вместе с ней на Восток.

Конечно, у Дома Шисэ, древнего и могущественного, богатейшего из королевских семей А'Ксаана, были и собственные гвардейцы, и стража, и шпионы повсюду... Заней не стоило недооценивать — старая паучиха, ровесница Мии, держала за глотки всё дворянство Востока и правила от лица сына железной рукой.

Благо хоть во внутренние дела королевства, вотчину Мии, она не совалась.

Не мешала делать жизнь народа проще и лучше.

Не вмешивалась в вопросы Храмов и сайши, которой она не являлась и в чем искусстве она мало что понимала.

Пока Заней играла в большую политику — Мия служила на благо своих подданных.

Но с самого начала Лирен была рядом с ней, служила опорой и поддержкой, коей никогда не сумел бы стать её мальчишка-муж, что был младше её на целую жизнь.

Мия прекрасно понимала причины неприязни Вейли в свою сторону — его мать решила за него его судьбу, когда он был ещё младенцем. Конечно, это было крайней мерой, последним вариантом династического брака между Талэ и Шисэ. Сначала Заней стала вдовствующей королевой, не без помощи Арана, что позволило ей бесстыдно предлагать себя её брату второй женой.

И это при беременной Сатин!

Аран тогда чуть не убил нахалку, посмевающую усомниться в его верности супруге.

Тогда она сделала вторую попытку — но Руни принёс обед безбрачия, да и кровным Талэ он не был, Магни был уже женат на принцессе из дома Эзаши, и правил недавно подчинившимся императору Югом, а больше мужчин в их Доме не было.

Возможность брака с кем-то из ближнего круга Арана даже не рассматривалась.

Последним вариантом был брак между новорожденным Вэйли и ребенком Арана и Сатин, когда тот появится на свет, но родился мальчик, и все отчаялись.

Потому что ультиматум Заней был четок и ясен — Восток присоединится к империи только после брака Шисэ и Талэ.

И тогда ей, единственной кровной женщине Дома Талэ пришлось взять на себя эту ношу — назваться невестой младенцу.

Чтобы спустя больше пятнадцати лет принести с ним в Храме Дженел брачные клятвы и навсегда связать жизнь с ненавидящим её мальчишкой, что годился ей в сыновья. Да и во внуки, в принципе. И никакая подаренная магией вечная молодость не спасала — на её фоне Вейли всегда выглядел жалко, как хромой щенок рядом с волкодавом.

Им она и была.

Волкодавом, что уничтожал врагов империи.

Внутренних врагов — для внешних были её братья...

...Но врагов оказалось ещё больше, чем она предполагала.

Её личных врагов.

Она оказалась навязанной женой всеми любимого молодого короля, неизвестной и чужой для народа востока. Она, была лишь сестрой захватчика, чужеземкой, *для дишен — ненастоящей шесс'ен, для людей — слишком шесс'ен.*

И многие годы ушли на то, чтобы исправить это.

Все эти годы она трудилась на благо своего королевства, и это принесло свои плоды — население прекрасно понимало что к чему, несмотря на попытки некоторых Шисэ исказить факты.

Но без Лирен всё было бы намного сложнее...

А то и вовсе невозможно.

Она организовала для Мии её собственную гвардию и тайные службы, благодаря которым её деятельность стала намного эффективнее, а надоедливые идиоты, жаждавшие её смерти или были найдены и уничтожены или опасались идти на конфликт, чтобы не столкнуться с подопечными Лирен.

Она их учила на совесть.

Безжалостная к врагам и преступникам, бесконечно преданная дому Талэ и лично Мие, она была её карающей дланью. Бывали вопросы, в которых грубая сила только вредила, Аран так и не сумел это уяснить в должной мере, но Мия прекрасно понимала подобное — и не брезговала ни шпионскими донесениями, ни шантажом, ни тайными убийствами неугодных.

Всё ради Умэ-Дио.

Всё ради Империи.

...Ланьи — сын своей матери. Достойный продолжатель её дела.

Почти ещё один её племянник...

— Ранее полученные моими агентами данные подтвердились — в ткацких мастерских княжны Кейн используется рабский труд, — Ланьи говорил спокойно, но в глубине его глаз Мия видела пламя негодования — работорговлю на подведомственных им территориях все Рес воспринимали как личное оскорбление. — Сама же Джайна Кэйн, вопреки первоначальным нашим предположениям, не просто в курсе всего происходящего, но и сама всё организовала.

А вот это плохо.

За продажу и покупку рабов по всей империи была одна мера наказания — смертная казнь.

Джайна, несомненно повинная во всех своих грехах, тем не менее, оставалась ледианской княжной, и её смерть будет означать конфликт с Расери.

Стоит только появиться даже намеку на угрозу в сторону Благородных Семей его государства, на чьей поддержке и зиждилась ныне вся его власть, Король дома Расери тут же вступится за них, и всеми правдами и неправдами выставит виноватым именно своего оппонента.

В какой-то степени Мия даже была этим восхищена — настолько переворачивать всё, выставлять чёрное за белое ещё уметь надо, как и манипулировать общественным мнением...

Умри Джайна, и Хайсен Расери чисто из вредности может ей припомнить, как идиот Риен, избалованный, испорченный властью мальчишка, оскорблял его, Хайсена, дочь.

И плевать было бы всем и вся, что лед'ен женщин за личностей не считают.

И певать было бы всем, что он сам свою семнадцатую дочь отправил в монастырь, где ей просто посчастливилось познакомиться с сестрой своего будущего супруга — заслуги Хайсена в том не было никакой. Ола стала частью семьи Талэ почти случайно, и от отца и его страны у неё остались лишь некогда гремевшая на все миры фамилия...

...И всё-таки что-то не сходилось.

Пять сотен рабов, тем более незаконно ввезённых на территорию империи — это очень

и очень дорого. Откуда у беглой княжны, практически изгнанной собственным отцом, такие деньги? Это теперь её мастерские поставляли ткань многим знатым семьям империи, её шёлк считался одним из лучших, но десять лет назад она прибыла в Диорен с пустыми руками.

— Решила сэкономить на достойной оплате труда ткачей, но вместо этого купила полтысячи рабов? — продолжила размышлять вслух Мия. — И это я думала, что княжна умна.

— Не совсем верно, госпожа, — Ланьи на мгновение сжал губы в отвращении, ничем более не выдавая своего отношения к княжне. — Эти невольники в рамках законов Расери принадлежат ей по праву, так как являются подарком её брата.

Брата...

Брат княжны.

Князь Джейри Кэйн, ставший главой семейства после скоропостижной смерти своего отца и всех его братьев — кажется прямо-таки неведомая чума выкосила цвет конкретного семейства ледианского дворянства.

— Брата, которому она помогла в убийстве их отца и фактически привела Джейри к власти над княжеством... — продолжила мысль гвардейца Мия. — Теперь всё сходится — благодарный брат обеспечил сестре достойное существование в тех землях где к женщинам относятся с уважением и почтением...

— И при этом помог ей организовать прибыльное дело, чтобы сестра за считанные годы стала одной из богатейших женщин Умэ-Дио, при этом не являющейся дочерью, женой или сестрой главы одного из Великих Кланов.

— Занято... — Мия отбивала пальцами по столешнице незамысловатый ритм, выдавая этим своё раздражение. — Почему вы об этом не узнали раньше и не пресекли преступные действия княжны? Не скажете мне, Рес, почему именно сейчас? Или вы не справляетесь с возложенными на вас обязанностями?

Ланьи прекрасно знал что это всё пустое — он великолепный специалист, и делал всё что было в его силах, но даже их, как показала практика, порою было недостаточно.

Но профилактическое внушение ещё никому не мешало.

— На всё ваша воля, Диалори, но в своё оправдание могу лишь сказать, что у Кэйн есть покровители среди Шисэ, которые и прикрывали её деятельность.

Что?!

Покровитель?

Мия глубоко вздохнула, возвращая себе самообладание. Этого только не хватало... Только всё начинало налаживаться — так проклятые Шисэ опять что-то вытворяли.

Ну сколько можно то?!

У них совесть вообще есть?!

Впрочем, это риторический вопрос.

И глупый.

— Вы выяснили, кто именно?

Внезапно маска бесстрастности на лице Ланьи разбилась, и что-то уязвимое, что-то виноватое проскользнуло по нему тенью.

— Госпожа...

Вина...

Вина.

Перед кем он виноват? Перед ней, Мией? Его личная вина может быть только если это кто-то из его подопечных, что совершенно невозможно, либо кто-то, непосредственно связанный лично с ней, либо кто-то, кто был вне её власти, и тогда получается, что ему приходилось нести плохие вести.

Где-то и поныне гонцам, сообщавшим дурные вести, отрубали голову.

— Понятно, — Мия прикрыла глаза.

— Моя госпожа...

— Заней?

— Да, это Королева-Мать.

— Ясно.

— И, госпожа...

— Что-то ещё?

— Операция по зачистке сети работорговцев прошла штатно, верхушка преступников арестована, всё готовится для их показательной казни. На удивление, в сети никто из лордов не замешан.

Хоть что-то хорошее.

— Главы кланов слишком боятся навлечь на себя гнев моего брата, и не беспочвенно. Аран воспринимает рабство как покушение на собственную власть, а это он не терпит и карает за подобное безжалостно.

— Нашими руками...

— Разве не в этом задача гвардейцев? Защита королевской семьи, её интересов и интересов государства.

— У некоторых возникают вопросы — почему интересы королевства и интересы Шисэ есть суть разные вещи.

— Больше муштруйте своих подчинённых, Рес, чтобы не задавали глупых вопросов. Шисэ плевать хотели на королевство и его благополучие, их беспокоит только собственная нажива и власть. Я больше полувека искореняю работорговлю, но эта зараза всё ещё отравляет нашу прекрасную родину. Раз не получилось справиться нежной припаркой — выжигайте калёным железом. Если в дальнейшем вмешательство дворянской поросли, возомнившей себя самой умной, подтвердится — никого не жалеть.

— Будет исполнено, госпожа! И ещё... Произошло кое-что непредвиденное.

Ну что опять?

Мия устало воззрилась на Ланьи, ожидая подробностей.

— Группа расерийских торговцев были задержаны в порту на досмотре, в их трюмах были обнаружены несколько десятков рабов. Торговцы арестованы, однако их причастность к зачищенной сети не подтвердилась, те действовали гораздо тоньше и потому столь долго оставались непоиманными. Эти же... Они искренне не понимают, за что задержаны, заявляют что все документы у них в порядке. Они требуют аудиенции с вами.

Странно...

Слишком уж неадекватно-смелое поведение.

Торгаши обычно ведут себя подобным образом только будучи уверенными в своей силе и безнаказанности, медом растекаясь перед властью имущими.

— Грифы с ними работали?

— Ещё нет. Но тот факт, что над их разумом хорошо поработали, не вызывает сомнений.

— Что же... — Мия усмехнулась. — Многовато хотят наши расерийские гости. Многовато от них проблем в последнее время, прямо-таки нехорошие мысли закрадываются... Что-то ещё?

— На этом всё, госпожа.

— Свободен.

«Как же вы все мне надоели!» — с досадой подумала Мия, стоило двери закрыться за вышедшим Ланьи. Женщина зажмурила глаза, коснулась пальцами висков — их прострелило болью.

В последнее время это стало даже слишком частым явлением...

Непорядок.

Но, увы — никто за неё эту работу не сделает. Не Вейли же, в самом деле? Даже звучало смешно.

Значит — терпеть.

Что ей ещё оставалось...

Встав из-за стола, Мия неспешно отправилась на прочь из кабинета.

Идея прогуляться и освежить голову казалась как никогда привлекательной — от бесчисленных строчек документов рябило в глазах, от невеселых мыслей голова болела всё сильнее, вызывая ещё большую волну раздражения, недовольства и размышлений с этим связанных.

Замкнутый круг, однако.

Незримыми тенями гвардейцы следовали за своей госпожой, на достаточном расстоянии чтобы не казаться назойливыми, но на достаточном, чтобы предотвратить угрозу.

Преодолев несколько коридоров, Мия, наконец, вышла на террасу.

Отсюда открывался потрясающий вид на сад — зодчие расстарались при постройке поместья.

Формально, оно было её свадебным подарком — собственная усадьба, огромная территория вокруг, всё по традициям дишен. Особенно это смешно в свете того, что последние семнадцать поколений Дома Шисэ к шесс'ен отношения не имели, являясь уже давно чистокровными людьми.

Фактически же собственное поместье, со своими слугами, гвардией, тайной службой и всем прочим, что причиталось Королеве-Консорту, было не более чем жестом в сторону двери — дважды став матерью наследников, Мия так и не стала частью семьи.

Да и детей у неё забирали сразу же после рождения, а она и была не в силах этому противиться, а потому с новым рвением возвращалась к работе. К тому единственному, что у неё было.

Она была Диалори, Владычицей Востока, но не была хозяйкой в собственном доме. В том доме, который должен был быть её...

Она создала свой.

И ей в нём было хорошо.

Наверное...

Сад же уже давно отцвел.

Очаровательные синие лепестки осыпались, улетели, подхваченные ветром, чтобы цветы начали превращаться в созревающие ягоды, из которых потом её слуги сделают тёмно-

синее, почти черное вино, которым она любила угощать своих братьев, хотя по-настоящему ценителем из них был только её близнец.

Впрочем, это было и не удивительно — Магни всегда был таким...

Стоило ей подумать о брате, улыбка озарила лицо Мии, делая её словно бы моложе, скрадывая производимый усталостью эффект.

Этот сад — её каприз.

Воплощение детской мечты.

Климат Вольных Островов был суровым, сравнимым с северными землями Умэ-Цаали. В тех условиях даже простая клумба казалась чем-то невероятно дорогим, непозволительной роскошью.

Вероятно именно поэтому цишен так дорожат своим шие-си — цветком, распускающимся на костях драконов, даже в самых холодных землях, согреваемым остаточной магией погибших величественных созданий.

Но на Вольных Островах шие-си не рос, да и вообще любые растения цвели совсем недолго и относительно пышных южных садов казались скучными, блёклыми, хотя в этом была своя особенная прелесть.

Конечно, в Ианэ было мало того, что невозможно было воплотить, особенно вложив в это много денег.

Однако её отец предпочитал тратить эти средства на вооружение и укрепление клана, а не на такую малость, которая могла подарить улыбку его жене и дочери. Благополучие своего народа — хорошо.

Но благополучие в семье... оно ведь бесценно.

До встречи с Араном она и не подозревала, что оно возможно.

Как жаль, что эта семья не включала в себя её мать...

На самом деле, любовь к цветам — последнее, что осталось у Мии от матери.

Последняя ниточка.

Мия никогда не забудет, как она, тогда ещё совсем девчонка, которой не было и десяти лет, сбегала со своих горячо любимых тренировок, чтобы просто погулять с матерью по лесу — только там можно было найти дикие цветы.

Невзрачные и простые, они казались самым прекрасным, что было на этом свете.

...Нежная улыбка, так и не сошедшая с губ Мии, стала печальной.

Деревья отбрасывали причудливые тени, но сквозь их листву пробивались озорные лучи, касавшиеся сочной травы. Аккуратные тропинки, причудливо пересекавшие весь сад, привели женщину к небольшому пруду, посреди которого расположилась изящная беседка.

Благодаря близости воды воздух был влажным, и зной становился всё более ощутимым, хотя уже вечерело и, казалось бы, жара должна была идти на спад.

...Внезапно Мия обнаружила себя в той самой беседке. Она и сама не заметила, как дошла сюда...

С нежностью проведя по вьюнку, целеустремленно тянувшемуся по резному столбику вверх, к небу, к свету, Мия села на скамейку и вздохнула.

— Погляди, мама... Все эти цветы — тебе. Всё это — твоё, — практически беззвучно прошептала женщина, сама не замечая, как чуть покраснели её глаза, словно бы намек на непролитые когда-то давно слёзы. — Жаль, ты не можешь прийти сюда и этим полюбоваться... Посмотреть, к чему привёл нас сделанный тогда выбор.

Инга Олэй всегда мечтала о своей собственной усадьбе, о разбитых перед ней саду и

пруду с водными лилиями, которые теперь украшали отражавшую золотое небо водную гладь.

Она мечтала оказаться подальше от ненавистного мужа, в собственном доме, где никто не мог потревожить её покой.

Это была невероятно сильная, но сломленная своим супругом, потерявшая сама себя женщина.

Давно мёртвая женщина.

Прожившая долгую и счастливую жизнь, вышедшая в итоге замуж за любимого человека и состарившаяся вместе с ним, успевшая понянчить внуков и правнуков, так и не увидевшая детей своей дочери, так и не узнавшая об ужасной гибели детей и обеих жён её старшего сына.

И похоронена Инга была рядом с любимым ею человеком, за несколько лет до потрясшей Магни трагедии.

Может, оно и к лучшему.

Матушка в юности хлебнула горя — к чему ей была новая скорбь на свои седины?

А Мия так ни разу не побывала на их могиле.

— Я скучаю, мама.

Она всё ещё улыбалась.

— Мне так жаль, что всё так сложилось.

«Мне невообразимо жаль, что я не жалею ни о чём. И окажись я в прошлом — повторила бы всё с точностью.

Мне жаль, что я не спасла тебя, хотя могла это сделать.

Мне жаль, что это сделал другой человек.

Мне жаль, что это не я отомстила за все твои обиды, что не я убила твоего мучителя, но, думаю, восстановленная руками твоего пасынка справедливость таковой всё ещё остаётся.

Мне жаль, что в нас с братом нет ни одной твоей черты.

Мне жаль, что отец, чтобы сломить твою непокорность, уничтожил весь твой клан.

Мне жаль, что тебя почти насильно выдали замуж за человека, который был почти в два раза старше тебя.

Мне жаль, что мы с братом тоже стали причиной твоих страданий. В том числе из-за нашего решения отречься от отца и его клана.

Мне жаль, что ты потеряла своих детей, что юные Мия и Магни Олэй канули в небытие навсегда.

Мне жаль, что я не жалею, что выбрала Арана.

Наш брат не был ошибкой.

Но ты об этом так и не узнала...»

Мия вглядывалась в собственное отражение, но находила там только всё те же веснушки, всё те же каштановые вьющиеся волосы и не по-женски острые черты лица.

В детстве ей говорили, что они с её близнецом действительно неотличимы друг от друга, только цвет глаз различался. О том, сколь они оба были похожи на своего старшего брата, якобы погибшего, все молчали, но, тем не менее, это подразумевалось.

Но теперь в собственном лице королева видела только своего отца.

Внешне они были похожи.

Его волосы, его овал лица, разрез глаз и форма губ.

Внутренне...

Судьба её, по итогу, оказалась отражением судьбы ей матери. Но Инга лишилась детей, когда те добровольно выбрали собственного старшего брата, а она, Мия...

Были ли у неё её дети?

Те, кто выросли... её ли это кровь? Нет в них ничего от неё.

Ничего.

Как в них с Магни — ничего от матери.

Всё наследие её матери было в их с Магни самом младшем брате, но... О Викаре не говорили. Вакар не был Талэ — его усыновил новый муж Инги. А может он и был настоящим отцом мальчика — кто теперь мог утверждать с уверенностью о делах минувших лет?

Викар остался на Леде, на Вольных Островах.

Викар стал наследником, а потом и правителем другого народа.

Викар был человеком.

Викар давно умер.

Глава 18. Мия Талэ

Леан был человеком.

Ему не досталась фамильная черта всех Шисэ — выбеленные Очами волосы, густые, прямые, послушные, похожие на шелковое полотнище. Вместо него — каштановые волны, ниспадавшие на плечи каскадом, совсем как у неё. Лишь позолоченная светилами же кожа, загорелая, смуглая, совсем как у шесс'ен. Последнее, что у королевского дома Востока осталось от драконьего народа...

Глаза его, ореховые, цепкие, внимательные, тоже достались ему от отца.

Леан, сын Мии, сын шесс'ен, был *человеком*.

И если бы она не позволила шавкам королевы-матери отобрать у неё ребёнка, вытравить из него её кровь, её наследие, её силу, то он был бы *жив*.

То, что сломало бы человека, то что уничтожило бы человека, было шесс'ен нипочем.

Но Леан был человеком.

Леан был мёртв.

Кожа его теперь, в полумраке Белого Храма, где проходили заупокойные богослужения, была бледной и холодной, серой.

Уже никогда ей не наполниться теплом и жизнью.

Для Мии смерть — это запах крови, гнилой плоти, разорванных кишок и гари.

Это витающий в воздухе пепел и темная энергия несогласных с прекращением своего физического существования душ — их нужно было упокаивать, отправляя на перерождение, или развеивать, если первый вариант не представлялся возможным.

Смерть — это разложение.

Из земли вышедшее — в землю вернётся.

Всех их боги слепили из глины...

Но её сына тлен не тронул.

Омытый бальзамами и ароматными маслами, он казался цветочным духом, блаженно заснувшим под сенью храма. Серые Сёстры убрали внутренности, заменив их цветами и мешочками с специальными травяными сборами — чтобы народ успел попрощаться со своим принцем.

Со своим любимым королевичем...

Самым честным, светлым и справедливым из всех Шисэ, как оказалось.

Но ему судьбой не было уготовано встать во главе Востока — теперь уже точно. Не старший брат и отец препятствием ему были — только собственная смерть.

...Вообще-то процесс бальзамирования был сакральным, и Серые Сёстры обычно строго запрещали при нём присутствовать посторонним, но... Но даже они, неподкупные, равнодушные к мирскому жрицы Саинэ, не смогли отказать своей Диалори, безутешной скорбящей матери, и тайно провели в храм.

И она видела всё.

Она хотела в последний раз ... или в первый?.. увидеть его настоящего.

Но отведённое им время подходило к концу — Серые Сёстры уже зашили сделанный для извлечения органов разрез, одели *тело её сына* в богато расшитый золотой нитью белый саван. Они уже покрывали равнодушное лицо ритуальным гримом — последний этап

подготовки.

Если бы не грим, казалось бы, что её мальчик спал.

Взгляд навсегда закрытых глаз был пустым, направленным в вечность.

Только вечность ему и осталась.

Мия знала такой взгляд — сказывалась проведённая в войнах юность, не раз ей доводилось бывать на поле боя и закрывать глаза своим товарищам. Хоронить их в братских могилах, строить им курганы.

Стоило бы привыкнуть.

Но привыкнуть *не получалось*.

Грудь Леана не вздымалась, наполняя лёгкие воздухом, не билось юное сердце, пылавшее совсем недавно праведной жаждой справедливости для всего королевства, ненавистью к той злобной паучихе, что отравляла всем жизнь, что заботилась лишь о себе и своих дочерях...

Леан был мёртв.

Мёртв...

Мёртв.

Мёртв!

Её дорогой сын, её милый младший сын был мёртв.

Мия присутствовала при вскрытии, она наблюдала бальзамирование и видела не бьющееся сердце сына на блюде — его переложат потом с остальными органами в специальный мерочек и тоже отправят в погребальный костёр, но позже.

...Она видела всё.

Но не могла поверить.

Не могла.

Не могла...

Не могла простить.

Не могла оставить сына неотмщённым.

Поверь, Леан, твоя мать тебе клялась — она уничтожит погубившую тебя паучиху, растопчет её, низвергнет, заставит испытать наивысшую степень отчаянья.

Или она не сестра Владыки.

За несколько дней до

Сухие строчки отчета уже плыли перед глазами. Мелкие аккуратные буквы разлетались потревоженными птицами в стороны, капризно не желали обратно складываться в слова.

Впрочем, это уже не имело значения — доклад она перечитывала в третий раз, и с его содержанием была прекрасно ознакомлена.

А то, что его суть не изменялась от раза к разу — ну так чудеса бывали в этом мире излишне редко.

Свой лимит чудес она давно исчерпала.

Умом Мия прекрасно понимала — она никак не могла изменить всё то, что сделало Леана таким человеком.

Так-то она даже не давала ему имени, не сумела уберечь сына от влияния его дурной второй половины крови, подобрать ему подходящего покровителя из великих древних...

Она даже не смогла уберечь в нём своё собственное наследие — Шисэ успели провести над младенцем ритуал, закрепив в полукровке человеческое и изгнав всё то, что должно

было проявиться у шесс'ен.

Потому что Шисэ — люди.

Потому что Шисэ не нужны были сай'нел на троне.

Тем более — шесс'ен.

Тем более — Талэ.

И плевать этим извергам было на последствия, когда они уничтожали меридианы её новорожденного сына, когда они навсегда лишали его возможности стать сайши, прожить многие столетия... Ощутить всем своим существом этот бескрайний мир, каждую его частичку...

Стать этой частичкой.

Осознать себя этой частичкой...

Почему она не проявила должной настойчивости?

Почему не защитила своего сына?

Она ведь говорила с ним все те месяцы, что он рос и креп у неё под сердцем. Подбирала имя, гадала, на кого малыш будет похож...

В ней тогда ещё теплилась наивная надежда, что раз у Вейли уже был законнорождённый наследник, их старший сын, Риен, как две капли воды похожий на своего отца, то младшего оставят ей и позволят воспитать его самой. Что Заней смилуется, не станет отбирать у неё последнее...

Это теперь Мия понимала, насколько было глупо верить в это, но тогда была ещё слишком сильна боль от того, что у неё отобрали и первого сына.

Но Риен был необходимостью, долгом перед государством, гарантия стабильности и преемственности власти...

Леана она хотела сама.

Для себя.

Старший — долг, младший — *эгоизм*.

Самое страшное — в этом вопросе, в её противостоянии с Шисэ Аран никак не мог ей помочь. В любом конфликте, в любой ситуации для всех он будет всегда оставаться именно Владыкой, а не обеспокоенным или даже разгневанным старшим братом.

А вмешательства во внутренние дела клана или даже отдельной семьи — неприемлемы.

Ни для кого.

Никто не мог ей помочь.

Никто не мог даже сказать, как поступить, как взять себя в руки и не стать чудовищем, подобно собственному отцу.

Интересно, он так же ощущал себя, когда они с Магни сбежали к брату?

Такая же беспомощная злоба переполняла его, жгла изнутри, бурлила подобно кипящему котлу?

Так же он ненавидел себя за то что недоглядел, не упредил, не исправил всё тогда, когда это было ещё возможно...

Невыносимо было помнить пухлощёкого капризного младенца с каштановым пушком на голове, строптивного мальчишку, деятельного юношу, любознательного, хоть и немного избалованного, и при этом знать, что натворила взрослая версия этого человека.

Власть и вседозволенность развратили Леана, и пышным цветом в нём распустились алчность, непомерная амбициозность, готовность идти по головам к своим целям... Так думала Мия каждый раз, стоило ей пересечься с сыном на любом из официальных

мероприятий. Только там они и виделись.

Если читать доклад, представленный людьми Королевы-Матери в качестве доказательств вины её сына, то он действительно был таким — пропащим.

Жестоким, амбициозным, властолюбивым.

Истинным внуком Заней.

Её сын, согласно этому докладу, потакал беглым ледианским дворянам в восстановлении привычного им уклада жизни, помогал им провозить тысячами невольников в Диорен, заручался их поддержкой для того, чтобы организовать заговор против королевского дома и, уничтожив противников своего воцарения, легитимных правителя и его наследника, самому занять трон. И те, кто помог бы ему в этом начинании в дальнейшем стали бы его ближним кругом.

По крайней мере сами заговорщики в это верили, не подозревая, что им была уготована совершенно иная судьба.

Не зная, что всех их, нарушителей священного закона Владыки, ждала плаха.

Откуда в нём столько жестокости и коварства?

Готовность предать тех, кого он назвал своими товарищами?

Откуда в нём жажда крови родных ему людей? Ведь Леан действительно планировал расправиться с братом и отцом. И с бабушкой, с сестрами отца и их детьми. Со всеми их сторонниками...

Наверное, будь всё немного иначе, Мия поверила бы в содержание этого доклада.

Не будь у неё Лирен.

Но Лирен — была.

И Лирен предоставила собственный отчет — её сыном манипулировали, подталкивая его к непростительным ошибкам.

Не знал Леан, что даже его амбициозная борьба с паучихой, его Большая Игра, была срежиссирована Заней, просчитала ей до самого последнего хода.

И, когда Леан готовился нанести удар, Заней его опередила.

И нанесла свой.

Не знала Мия, арестовывая дворянскую поросль, замешанную в работорговле, что её руками Заней выкашивала сторонников заговорщика, что за сделанный ею ход паучиха сделает свой и ударит по последней оставшейся у неё слабости.

По сыну.

Она, дергая за ниточки, побудила внука создать заговор против себя, чтобы ей было за что избавиться от него, чтобы Мия и Вейли не могли спасти его. За государственную измену даже представителя королевской крови ждало одно наказание — смерть.

Леан был обречен.

Единственное, что могло его спасти — гибель самой Заней, но и это стало бы полумерой. Ведь на её стороны была вся аристократия Умэ-Дио, и Мия не смогла бы удержать власть, почтенные дишен её на дух не переносили, а сайши приносили клятву на верность в первую очередь своим лордам, потом кланам-покровителям, а потом королю.

Не королеве.

Их бы смели.

Неизбежно.

А Вейли, казалось, плевать было на сыновей, воспитанных Заней — он мог бы пойти на сотрудничество только ради того, чтобы подгадить матери.

Вот уж кто больше всех в этом мире, даже больше Мии и Леана ненавидел Заней.
Хоть что-то у них было общее...

Похороны Леана Шисэ

Лежавший на постаменте, скрестив руки, в роскошных одеждах, с золотом и цветами в волосах, Леан казался чем-то потусторонним.

Он и был.

Теперь — был.

Постамент утопал в цветах — каждый житель Диорена, пришедший проститься со своим принцем, приносил с собой белые букеты.

Казалось, снег укрыл теплым одеялом пол Храма.

Казалось, снег застыл в душах горожан.

Казалось, аромат цветов был удушающим, он заполнял собой лёгкие, и вместе с ним распускались в груди бутоны, перекрывая ход воздуху.

Казалось, горожане, в лишенных украшений белых траурных одеяниях, простоволосые, сами упадут у тела своего королевича сорванными цветами, так внезапно сильно было их горе.

С Леаном уходила их надежда на изменения.

Мия всё это видела.

Вейли видел.

И Заней — видела.

Лицо королевы-матери было бесстрастным, она даже не пыталась изобразить печаль или вежливое сожаление.

Но всё равно ей не было — каких сил, стало быть, стоило Паучихе не выказать торжество собственной победы. Промелькни оно хоть на миг в её глазах — и народ её разорвал бы.

В глубине души Мия молилась, чтобы дрянь не сдержалась.

Чтобы улыбнулась.

Чтобы выдала себя.

Погубила себя.

Но Заней лицом владела прекрасно и не спешила совершать такую простую, но фатальную ошибку.

Жаль...

Стоило последним лучам заходящих Очей скрыться за горизонтом, Храм опустел. Только семья усопшего осталась, да Серые Сёстры.

Желающие проводить похоронную процессию до фамильного склепа Шисэ горожане остались за стенами Храма, и были их тысячи — подобно лепесткам цветов на полу Храма, они усеивали площадь перед ним.

...А пока от негасимого пламени храмового очага зажегся погребальный костер.

Не горелой плотью — благовониями пахло уже нестерпимо.

Глаза повлажнели.

Или не потому?

Или просто Мия просто наконец позволила своему горю пролиться слезами?

Рыжее пламя пожирало своё подношение, плавало металл украшений, хрустело костями, навсегда отсекая возможность Мраку поднять её сына умертвием, сделать его ещё

одним чудовищем.

Это — просто тело.

Тело — мясо.

Тело — тлен.

Тело — глина, в которую Боги вложили душу и личность.

Душа, связанная, пойманная заупокойными богослужениями, уже отправилась на новый круг жизни, избегая чертоги Саинэ и её Белые Пустоши.

Личность... Не стать мятежному разуму её сына призраком — пламя очищало, упокаивало.

Уничтожало.

Уничтожало... улики.

Да, теперь уже Заней могла не скрывать собственного торжества.

Она знала, что Мия не позволила бы казнить сына и конце концов добилась бы просто его отречения и ссылки в монастырь, к Багровым Защитникам.

Стоило ли удивляться тому, что внезапно перенервничавшего королевича хватил удар и он стремительно скончался?

Доказать, что Заней убила Леана — невозможно.

Но Мие доказательств не нужно.

Ей было достаточно знания.

Мия раньше никогда не осознавала, насколько это циничное явление — поминальный пир.

Высокородные господа изволили напиваться и обжираться, порою даже забывая соорудить печальное лицо и завывать пожелания счастливого перерождения душе принца.

Никко среди этого безумия было явно некомфортно. Она больше всех иных детей Арана было похожа на него юного, пусть все этого предпочитали не замечать.

Никко, прибывшая в гости к своей тётушке, а попавшая на похороны двоюродного брата.

Никко, с отвращением и злобой смотревшая на Заней.

Никко, неприкосновенная для Паучихи.

Никко, что так прекрасно отвлекла королеву-мать и её дочерей собой, позволив Мие ускользнуть из дворца подальше в глубь парка — к свежему воздуху, к тишине.

За племянницу она не переживала, подавится ей Заней — младшая дочь Арана скорее сама сожрет всех этих аристократишек, и костей не оставит. Да и присматривали за своей принцессой гвардейцы, готовые уничтожить любую угрозу.

...А ночь была ясной.

Небеса, иссиня-черные, пронзённые яркими лучами звезд, что гроздьями созревшего винограда собирались и сияли, в глубине своей хранили багровый оттенок.

Внезапно Мия обнаружила, что не одна была в тиши парка.

— Старуха, кажется, совсем из ума выжила, — с тихой злостью сказал Вейли, присаживаясь на скамейку рядом с супругой.

Мия чувствовала взгляд гвардейцев, напряженных из-за присутствия постороннего — все Шисэ для них были таковыми. Но она жестом приказала не реагировать — здесь и сейчас Вейли не был ей врагом.

Она даже милостиво пропустила шпильку в собственную сторону — они с Зейной были

ровесницами.

Иная бы женщина обидела.

Она — не иная.

— Что-то грядёт.

— Кто бы сомневался.

Мальчик, неужели тебе настолько наплевать?

Мия оторвалась от созерцания звезд, повернулась к мужу, посмотрела на него и чуть не ахнула. Где тот лощенный молодой мужчина, купавшийся в роскоши и беспричинной народной любви? Где тот спесивый человечиска?

Нет, ему не плевать.

Ему тоже больно.

— Хочешь отомстить матери? — предложила она единственное, что могло ему помочь.

Но Вейли лишь печально усмехнулся в ответ.

— Да разве ж это в наших силах?

Неужели сдался?

Ты же всегда боролся, всегда делал всё на зло матери и сестрам, всегда находил в себе силы высокомерно улыбаться даже несмотря на внутренний крик и бессильную злобу.

Что же с тобой стало?

Когда это с тобой стало?

Что ещё она упустила?!

— А если я скажу что — *да?* — с внезапной яростью из-за его апатии вскинулась Мия. — Мы можем сделать кое-что, что спутает ей все карты! И станет началом её низложения.

Она обещала сыну.

Она уничтожит Заней.

Растопчет её.

— Третьего сына я с тобой делать не буду.

Очень смешно.

— Это и не потребуется. Старшенький сам решение подкинул.

— То есть?

— Внука нам организовал. Надо бы показать ему, что за свои поступки следует научиться брать ответственность.

Кажется Вейли эта идея сбила с толку — неужели он действительно не понимал масштабов того, что она предлагала?

— Мать не позволит Риена женить на простолюдинке, — покачал головой мальчишка, даже в почти пятьдесят — мальчишка. Ну ничего, Мия поможет отрастить тебе зубы, и именно ты станешь тем, кто перегрызёт твоей матери горло.

— Хорошо что у сына губа не дура, — неприязненно усмехнулась Мия, мысленно благодаря Богов за то, что не она воспитывала Риена и не ей отвечать за его проступки и грехи. — Девчонка — хелишен. Беглая младшая внучка лорда Ксерай, Наэшафи.

Глаза Вейли удивлённо расширились.

— Это же те самые Ксерай? С Запада?

— Именно. Девочка из очень знатного рода, ну а главное — чистокровная шесс'ен. Твоя мать будет кровью плевать только от одной мысли, что что-то из Шисэ будет темноволос и темноглаз, она же десятилетиями пестровата вашу человеческую кровь. Женить Риена на

Наэшафи — плюнуть в лицо Заней, но также это привлечет на нашу сторону дишен и элишен. А значит — и моего брата. Низвергнув власть людей, мы возьмём её в свои руки.

Наполнившийся надеждой взгляд Вейли сменился на полный подозрения.

— Это всё понятно... — протянул он, прищурившись. — Но мне какой интерес ввязываться в эту авантюру?

— А возможности подгадить Заней тебе недостаточно?

— Ну женишь ты сына, отберешь у него невестку и внука, воспитаешь наследника по своему усмотрению, и передашь ему власть, иль регентом при нём будешь. А меня и Риена — в расход. Не знаю я, что ли, как это делается?

Умный мальчик.

Она даже не станет лгать, что не рассматривала этот вариант.

Но — не в их ситуации.

— Не путай меня со своей матерью, Вейли. Если бы я была как Заней, то в возмездии своём первым делом я бы зеркально ответила ей, отобрав у неё младшего сына. А вместо этого я пытаюсь помочь его настоящему, а не чисто формальному воцарению.

— Ты думаешь, что я поверю, будто ты не попытаешься избавиться от меня? — отпирался он, но явно семена сомнений она сумела в нём посеять. — Мия, я не вчера родился.

И она решила добить.

Ничто не бьет так наотмашь, как откровенность.

— Мы женаты столько лет... И в первый раз можем действительно помочь нашей стране, — вкрадчиво произнесла Мия. — Мне не нужна власть — я воин. Я всегда желала стоять за плечом брата, быть его карающей дланью, но судьба распорядилась иначе. А понимаю — ты не выносишь меня, навязанную тебе с младенчества жену. Ты ненавидишь меня за то, что тебя лишили выбора. Но меня тоже его лишили. Я не осуждаю тебя за твои похождения — тебе не оставили ничего больше, для всех ты не более чем марионетка своей матери. Я прекрасно знаю о твоей любовнице, я могла приказать её убить, но девчонка жива, здорова, и так будет и впредь — потому что она любит тебя, а ты, на удивление, любишь её. Я не желаю тебе зла, Вейли. Пусть и против нашей воли, но мы — семья. Ты — часть моей семьи. И я буду защищать тебя, несносный ты мальчишка.

Вейли смотрел так, словно бы впервые её увидел.

Её, Мию, скорбящую мать, заботливую сестру, а не его старую и стервозную жену.

— Ты веришь, что это можно исправить?

— Можно. Сыну я власть забрать не позволю, внуку придется расти очень долго — у тебя будет много времени, чтобы устать от правления и со спокойной душой отдать корону наследнику.

— И всё же... не проще было бы тебе перебить силами твоего брата всех и вся, а потом признать внука и править от его имени?

— Проще. Но я не хочу гражданской войны в Умэ-Дио. Ты — Король, чтобы там иные не считали. Как бы то ни было, ты — благословленный богами их ставленник под золотыми небесами, повенчанный на царство. Против твоего слова может быть лишь слово Владыки или богов. Но никто из них нам не помешает.

— Мать будет в ярости.

— То есть?

— Уговорила.

И где-то среди спрятавшихся в тених гвардейцев за маской одного из них смеялись золотые глаза.

Глава 19. Веарди Талэ

Он давно перестал бояться одиночества.

Он давно перестал плакать по ночам, вспоминая ту, проклятую, самую страшную ночь, когда забрала у него матушку.

Перестал звать её.

Перестал надеяться увидеть одобрение на лице отца, услышать от него слова гордости, поддержки или хотя бы утешения.

Перестал вообще что-либо ждать.

Итэш — давно уже не ребенок.

И никому он не покажет, как больно ему было без отцовского внимания и тепла, как сильно по нему было равнодушие единственного, последнего родного человека.

Итэш избегал любых отражающих поверхностей — ему незачем было лишний раз видеть напоминание причины неприятия отца.

Он был слишком похож на мать.

Те же буйные чёрные волосы, буйной волной рассыпавшиеся по плечам, те же пронзительно-зелёные глаза, те же черты лица... Та же манера говорить, вести себя, те же жесты и мимика — он взял от родительницы слишком многое.

Недопустимо многое.

Ведь и колдовство было уделом женским.

Мать Итэша была чародейкой, причем сильной, и она оставила после себя много книг — и он, лишённый правильного наставника, способного направить его по этому пути, сбегал от учителей и изучал искусство магии самостоятельно.

И успехи в этом деле у него были даже слишком хороши — пока о них не прознали в клане. Его дразнили девицей — со спины и правда за чью-то дочь его можно было принять, столь худ он был, нескладен... Но подкараулить в переулке да поколотить боялись — а если порчу нашлет? Он бы не стал так поступать, да и не умел он пока, но — недругам об этом знать было не обязательно.

Каждый выживал как мог.

Если его оружием, его щитом должно было стать колдовство и равнодушие к чужим оскорблениям — так тому и быть. Матушка точно не хотела бы, чтобы он был несчастен...

Отец же хотел, чтобы Итэш был достойным своего имени наследником их народа.

Хотел сделать его воином, сумевшим бы прославиться в веках...

Хотел чтобы он не был так похож на свою мать, забыл про магию, чтобы увлекался пирами, девицами, мечами и легендами о славных битвах былого, тренировками и боевыми походами против Нелюдей.

Ведь Нелюди, «эти проклятые твари, навлекшие на Ианэ беду и поклоняющиеся драконам, этим отрыжкам бездны», остались единственными достойными внимания противниками, по мнению отца — мараться о соседние племена или жителей большой земли он считал выше своего достоинства.

Итэш лишь один раз, едва встретив четырнадцатую свою весну, побывал в военном походе.

Не видел он ничего достойного в уничтожении Нелюдей.

Ничего.

Люди их клана делали то же, что и прочие разбойники, коих сами ругали и проклинали — резали и убивали. Сеяли ужас и разрушение. Грабили и жгли дома — «брали свою справедливую добычу»... Разоряли мирное, по сути, торговое селение — лишь потому, что жители его отказались отречься от веры своих предков, века назад пришедших на Вольные Острова из-под золотых небес.

Это — справедливость?

Этим пахла справедливость?

Горелой плотью, кровью и разорванными кишками?

Этого от него хотел отец?

Стать подобным убийцам матери?!

Итэши не мог забыть глаз молодой женщины, закрывавшей собой своего маленького сына. Её страх, её искреннюю уверенность в том, что молить о пощаде бесполезно, что даже человеческий отрок не станет слушать её, что он — такое же чудовище.

Но Итэши — не смог.

Не смог вершить эту «справедливость».

Он — не убийца.

Не чудовище.

Он не похож на тех **КОЛДУНОВ**.

...Он жестом приказал женщине молчать, набросил на неё простенькую иллюзию и печать невнимания, чтобы никто её не заметил, и крикнул шедшим в его сторону воинам, что здесь никого не было и следовало идти дальше, а не тратить тут время. Женщина старалась не плакать, замереть и претвориться предметом интерьера.

...Дети не в ответе за грехи отцов.

Эти люди не виноваты в том, что натворил драконий народ века назад.

Итэши снял с пояса сеч и отдал его женщине — она была безоружна, и настоящей справедливостью было позволить ей защитить себя и своего ребенка.

Если бы у его матери было оружие, она, может быть, была бы жива...

Вернувшись из того похода, Итэши зарекся брать в руки оружие.

Он обещал матери стать достойным человеком.

Он не станет подобным отцу.

Он обещал...

Обещал.

Обещал!

Светильники, уже те не древние, масляные, брызгавшие раскаленными каплями, столь распространённые в человеческих селениях, нищих крестьянских и рыбацких деревушка, а магические, подпитываемая время от времени комбинация рун на специальном материале, испускали мягкие, рассеянные лучи, вызывавшие чувство умиротворения, уюта.

Давно Веарди подобного не ощущал.

Со снами про мальчика Итэша их его жизни ушёл покой... А сны становились всё более и более длинными, словно бы за ночь пролетали года. Просыпаясь, Веарди ещё долго не мог понять, где он был и кем являлся — реальность и чужая жизнь смешивались переплетались, путали память.

Сон не давал отдыха.

Да, тело успевали восстанавливать силы и было добрым, полным юношеской силы, но измождённый разум был готов рассыпаться прахом по ветру.

Разум не отдыхал.

Разум был на грани.

Нужно было принимать меры — учиться отгораживаться от чужих воспоминаний, а то просыпаться каждый раз постаревшим на несколько месяцев, а то и лет ему уже несколько надоело, мягко говоря.

Но Девон — вне досягаемости.

Как же хорошо, что Веарди таки вспомнил — дорогая младшая сестренка, его чудесная смертоносная Никко была тоже искусной менталисткой. Не гением, как их старший брат, но уверенным мастером, уж точно способным как-нибудь помочь или хотя бы разобраться в ситуации.

Встретиться же с сестрой было намного проще, чем выловить отправившегося в очередное странствие Девона. *Вот уж воплощенный в теле ветер!*

Конечно, соваться со своим нестабильным разумом в столицу было самоубийственно — это означало расписаться в собственном бессилии, показать отцу свою уязвимость, неспособность контролировать ситуацию.

А это — недопустимо.

Ни при каких обстоятельствах.

Отец уже отбраковал его однажды, ощутить подобное унижение второй раз Веарди не намерен.

Как чудесно, что его прекрасная, его замечательная тётушка Мия, величественная Диалори, в этом плане от своего царственного брата отличалась разительно, и ей можно было довериться — у этой женщины было много собственных тайн, и чужие она умела хранить прекрасно.

В конце концов, именно она пришла к нему, когда отец в первый раз разбил его мир на части.

Именно она помогла.

Она поговорила с дядюшкой Магни.

Она... именно она, по сути, сделала его Наследником Юга, предложила уже который год скорбевшему по жене и детям, но стойко отбивавшемуся от агрессивно пытавшихся женить его вновь советников, дяде поступить так же как и Руни. Она восстановила хоть какую-то справедливость — сделала всё что было в её силах. (Вот уж вздор — признать сына неподходящим наследником лишь из-за цвета его глаз!)

Да, он с самого начала был вторым сыном, и когда стало понятно, что Девон навсегда останется калекой, родители не передали титул наследника ему, а просто завели ещё одного ребёнка. Но, увы и ах, родилась их совиная принцесса, Никко, которая опять отцу чем-то не угодила. Волосами?

Ситуация с Девоном и пол Никко — единственное, почему Шани вообще был рождён.

Но...

Веарди знал — тётушка необъяснимо выделяла его среди остальных своих племянников, его и Никко, собственно, относясь к ним с большей теплотой, чем к остальным.

Веарди знал — тётушка была несчастна в браке, и холод сыновей разбивал ей сердце.

И она тянулась к племянникам.

И племянники — к ней.

...И теперь, тётушка была той, кто действительно мог ему помочь.

Конечно, при всем уважении к ней, в руки её собственных ручных менталистов он бы не дался, а в их наличии сомневаться не приходилось, а вот организовать встречу с Никко она могла — никто не стал бы что-либо подозревать, пожелай тетушка пригласить любимую племянницу в гости.

Правда самому Веарди придется прибыть в Диорен тайно — учитывая все настроения на юге, народное недовольство и страх из-за событий в Хэлиссе, небезопасно было бы официально покинуть Эзарен, во всеуслышание заявив, что наследника ни в городе, ни в стране нет.

Всё-таки именно он сжёт Хэлисс.

Именно его — боялись.

О том, как добрейшей души господин. дядюшка Магни безжалостно сжёт степь и полностью истребил несколько её народов почему-то народная память предпочла забыть.

Интересно, почему?

Впрочем, то вопрос риторический.

Теперь же, спустя несколько недель, на протяжении которых Веарди измучился окончательно, он сидел в богато обставленной столовой тетушкиного поместья и наблюдал за пляской теней в волосах сестры и пытался понять, почему в последнее время всё стремительно катилось в бездну и кто в этом был виноват.

Те же тени прятались по углам залы, не создавая резких контрастов, которые раздражали бы уставший за день взор.

Витавшая воздухе лёгкая дымка благовоний, чей прохладный, словно бы освежающий аромат ненавязчиво щекотал обоняние всякого из присутствовавших, создавала настрой неформальный, семейный.

На официальных приемах любые посторонние запахи в среде обладавших тонким чутьем шесс'ен считались дурным тоном, но... В этом конкретном случае это скорее был жест, призывавший расслабиться и отдохнуть, отринуть необходимость каждое мгновение быть настороже, позволить себе ненадолго забыть об удушающей дневной жаре. Которая, впрочем, уже давно спала, сменившись вечерней духотой — сама земля ещё не остыла и отдавала накопленное за день тепло.

Шесс'Вод'е давно скрылись за горизонтом, и голубые всполохи уже не окрашивали небо — не то чтобы на их месте зажглись звёзды, хотя так и было, наверное, но разглядеть их за тяжёлыми, тёмными тучами не представлялось возможным.

В воздухе пахло бурей.

Волнительно.

Ветер доносил запах степных трав в распахнутые окна, смешиваясь с благовониями.

Молнии сверкали, но грохот раскалывал небо спустя непозволительно долгое время — гроза была ещё далеко, за рекой.

Вся природа затихла.

Быть может, буря и вовсе пройдет мимо города, так и не остудив раскалённый Диорен, не подарив и капли дождя, но народ предусмотрительно на всякий случай спрятался, не желая испытывать судьбу.

Погода этого края всегда была одной из крайностей — или палящие светила и ни единого облачка многие дни, или, наоборот, слишком обильные дожди, и нудной многодневной моросью, как на Севере, дело точно в случае чего — не обойдётся.

И не обошлось...

Вторая гроза за день — а ведь уже далеко не весна, напротив, дыхание осени позолотило поля, суля большой урожай.

Смутное беспокойство за своего гвардейца на мгновение мелькнуло в голове — Рик единственный, кто сопровождал Верди в его тайном путешествии, и уйдя после первой грозы, он так и не вернулся в поместье.

В мастерстве перевоплощения гвардейца сомневаться не приходилось — ещё в Эзарене он сумел переодеться и замаскироваться так, что только напряженная походка выдавала в нём сайши. От Всадника же в нём внешне не осталось ничего — простой странник, бродяга, коих много стремилось в сердце Востока в поиске новой, лучшей жизни.

Признаться, Верди не ожидал, что его попытка заступиться за этого всадника перед дядюшкой так сильно того впечатлит. Он мог выбрать покаяние, отправиться служить на границы или стать частью Багрового Братства, единственный путь бывших Всадников, но...

Но дае Феан, кумир многих сотен юных гвардейцев и простых мальчишек, выбрал другую дорогу — службу своему благодетелю.

Назвав своим господином Веарди, Рик изящно вышел из-под власти императора, чьи поступки и решения больше не мог одобрять. И сложно его было за это судить. Они оба омыли руки кровью невинных, принц и командир всадников, два виновника резни.

Ими они в веках и останутся?

Рик был передан Веарди, по-настоящему предан — это ставило принца в ступор. Этот человек был старше, опытнее его, за его спиной было множество битв и побед, но честь и чистая совесть для него оказались важнее собственной клятвы.

Наверное, таким был в юности отец.

Наверное, потому он закрыл глаза на всё произошедшее и позволил дае Феану перейти к Веарди и никак это не прокомментировал.

А может он и не знал.

А может ему просто было всё равно.

...Это в любом случае было не важно. Рик по своей воле следовал за Веарди, служил ему, и принц наконец нашел кого-то, кому мог доверять.

Это было для него... ново.

Так себя ощущал Девон, доверяя свою спину Джейа?

Так ощущал себя отец, опираясь на своих товарищей, зная, что они не предадут?

...Теперь Веарди испытывал тревогу — Очи зашли за горизонт, а Рик так и не вернулся из своей отлучки по личным вопросам.

Хотя какие личные вопросы могли быть у бывшего всадника?

А вот гляди ж ты — нашлись.

Впрочем, дае Феан был взрослым человеком, и сам мог о себе позаботиться, так что следовало бы принцу наконец сосредоточиться на собственных проблемах.

А то неприлично заставлять сестру ждать.

«Мне нужно самой увидеть!» — таков был её приговор.

Веарди ждала очередная ночь длинною не в жизнь, но во многие месяцы.

Или годы?

Сколько воспоминаний мальчика Итэша, ставшего уже юношей, он увидел на этот раз?

И что случится, если Итэш... *погибнет?*

Отец в нём окончательно разочаровался — Итэш впервые на его памяти проявил небывалые настойчивость и упорство, но лишь для того чтобы окончательно убедить своего родителя в нежелании становиться его копией.

Отец не хотел уступать, стоял на своём, но что-то во взгляде сына заставило его сдаться и махнуть рукой.

Может быть пресловутая женоподобность и сходство с матерью в кои-то веки сыграли ему на руку и помогли окончательно убедить отца в бесполезности и бессмысленности затеи сделать из него воина и привить любовь к сражениям.

Итэш питал к ним лишь отвращение...

Как и его мать.

...Её искусство он осваивал теперь гораздо быстрее и успешнее — без необходимости сбегать с тренировок и прятаться от учителей, времени стало на порядок больше, его теперь никто не донимал, не отвлекал.

Спасибо отцу за науку, на учителей тот действительно не скупился, грамоте Итэш был обучен, как и счету, свободно разговаривал и читал на нескольких языках, правда с произношением порою были сложности, но это уже не столь важно. Важно то, что Итэш был образованнее абсолютного большинства людей их мира, за исключением таких же как он господский детей.

А значит, теперь, без воинских наук, занудной политики и истории, у него было по-настоящему много свободного времени.

И — не было.

Он всё ещё учился каждое свободное мгновение.

Дневал и ночевал с книгами матери, изучал язык, на котором те были написаны, «Старшую Речь», методом проб и ошибок постигал колдовское искусство.

Ему нужны были наставники, он это понимал — далеко не всё можно было освоить самостоятельно, гордыней Итэш не страдал, хоть и считал себя гордым человеком. Но до совершеннолетия своего о том, чтобы покинуть остров, да и архипелаг в принципе, можно было даже не заикаться — не пустят. Запрут в доме, да стражу приставят — оно ему надо?

Но и имевшиеся скромные успехи радовали.

Глаза его теперь сияли от внутренней магии, пугая прохожих на улицах, слуг в доме и других господских детей, что раньше не стеснялись его дразнить.

Теперь — они опускали взгляд в пол, пытались быстрее уйти, и никогда не оставаться с ним наедине.

Ну конечно! Ведь колдуны — это жестокие чудовища, жравшие младенцев на завтрак и купавшиеся в крови невинных дев, не так ли? Твари хуже нелюдей, тем хотя бы не чуждо было благородство, даром что **тёмные**. А колдуны... Бесчестные трусы, выбравшись лёгкий путь к могуществу, коварные и лживые.

Так про них думали.

Так думали про магию.

И про него.

Но Итэшу нравилось. Да, бойтесь его, оставьте его в покое! Не смейте поднять взор, не смейте молвить и слова!

Да, Итэшу нравилось.

И это — самое страшное.

Веарди проснулся к холодному поту.

В этот раз сон был сумбурным потоком мыслей и воспоминаний, полным чужих противоречий.

Веарди тонул в этих своих-чужих эмоциях, захлёбывался.

Холодная вода не была страшна горячекровым шесс'ен, но теплая муть стоячих озёр, провонявшая гнилью, разложением, смертью... это страшно. Грязные глиняные берега всегда пугали Веарди, как и заросли тёмных вонючих водорослей, что цепкими лентами хватили за ноги, не давали свободно двигаться. Паника захлестывала с головой в такие моменты...

Веарди не очень хорошо плавал, и не помнил, чтобы ему доводилось иметь дело с такими ситуациями, он даже не был уверен, что это его собственные ассоциации...

Но сегодняшний сон — гнилая стоячая вода.

Он вынырнул, но вокруг всё ещё пахло тиной.

Веарди больше не задыхался, не терялся в пространстве, но всё ещё жадно глотал душный влажный воздух, не в силах им насытиться.

И только холодные нежные ладони, коснувшись висков, привели его в чувства.

Сестра сидела в изголовье его кровати, взгляд её был полон мрачного любопытства. Но её руки, холодные, всегда холодные, изящные сильные пальцы — то, что держало его в здесь и сейчас.

Якорь.

Око бури.

Сестра протянула чашу с водой, чистой, ключевой, пахнувшей свежестью и зимой, и Веарди пропал к ней жадно, неожиданно даже для самого себя, проливая на рубаху и постель.

Всё, чтобы смыть этот вкус тлена.

Всё.

...Спустя четверть часа брат и сестра снова сидели в обеденной зале и степенно пили чай.

В тишине.

Никко не торопилась со своим приговором, что-то рисуя на принесенной по её приказу бумаге.

Сестра всегда хорошо рисовала.

Лучше всех из императорских детей...

Отец не поощрял её таланта, считая его бесполезным, несмотря на пропагандируемое почтение ко всяким творцам. Мать же, наоборот, стремилась не позволить Никко растерять свой потенциал. Но тоже видела в этом простое увлечение, невинную шалость, девичье увлечение, не приносящее пользы. Ну в конце концов, не быть же принцессе храмовым мастером, что создаёт фрески. Не по чину это.

— Что скажешь? — разбила Никко, наконец, тишину, сосредоточенно что-то шприхуя. — Никого не напоминает тебе этот Итэш?

Верди задумался.

Слишком похожий на свою мать, слишком не оправдывающий ожиданий отца, слишком... много использующий разум, а не грубую силу в качестве оружия человек.

Кто он?

На кого похож?

Слишком на многих.

Ни на кого.

— Тебя.

— Кхм! — сестра поперхнулась чаем и закашлялась. — Вообще-то я имела в виду не это.

— И всё же... Кто этот мальчишка? Почему меня с ним связало?

Измотанность, невероятная усталость, накопившаяся за все эти месяцы, не давала думать, хотелось просто получить ответ и решение.

Неужели это так сложно?

— Ты так и не понял? — Никко была безжалостна, как и всегда. — Ну, тебе же хуже.

Веарди страдальчески воззрился на сестру.

— Я не смогу разорвать эту связь, — проигнорировала она его взгляд. — Тут постарался мастер явно сильнее меня, может даже сильнее отцовских Грифов. Но могу явно сказать одно — этот человек, Итэш, уже давно перестал быть ребёнком, а показать чужие воспоминания... На самом деле, невозможно, без благословения Вэниа. Всё же только Владыка Времени распоряжается минувшим и может показать его кому-либо...

— Но с чего одному из сыновей Дха вмешиваться в жизнь и разум какого-то шесс'ен? Будь я хоть трижды принцем империи и наследником Юга — я не та фигура, ради которой в игру стали бы вступать Старшие Боги... Значит, замешан кто-то ещё? Его жрецы, какие-то культы?

— Значит, жизненно важно тебе, именно тебе, увидеть воспоминания Итэша, понять его, узнать его, — ворчливо, как неразумному ребенку, пояснила сестра.

Чем так важен это мальчишка?

И он сам, Веарди?

Внезапно двери залы распахнулись, и в неё вошла, пропуская вперед стражу, их дражайшая тётушка. Она явно не ложилась ещё спать, наверняка сидела опять в кабинете и работала, снова занимаясь всеми этими государственными делами в ущерб собственному здоровью. Тени под её глазами были видны издалека, но сами эти глаза почему-то сияли озорством.

— Не слишком ли нагло, будучи гостями в доме, гонять его хозяйку? — усмехнулась тётушка, сядя в главе стола.

Видимо, Никко, не обращая внимания на условности и этикет, послала слугу за Мией.

Очаровательно.

Иногда сестра казалась ему дикаркой! И ведь в одном с ней семье росли, у одинаковых учителей учились...

— Тётушка, тебе знаком этот человек? — не обращая внимание на возмущения брата, Никко протянула Мие свой рисунок, по всей видимости, уже законченный.

Лицо женщины застыло, стало ледяной скульптурой, таким холодным и жестким, обжигающим, и... хрупким.

— Тётушка?

Взгляд сестры был заинтересованным.

Лукавым.

Ну и...?

— Это мой отец, — как камни выронила Мия слова. — Но вы-то где его видели?

— В воспоминаниях одного мальчишки по имени Итэш, — ответила Никко. — Ничего

оно тебе, кстати, не говорит?

— Итэш — мой старший брат. Был им. Но он мёртв. Мёртв дольше, чем я живу.

Она положила листок с рисунком перед собой, и, наконец, Веарди смог рассмотреть его, понять, что же так взбудоражило тётушку.

...И действительно.

Отец Итэша.

И, получается, Мии.

И Магни.

— Итэш мёртв, погиб вместе со своим саи-ри, — продолжила мысль тётушки Никко, — но на его место пришёл кто-то сильнее, кто сумел отомстить за слишком доброго и желавшего мира для всех мальчика. И имя ему...

Вот оно что.

Как всё просто.

Как всё очевидно...

Имя, знакомое каждому жителю империи, соскользнуло с его губ насмешкой над самим собой.

— Аран.

Сестра выглядела довольной.

Она что-то ещё знала?

Она... она ведь наверняка подозревала с самого начала. Она всегда была даже излишне пронизательной.

— Так вы объясните мне, что происходит? — разбила повисшую тишину Мия.

— Под клятву о неразглашении, тётушка, — вздохнул Веарди, прикрывая глаза и массируя веки — их снова, уже привычно, прострелило болью. — Слишком важные вопросы.

Тётушка, на удивление, спокойно и быстро, отточенными движениями, начертила нужные печати и произнесла вербальные формулы клятвы и с любопытством воззрилась на них.

Ой что будет...

— Ну и? Во что вы вляпались?

Когда круг посвященных в его тайну расширился до трех лиц, пусть и включая его самого, стало легче. Тётушка пообещала помочь с его проблемой. Однако что-то невысказанное было в её взгляде, что-то странное.

Словно она думала, что вся эта ситуация могла быть и на пользу, не со зла.

Ну не решили же какие-то высшие силы просто показать ему жизнь отца, чтобы примирить их? Это даже звучало абсурдно, да и в таком случае нужно было оные сны Девону показывать, вот уж у кого было всяко больше причин для обид и поводов примириться.

Впрочем, никто не мог гарантировать, что брат не страдал той же проблемой.

Хотя он точно всё быстро бы определил и справился.

Нашёл бы ответ.

Даже себе Веарди не хотел признаваться, что завидовал.

Потому что, собственно, завидовать было нечему — оба они были отбракованными сыновьями, разочарованием отца, но Девон был ещё и как воин ущербен, в их то постоянном на культе силы обществе! Но при этом, даже несмотря на события последней войны и

последовавшую за ней опалу для близнецов, Девон словно бы и не замечал этого отношения к себе. Ему словно бы и не было больно от пренебрежения отца, ему словно бы было даже хорошо там, на севере. И это при его непереносимости холода!

...Нет, следовало думать о собственных проблемах.

Брат со своими справится сам.

Уж ему то есть на кого опереться.

А теперь есть и у Веарди.

Он даже думал о том, чтобы посветить в ситуацию даже Рика. Конечно, тоже под клятву, но тем не менее... Но стоило ещё подождать — может быть, всё решится в ближайшее время и необходимость в этом отпадёт.

А Рик вернулся в поместье утром.

Очи не успели ещё высоко подняться над горизонтом... Мужчина выглядел потерянным, разбитым, но при этом — решительным.

Что-то случилось с ним, видимо, за прошедший день.

Что-то шокирующее.

...Когда Рик, этот гордый человек, в лицо дерзивший Королю Востока, смиренно склонил голову и взмолился об одной единственной просьбе, Веарди был шокирован.

Он впервые он о чём-либо просил.

Принц был заинтригован.

Но, признаться честно, узнав, что этой просьбой была встреча с Диалори, Веарди готов был рассмеяться — даже сейчас, в этот момент, не он был тем, кто мог решить чужую проблему.

Но причин отказывать Рику у него не было.

Только он поставил одно условие — на этой аудиенции он хотел присутствовать тоже. Что поделаться, любопытство всегда было его слабостью.

Тётушке тоже было любопытно — что от неё захотел гвардеец?

— Ваше Королевское Величество, — Рик, вместо традиционного поклона, преклонил колени, и весь его вид был полон смиренной мольбы. — Вы прославились в народе своей справедливостью. И я пришёл просить о ней. И — о правосудии.

— Я не госпожа Саинэ, чтобы вершить правосудие, дае Феан, — заметила тётушка, щурясь. — Чего именно вы от меня хотите? Племянник просил за вас, полагаю, что могу довериться его суждениям и окажу вам посильную помощь. В чем же вас обидели?

Серые, похожие на тучи, на сталь глаза человека распахнулись в чем-то смутно похожем на ужас.

— Не меня! — воскликнул он, скинувшись. — Госпожа... если бы дело было во мне, я никогда не посмел бы Вас беспокоить... Но пострадала моя подруга, моя названная сестра, и сама она никогда не стала бы отвлекать Вас из-за своих проблем.

Вот оно что.

Подруга.

К ней, стало быть, Рик умчался, стоило ноге Веарди переступить порог тётушкиного поместья?

— Из-за девчонки, значит, пришел? — вторила она его мыслям. — И как могли обидеть... Мой непутевый муж нашел себе, наконец, постоянную фаворитку и не оставляет её вовсе, значит, кто-то из моих сыновей?

Взгляд Мии был суров. Теперь это была не так милая женщина, что любила баловать его

в детстве, но почти всевластная Диалори.

— Старший принц надругался над Эшой, и теперь она беременна, — сжал губы Рик в бессильной ярости. — Госпожа, будь виновником кто угодно другой, я бы публично оскотил его и заставил сожрать всё отрезанное, но... В этой ситуации я бессилён. Я... Я не смогу обеспечить безопасность Эше — она одна из лучших мастериц артели рукодельниц, у неё много клиентов, её исчезновение не осталось бы незамеченным, а узнай Королева-мать о ребёнке... Она же убьёт Эшу. Или сам принц.

Неужели так бывает?

Неужели эти мнящие себя разумными созданиями твари не там, на больших дорогах и в глухих деревнях, а рядом?

Неужели это — его двоюродный брат?

Жгучая злоба и отвращение в Риену наполнили Веарди. Хорошо, что Рик не попросил с помощи именно его — он бы как раз приказал бы устроить самосуд, наплевав на любые условности. Нельзя так поступать, ни с кем нельзя!

— Я услышала тебя, дае Феан, — глухо, но твёрдо сказала тётушка. — Приведи свою подругу сюда, завтра. Даю тебе слово — ни один волосок не упадет с головы матери моего внука.

Рик поднялся на ноги, поклонился и стремительно вышел из кабинета.

Видимо, помчался обратно к подруге.

— Что будете делать, тётушка?

— Женю поганца, что б неповадно было, — оскотилась она. — А так... Посмотрим на девочку, что Лирен скажет — если из правильной семьи или хотя бы правильной крови и веры, то дам титул ей, а может и не понадобится всё это. Было бы славно.

— Думаете, поможет?

— Риену давно пора научиться брать ответственность за свои поступки, а брак не более чем формальность — мне нужен внук, и если Заней смогла воспитать идеального наследника, пусть и марионетку, то почему бы не взять с неё пример?

— А Вейли согласится?

— А куда он денется?

...Не знали они ещё, что рассвет Мия будет встречать в Белом Храме, а ночь проведёт наблюдая за бальзамированием тела младшего сына.

Что в это самое мгновение Леан бился в агонии, в бессильной злобе смотря на свою убийцу.

И проклиная её.

Диорен...

Великий древний город, многие века бывший крупнейшим в Ианэ и с переменным успехом борющийся за это звание с Тарисой сейчас.

Гордая столица Востока, расположившаяся в устье могучей Ксаи и контролирующая все торговые потоки, идущие в глубь континента. Раскинувшаяся на нескольких островах, поглотившая их щитом непрерывной застройки, она была подобна муравейнику.

Жизнь здесь кипела.

Сюда вели все дороги, пересекавшие великую Ксаи по древним мостам. После падения истинных Талэ и развала старой империи именно Диорен и Дом Шисэ возвысились, обретая невообразимые, неведомые доселе власть и влияние.

Прорыв, случившийся четыре века назад, был величайшей трагедией Ианэ со времен Гибели Светил. Именно он, собственно, и привел к развалу старой империи и потере прежнего статуса королями Запада. Лишившийся божественного благословения, что было залогом их власти, Талэ остались таковыми лишь на словах, на деле же не сохранив в себе ни единого признака своего родоначальника.

В конце концов, именно действия последнего императора привели к Прорыву. Когда из Алой Пустоши, из Запретных Земель, отделявших Бездну от живых территорий, хлынули бесчисленные орды Тварей, Искажённых, что отравляли собой все вокруг, жаждающая проложить путь своему господину...

По иронии судьбы, именно терявший авторитет Император стал одной из первых жертв катастрофы.

Лишь беспрецедентные усилия Багрового Братства и неожиданная слаженность отделившихся от Умэ-Элио Кланов, создавших свой союз и с невообразимой эффективностью противостоявших тварям, принявшим на себя первую волну чудовищ, позволили предотвратить самое страшное.

Можно бесконечно спорить, кто был виноват во всем случившемся — пожелавшие независимости от Тау'Ксы Великие Кланов или всегда известные своим сепаратизмом северяне, последние императоры Талэ, потерявшие всякий авторитет и приведшие к Исходу Драконов, в отчаянной попытке удержать контроль зашедшие слишком далеко, или хитрецы из культов Мрака, коварно манипулировавшие властью идущими во славу своего господина...

Итог был один.

Запад пал, Умэ-Элио на века прекратил своё существование, скатившись в феодальную раздробленность, разделившись между множеством уцелевших кланов. Народ бежал на восток, народ усиливал восток. Элишен пали первыми — беженцами были люди.

Именно это и возвеличило их народ.

И Шисэ.

Из Великой Империи, созданной самим Эйреном, страна превратилась во множество маленьких княжеств и отдельных территорий.

Воцарилась беззаконие.

И в этом хаосе Диорен стал тем центром, что смог объединить вокруг себя множество территорий.

То, что раньше принадлежало югу и западу — перешло ему.

Но это была новая культура, новая власть — власть людей.

Лишь северяне, плотно сотрудничавшие с цав'ен, относительно легко отделались и даже смогли сохранить чистоту своих традиций и жизненного уклада.

Именно они были идеологическими правопреемниками Империи.

Потому Север так ненавидел Владыку ныне, надо полагать — новый наследник Эйрена, новый Талэ пришёл из ниоткуда, получив власть и всеобщее почитание, и свёл на нет все те века, на протяжении которых цишен были последними хранителями заветов предков.

Он начал привносить что-то новое, безусловно во многом хорошее и своевременное, но в других вопрос их был закостенел и некомпетентен, отвергая из-за собственных предубеждений многие предложения и идеи северян.

Он отобрал их свободу, силой подчинил разросшееся за века королевство, унизил его, практически уничтожил. Наказал самых этнически чистых шесс'ен за то, что не отреклись от тех самых корней, преемственностью которым Владыка апеллировал.

Как это бессмысленно...

Как это глупо...

Как расчётливо.

...Восток был самым хитрым, он добровольно пошёл за новым Владыкой, добровольно склонил голову и помог сложить её несогласным с новым укладом, что на фоне с примером северян было принято Владыкой благосклонно...

В итоге — Восток сохранил свою независимость и практически не утратил прежнего влияния.

Но — получил защиту.

Между союзником и покровителем, Восток выбрал того, подол чьей мантии ему приходилось теперь целовать.

Север этого не простил.

И не простит.

Эша любила историю.

Она всегда с интересом слушала рассказы учителей — тех дед подбирали внукам лично, явно жалея о недостатке пригляда за своими детьми и желая исправить уже на новом поколении эту ошибку.

Лекции были увлекательными, Эша всегда слушала едва не раскрыв рот, не отводя взгляда от наставников. Хотя, возможно, это просто она была жадной до знаний — сестры обычно с очень одухотворённым видом старались скрыть собственную скуку.

Братья...

Казалось, им не было дела до прошлого, до рассказов — одни рвались в бой, на тренировочную площадку, мечтали оказаться при дворе...

Другие же были к истории равнодушны, с интересом поглядывая в сторону колдовских наук вроде алхимии или плетения чар, или даже запретных искусств — менталистики и некромантии.

Они жаждали могущества.

Они жаждали славы и почёта.

Они жаждали получить всё и как можно скорее, без долгих лет тренировок и бессонных ночей над древними книгами.

Они... жаждали оправдать возложенные на них ожидания, стать гордостью семьи,

восславить её в веках.

Но Эша была самой младшей среди всех своих братьев и сестёр.

От неё ничего не ждали.

Её предоставили самой себе, кормилице да слугам.

Но почему-то дед привечал её больше остальных.

Может быть потому, что она умела слушать, не перебивая?

Может потому, что она не спорила, не выказывала своего взрывного характера, с почтением и вниманием относясь к чужим словам?

Или просто потому, что она была с ним искренне согласна?

Единственная из всех, казалось.

Дед считал, что нужно знать своё прошлое, нужно помнить не только свои победы, но поражения, и позор. И нести их с честью, с гордо поднятой головой. Чтобы не допустить повторения трагедий.

Он честно рассказывал о событиях давних пор, без прикрас.

И Эша верила.

И Эша хотела быть такой же — мудрой и рассудительной.

И Эша мечтала творить чудеса, как герои прошлого, но не с мечом в руках — руны и магические песни, заговоры ей были ближе, понятнее.

И Эша... Не оправдала надежд.

Не пожелала служить при дворе принцессы, не пожелала отправляться в академию и становиться верной слугой короны.

Потому что Талэ тоже ошибаются.

Потому что думать надо своей головой.

Потому что вечные правила её душили, вечные рамки приличий и этикета сковывали.

Потому что её искусство считалось бесцельным для благородных воинов и позорным для высокородной молодой госпожи.

Потому что шить и вышивать — удел слуг!

Но разве слуги хуже их, высокородных? Эша общалась с ними, много общалась. Эша любила переодеваться в простые платья и сбегать в город, чтобы играть с крестьянскими детьми, которые, казалось, действительно не замечали того, кем она являлась.

Да даже Рик!

Рик, милый друг, добрый друг, с пелёнок казалось не разлучавшийся с Улой, очередным её двоюродным братом, тоже был не столь высокого происхождения. Он вырос как и Ула при дворе её деда, обучаясь воинствам искусствам и грамоте наравне с остальными. Хотя и был человеком.

Рик не сразу признал в девчужке с внешностью южанки младшую госпожу, и, к своей чести, после выяснения её истинной личности не переменил своего отношения.

Рик был её отдушиной в бесконечных скучных буднях, прерываемых учебой.

Он знал, казалось, о ней всё.

Абсолютно.

Ула даже шутливо ревновал, мол, Рик с какой-то девчонкой проводил времени больше, чем со своим дорогим другом. Мальчишки...

Рик знал, как она ненавидела своё имя и знал, как сильно она любила охоту с соколами, как любила этих птиц вообще. Дед подарил ей нескольких своих. Он говорил, в ней это от матери, всё же кровь — не водица. Особенно для южан.

Рик дал ей это прозвище — *Эша* — ставшее её сутью, её второй кожей, всем её существом.

Сокол.

Стремительная, хваткая, крохотная по сравнению с иными хищниками — такая она по его мнению?

Что ж, это не сорока и не чайка.

Сокол — символ юга.

Соколы доставляют почту, они стремительнее драконов, от их когтей сложно спрятаться, как и от их острого взора.

...Когда Рик отправился в столицу, Эша убеждала, что это юношеская придурь, что он отучится в академии и вернётся домой, разочаровавшись в Тау'Ксе и увидев обратную сторону большого города.

Рик не вернулся.

Рик стал Всадником.

Рик навсегда отрекся от прошлого, от её клана, чтобы стать проводником воли Владыки.

Рик навсегда оказался потерян для неё.

Единственный друг.

Это оказалось больнее, чем она ожидала. На фоне этого даже мысль самой отправиться в столицу не казалась столь отвратительной, но... Всадники рвали отношения со своими семьями, со своим прошлым, чтобы сосредоточиться на служении Империи. Она им мать, и сестра, и жена.

Звучало отвратительно.

На деле было ещё хуже.

Но так или иначе, без Рика стало невыносимо.

Совершенно.

В полном слуг и родственников доме Эша чувствовала себя невообразимо одинокой и несчастной.

Дед, казалось, не замечал ничего.

Она тоже должна была служить во славу рода, во имя исправления ошибок прошлого.

Но приносить себя, своё будущее, своё счастье во славу империи, отобравшей у неё единственного друга, она не собиралась.

И — сбежала.

Туда, где никто не удивился бы очередной Элишен с аристократической речью и манерами.

Туда, где всем было всё равно.

Где правили деньги.

Где правила свобода.

И равнодушные.

Диорен — великий город, древняя столица.

Диорен — громадная выгребная яма, собравшая в себя все пороки и грехи Ианэ.

Диорен, её ненавистный и любимый новый дом.

Они гуляли с Риком до самого заката.

Они говорили, казалось, обо всём на свете, больше не касаясь болезненных для обоих тем. Они оба теперь — персоны без прошлого и с сомнительным будущим. И если у Эши

предвиделась раньше хоть какая-то стабильность, то Рика гибель могла поджидать в каждой на первый взгляд мелочи. Личная охрана принца — это, конечно, почётно, но ещё и безмерно опасно.

Эша старалась об этом не думать.

Не нужно печалиться.

Не сейчас.

Потом, когда Рик вернётся на юг, когда она вновь останется одна, наедине со своими мыслями и беспросветным одиночеством, тогда уже можно будет утонуть в жалости к себе и бессмысленном сетовании на несправедливость судьбы.

В конце концов, у неё наконец появилась такая непозволительная ранее роскошь — возможность всласть понуть прежде чем собрать волю в кулак и отправиться выполнять повседневные свои задачи.

Эша показала другу свои любимые места — ещё два фонтана, площадь перед храмом Лийаш, торговые ряды и, самое главное — самая прекрасная, самая замечательная во всём городе пекарня!

Вишневый морс и пирог с земляникой — так именуется восторг.

Рик это знал.

И потому, не слушая все возражения, купил угощения им не только на перекусить здесь и сейчас, просто полакомиться и вспомнить детство, но и с собой.

Тесто пахло умопомрачительно, а начинка из дивных степных ягод заставляла трепетать сердце — пирог, аккуратно завернутый в бумагу, заботливо укрытый чарами от остывания, покоился на дне сумки. Радовал глаз и большой кувшин с морсом, расписной, глиняный, производства местных мастеров, не исключено что Эша даже была знакома с изготовившим его гончаром, всё же всё они жили в ремесленном квартале.

Рик возражений не принимал, и угощение нёс сам, пропуская мимо ушей заявления, что сумка благодаря рунной вышивке не весила ничего, и ей совсем не тяжело.

«Тяжести тебе таскать нельзя!» — был его вердикт.

Элли, впрочем, была того же мнения, да и Эша, на самом деле, возмущалась чисто для вида.

Забота друга была ей приятна.

Он проводил её до дома, а после исчез в темноте, и даже светлая, почти белая рубаша не выдавала его — вот что значит обученный сайши.

Дае.

Мастер.

В ту ночь ей, кажется, ничего не снилось — умаявшись за день, она заснула раньше, чем голова коснулась подушки.

Так часто с ней бывало.

Ощущение измотанности, тянущая боль в мышцах, и тупая, пульсирующая, в голове — всё это было Эше привычно, обыденно. Элли давала снадобья, что должны были помогать, но настаивала — нужно было просто научиться отдыхать. И высыпаться. Но она высыпалась, правда!

Нынешнее же её состояние накладывало определённые ограничения.

В том числе и в вопросах возможных нагрузок.

Она стала уставать стремительно. Её не тошнило, ноги не отекали, а еда и запахи не вызывали отвращения, но она не знала, чего можно было ждать от каждого следующего дня.

Пусть живот сейчас был не заметен, но искорка зарождающейся под сердцем жизни уже была ощутима для всякого сильного сай'нел.

Эша всегда была младшей.

Всегда.

Она видела женщин на сносях лишь издалека, в деревнях деда. Ни одна из её сестёр или снох не подарила своим мужьям первенца, потому примера перед глазами у неё просто не было.

А потому было страшно.

Старшая Мастерница пока не знала о её положении, и Эша планировала скрывать это как можно дольше — лишние вопросы ей были ни к чему.

А они бы возникли.

Чужая жалость ей была не нужна.

Как и чужое сочувствие.

Рик, единственный её защитник, вряд ли мог что-то сделать обидчиком своей дорогой подруги — за самосуд жестоко наказывали, а он уже не раз провинился.

Нового проступка ему могли и не простить.

Подставлять Рика Эша просто не могла.

Потому и не рассказывала ему, единственному родному человеку, как ей было больно и страшно, как после всего она хотела стереть с себя всю кожу, вместе с кровью и невидимой, но так отчетливо ощутимой грязью. Грязной она ощущала себя ещё долго.

Ах, оставшись в доме деда она точно не попала бы в такую ситуацию.

И носила бы сейчас под сердцем ребёнка законного мужа, а не насильника. Впрочем, у избалованных вседозволенностью молодых господ эти две грани часто стирались — она знала тому слишком много примеров.

Да и за время жизни в Диорене — насмотрелась.

Всякого насмотрелась — оборотная сторона жизни яркой и праздной столицы была столь же уродлива, столь и неискоренима.

...Просыпаться Эша привыкла до рассвета. Ещё с детских лет в ней выработали эту привычку, и даже спустя столько времени это оставалось той ниточкой, тянувшейся в прошлое.

Потому, первым, что заметила она, открыв глаза — было уже светло.

Светло.

Она проспала?!

Вторым, что она заметила, было движение какой-то фигуры, которой в её комнате однозначно быть не должно, сбоку. И это точно не периодически навевывавшаяся к Эше кошка.

Третьим — аромат тёплого земляничного пирога.

Проморгавшись, Эша вскочила на ноги, хватая ближайший способный выступить в роли оружия предмет.

Им оказались тяжелые швейные ножницы.

Немая сцена.

Рик, уже в другой рубахе, светлого песочного цвета, с убранными в низкий хвост волосами, замер на месте с кринкой в руках.

Судя по запаху, в ней было парное молоко — она всегда любила пить его по утрам, тогда, в детстве. Теперь же редко выпадала такая возможность — добраться пораньше до

рынка было просто некогда, а вечером уже не было того, что она хотела.

— А ещё про меня говорят, что параноик.

— Сам такой! — в голове Эши смешались все её растерянность, радость и злость. Но радости, всё же, было больше.

Рик улыбался.

— А я и не отрицаю.

Эша порадовалась, что уснула не раздеваясь, а то неловкости было бы не избежать — они уже давно не дети. Пока она приводила себя в порядок за ширмой, Рик невозмутимо продолжил накрывать на стол.

Хорошо, что воду для умывания она всегда готовила с вечера.

Вместе с холодными каплями воды, Эша мягким полотенцем стерла с лица последнюю сонливость.

Давно она не чувствовала себя такой бодрой.

— Так... Не объяснишь, как ты тут оказался? — спросила Эша, заплетая уже расчесанные волос в простую косу — пряди пушились, и не собранные прическу, походили на самый настоящий ужас.

В такие моменты она искренне завидовала цишен с их похожими на жидкий чёрный шёлк волосами. Казалось, они вообще не могли спутаться и пойти полной. Но Эша в очередной раз пришлось смириться — кудри южан были частью её наследия, её сути, и ими следовало гордиться, а не тихо ненавидеть, желая обрезать под корень.

— Ты против того, чтобы тебе подали завтрак? — отозвался Рик, и судя по звуку, он перекладывает нарезанный пирог в тарелку. — В юности ты была куда благосклоннее к проявлению заботы.

— Не увиливай.

— Твоя защитная печать хороша, но против воришек и балагуров, любому обученному сайши она на зубок.

— Ну спасибо!

Она вышла из-за ширмы сверкает притворным гневом — руки в боки, сведенные к переносице густые тёмные брови, но в глазах всё равно — луковые огоньки.

Рик рассмеялся.

— Я научу тебя более мощной печати, если тебе интересно.

— Обучишь! Куда ты денешься!

— От тебя, — улыбка друга стала чуть шире, но, словно бы, чуть печальнее, — никуда.

Так они и позавтракали, парным молоком и вчерашним порогом. Со смехом, воспоминаниями о минувших годах и забавных историях, произошедших с ними.

На сегодня у Эши было запланировано немного работы — нужно было всего лишь закончить вышивку последних трёх слов ритуальной фразы. Конечно, она могла завершить все сразу, но если сделать перерыв в трое суток, эффект будет сильнее, а и это стоило ожидания.

Рик заворожённо наблюдал за её работой. За тем, как порхали её пальцы, как сверкали в свете Очей игла и серебряная нить.

В этом была особенная магия.

Особое чудо.

Что-то древнее и могущественное, что-то пришедшее из времён до Гибели Светил, что-то из эпохи Творения.

Эша всегда предпочитала работать с серебром — об это знали все её клиенты и все остальные мастерицы. Этот благородный металл лучше всех иных проводил энергии и впитывать в себя после, настроение, Волю творца.

Работать с ним было сложно.

Сложнее, чем с медью и золотом, но результат стоил затраченных усилий.

А вот золото Эша терпеть не могла.

Оно было символом А'Ксаана, небес драконьего мира. Символом Дома Талэ.

Символом всех ошибок старой империи и величайшей трагедии. Золото красиво блестело и ластилось к хозяину, пока тот мог кормить его своей силой, но найдя кого-то, кто мог предложить больше, с радостью меняло хозяина.

Обереги из золота стоило очень дорого, но на деле... не стоило ничего.

С золотом Эша не работала.

Золотом ей никогда не платили.

Она никогда не носила из него украшений, в этой, новой своей жизни мастерицы из Диорена.

А еще оно невообразимо шло ей — подчёркивало цвет глаз и её южное очарование. Так говорили родители, так говорили сестры, наряжать Эшу словно куклу. Может быть именно в этом крылась истинная причина этой неприязни.

...Зачарованные колокола Белого Храма было невозможно не узнать. У них была своя особая тональность, печальная светлая песнь по усопшего.

И сейчас они оплакивали члена королевской семьи.

Удар.

Второй.

Третий.

Пауза.

Удар.

Второй...

Второй принц.

Колокола Белого Храма звали горожан проститься с принцем.

Но... как?!

Когда?!

Его Высочество Леан ведь был столь юн, даже младше Эши! Как же так... как же так...

Подняв взгляд на Рика, она поняла, она увидела, как побледнел её друг.

Он тоже всё понял.

— Нет... — прошептала она.

Теперь на трон следующим точно взойдет старший принц. Единственный оставшийся наследник...

Три удара.

Пауза.

Два удара...

Траур.

В день похорон особ королевской крови было положено прекратить всякую работу, облачиться белое, отправиться в Белый Храм для прощания, или — в ближайший, чтобы

помолиться за душу усопшего. По-хорошему, нужно было отстоять все службы, до заката, но это было пожелание, не обязанность. Однако за всякую праздность, за всякие воскликнул радости следовало наказание. Шататься в безделья по улицам не следовало — те кто уже побывал в Храме, должны были отправиться домой и молиться там.

От ремесленного квартала до Белого Храма было далеко, а прибиться к одетой в белое толпе им казалось невыносимым — и Эша, и Рик большие скопления народа не любили и оказавшись в них всегда нервничали. Потому они отправились в Храм Лийаш, ближайший, и, по совместительству, самый любимый Эшой.

Именно сюда она приходила на утренние службы, именно здесь жрицы и священники её знали по имени и приветливо улыбались всякий раз, стоило ей пойти в храмовую библиотеку.

В конце концов, она немало жертвовала храму, когда у неё выпала такая возможность — а прихожанами Покровительницы Искусства были всё же именно ремесленники, редкие дворяне, и всего несколько благодетеля из числа высшей аристократии, включая Диалори.

Сейчас же в просторном светлом помещении всё было завешано белыми драпировками и усыпано цветами вишни.

Тоже белыми.

...Этот цвет подчёркивал смуглость её кожи. Она никогда его не любила — он напоминал ей о не самых приятных событиях её жизни.

О родителях.

О Цавербийской войне.

Она мало коснулась Восток, но забрала её родителей, что как верные слуги Владыки отправились отражать атаку цав'ен и не вернулись.

Как и многие другие сайши.

Как и многие её знакомые.

Рик был единственным её близким, кто вернулся с той войны.

Она молилась тогда, шесть лет назад, за души родителей, точно так же облаченная в белое.

Молилась, чтобы они мирно переродились, чтобы Саинэ была к ним милостива.

Они покоились в братской могиле, в очередном кургане, выросшем на равнинах Запада. В семейном же склепе были только пустые вазы — дед был против того, чтобы сжигать личные вещи сына и снохи и заменить этим пеплом прах.

Теперь точно не было смысла возвращаться — даже чтобы проститься с родителями.

Она тогда заказала по ним длинную службу в Белом Храме, отдав почти все свои накопления. Тогда это казалось ей совсем не важным — что значили деньги по сравнению с душами родителей?

Оплакивала она их недолго.

Не могла — долго.

Нужно было работать, нужно было как-то выживать, и потратить всю жизнь на вечную скорбь было бессмысленно и глупо.

Дед бы не одобрил.

Рик — тоже.

Но тот хотя бы посылал весточки — что он в порядке, что жив и активно продвигается по службе.

Эша молилась и за него — за его здоровье, за победу, за удачу.

Тогда её жрицы Лийаш и полюбили, стало быть. О таком все шли молиться Стражу или Алье, а то и вовсе богам Светлого Пантеона. И только она — богине-созидательнице.

Бог войны не мог уберечь от чужого меча — во их славу кровь лилась с обеих сторон. Те, кто способствовал хаосу и разрушению, сохранить жизнь не мог.

Именно после той войны она стала ходить в храм каждое утро.

Она не верила, что богам было до них дело.

Но...

Рик вернулся живым, и выжил в ещё множестве передряг — стало быть, на что-то они и влияли. Или это насмешка судьбы, не столь важно.

Важно то, что сейчас милый друг стоял рядом, и глубоким своим голосом пел успокоительную молитву, а не был развеян по ветру пеплом. Не гнил в сырой земле, не томился в плену, не был продан в рабство на рынках цавербийских царств.

Важно то, что сейчас он дышал.

...А вот Рику белый цвет был к лицу.

Даже хорошо, что он перешёл на службу к принцу Веарди, форма его теперь светлых цветов.

Когда служба подошла к концу, а прихожане наконец смогли подойти к жертвенному очагу и бросить в огонь цветы вишни, Эши и Рик сделали это и направились к выходу.

Белые реки горожан текли по улицам.

Как же легко было затеряться в этой толпе...

Не так Эша планировала проводить время с другом, но сейчас смех и веселье были бы кощунством, а потому следовало молча вернуться домой. Может быть за закрытыми дверями не так неправильно будет беседовать о том что было, что прошло или не случилось.

И уже не случится.

Никогда.

Она не поняла, на самом деле, в какой момент они свернули с непривычно тихой улицы в совсем безлюдной переулок.

И, признаться, даже не успела испугаться, когда их окружила банда бродяг, вот только ножи в их руках были уж точно не хлебными — отточенные кинжалы, выкованные опытными мастерами, а не ржавая полоса криво заточенного металла.

Время словно замедлилось.

Эша как сквозь толщу воды слышала диалог Рика с бродягами, но зато видела напряжение в его теле, напряженность воина, а не уличного бандита.

Её друг выхватил меч и съёл им голову лидеру бродяг стремительное, чем те успели в испуге выдохнуть. Наверное, они даже не успели понять с чем — с кем — столкнулись. Минуты не прошло — пять обезглавленных тел уже остывали в грязи.

А Рик даже не запачкался.

Он молча завел её в дверной проём, провёл через пустой коридор, внезапно приведший в подземелье.

Катакомбы.

Эша слышала про них — детвора любила про них рассуждать и искать входы в сеть подземных тоннелей, что соединяли город, пролегли под дном Ксаи и вели к нескольким островам-крепостям.

Про них все знали.

Их никто не находил.

Откуда же Рику про них было известно...?

Когда впереди показались огни, оказавшиеся маленьким отрядом облаченных в тёмно-фиолетовые доспехи гвардейцев, чьи лица были скрыты масками и тенью капюшонов, Эша тоже не удивилась.

Не удивилась даже когда один из гвардейцев снял маску и оказался женщиной с серыми волосами и очень цепки взглядом тёмных глаз.

— Не беспокойтесь, идёте Ксерай, — сказала женщина с намёком на улыбку, — теперь вы в безопасности.

— Кто вы?

Кажется, голос самой Эши звучал обреченно.

— Лирен Рес, молодая госпожа. С этого момента вы находитесь под моей защитой.

Глава 21. Никко Талэ

Веарди жёлтый был к лицу.

Это был его цвет.

Никко всегда так считала, несмотря на то, что брат его ненавидел всей душой. Считал его причиной собственного унижения. Он ещё в детстве затаил злобу на их царственного отца, когда тот, словно что-то ненужное, отдал родного сына на воспитание бездетного брату.

Хотя его можно было понять — когда тебя признали неподходящим наследником лишь из-за цвета глаз, мол, второй принц лишён божественного благословения и не быть ему достойным Владыкой Империи, ибо история прекрасно знала, как такие недостойные правила страной, и к чему в итоге это привело — теперь рисковать никто не хотел.

Но рисковать не хотелось совету лордов и отцу, а страдал от несправедливости Веарди.

И, тем не менее, жёлтый был его цветом.

Цветом знамён, с которых гордо взирал золотой сокол, цветом широкого аксаанского неба и бескрайних южных степей. Юг проник в кости и мясо Веарди, тек по его венам вместо крови, сам он был его воплощением. Пламенным, вспылчивым, искренним.

Его дракон, Цаиш, с чешуёй небесно-золотого цвета и пылавшим подобно светилу Аритума глазами, был ему под стать, словно бы ещё одно его воплощение.

Видеть уже второго брата, облачившегося в жёлтое, было забавно, но по-своему хорошо.

Не беззаботное, но всё же хоть сколько счастливое детство заканчивалось и ему на смену приходила иная пора, когда от их решений будет зависеть очень и очень многое. Никко так долго этого ждала, но когда она замерла на краю этой бездны — испугалась. Поняла, что ещё слишком рано, что она не готова.

Девон и Ола в жёлтом выглядели до ужаса нелепо...

Тогда, шесть лет назад, казалось, это было шутовская, а не королевская, династическая свадьба. Ола была выше Девона на добрых пол головы и едва ли не шире в плечах. Одна она казалась хрупкой и нежной, но рядом со своим женихом казалась мужественнее его. Шесс'ен это даже нравилось, новая принцесса не выглядела капризным цветком из изысканных садов — она была Шие-Си, невзрачной, но сильной.

По крайней мере так было по мнению тринадцатилетний Никко.

Сейчас, на этой свадьбе, всё было с точностью наоборот.

Веарди казался статным и величественным в расшитом золотом и соколами кафтане. Он казался даже старше своих лет, когда жрицы Дженел свидетельствовали их с Цонорой клятвы, связывали их руки золотой нитью, что, растворяясь в воздухе, превращалась в тонкие линии, кольцом обхватывавшие их запястья.

Стоило всем покинуть Храм Дженел и направиться во дворец, в богато украшенную торжественную залу, Никко смогла выловить в толпе свою новоявленную сестру и увести её в сторонку.

У них было около получаса до начала праздничного пира и она могла поддержать Цонору, слишком уж растерянной и бледной она казалась. Хотя, правильнее было сказать «серой» — зеленоватая кожа цав'ен при всём желании не могла реагировать так же как человеческая.

Вряд ли состояние Цоноры заметил кто-то ещё, но Никко прожила с ней вместе

последние семь лет и свою подругу знала очень хорошо.

Стража, равнодушно глянув на них, молча проследовала за принцессами, обеспечивая их безопасность — максимально возможное для двух королевских особо уединение...

Хоть что-то в вымуштрованных гвардейцах было хорошее — болтливостью они не отличались никогда.

— Поздравляю, дорогая. Ты потрясающе выглядишь! — улыбаясь, произнесла Никко, приобняв Цонору и наклонившись к её опущенному вниз ушку. — Честное словно, хоть какое-то хорошее события в череде ужасов последних месяцев!

— Я рада, что тебе и гостям нравится празднество, — ответила девушка чуть устало.

Никко всегда считала её лёгкий акцент очень милым — за годы в Тау'Ксе Цонора в достаточной мере выучила торговый язык, но было заметно, что ей гораздо комфортнее говорить на Старой Речи или же на языке цишен, которые были очень похожи на её родной.

— Наконец-то для всех этих напыщенных идиотов ты уже не дикарка из умирающего мира, а принцесса, будущая королева. Выше голову! — попыталась Никко подбодрить подругу, явно утомлённую празднеством, а ведь сейчас было едва за полдень.

Но Цонора, наоборот, опустила голову как-то печально.

— Даже стань я императрицей, для них я останусь дикаркой, *а'шати*.

— Какая разница, что говорят злые языки? — сделала Никко шутливо вид, что разозлилась. — Подними голову, говорю, ты прекрасна. Все они — должны тебе кланяться. Все до единого.

Наконец-то Цонора улыбнулась.

— Главное им об этом рассказать.

— О, не беспокойся, дорогой брат не преминет им об этом сообщить. Если понадобится — неоднократно. После усмирения им восстания в Хэлиссе лорды Умэ-Хели стараются не попадать к нему в немилость. Правильная тактика — он будущий король и с ним ссориться плохая идея. Как и оскорблять его жену своим к ней непочтением. Всё будет хорошо.

— Хотелось бы.

— Побольше оптимизма!

— Ты сама в это веришь?

— Главное — тебе в это верить.

Они обе рассмеялись.

— Как наивно. Из нас же я — дикарка, не забывай. Это мне наивной быть положено.

— Самоирония не вечный щит. Рано или поздно его станет недостаточно.

— Меня ещё ни разу он не подвёл.

Помолчали.

— Я и не заметила, как Веарди вырос, — внезапно даже для самой себя озвучила Никко свои недавние мысли. — Помню его мальчишкой. Хоть меня и не отлучили ещё от груди, когда отец отдал его на воспитание дядюшке Магни, но мы виделись относительно часто. А теперь — он взрослый мужчина. Женатый мужчина. Наверное, и меня тоже скоро заставят замуж выйти... Девятнадцать лет уже, я же не Арека, не смогу отсиживаться в монастыре. Всякая женщина, говорят, жаждет облачиться в желтое.

— Не всякой оно к лицу.

— Тебе — к лицу. И брату тоже, на удивление. Обычно мужчины в свадебных мантиях крайне нелепы.

— Да... — протянула Цонора задумчиво, глядя в сторону своего теперь уже мужа. —

Жёлтое ему к лицу. Оттеняет глаза.

Никко усмехнулась.

— Ему это главное не ляпни.

Цонора смеялась.

Она знала — почему.

Какая же она молодец...

Потом её взгляд упал на возвышавшуюся вдаль крылатую громаду. Её племенного алого цвета чешуя давала понять, почему именно эта драконица носила свое имя.

Заря благосклонно принимала подношение в виде быков.

Клома расположилась рядом, ластясь к матери, и крепкие мышцы перекачивались под её дымчатого цвета чешуёй, когда она ласково отрывала от быков куски и отдавала их расположившемуся рядом Цайшу.

Даже у драконов была эта удивительная материнская забота о ребенке.

Никко же сразу вспомнились другие мать и сын.

Другие драконица и её дитя...

...Не этого она ожидала от визита к дражайшей тётушке. Совсем не этого.

Пообщаться с братом, которого давно не видела, оказать другому брату услугу и сделать его своим должником, тела своё самолюбие, в принципе выбраться из давящей на сознание столицы — милое дело. Предстоящее путешествие она предвкушала с восторгом и нетерпением.

В конце концов, в Диорен её нёс не пугающий до дрожи какой-нибудь дракон, а её прекрасный корабль, её замечательный «Предвестник». Возможность пообщаться с новыми лицами, увидеть своими глазами бескрайние земли империи, ощутить наконец свободу от неусыпного внимания отцовских слуг была просто бесценной.

И конечно Никко ей воспользовалась!

...А в итоге она оказалась втянута в непонятные им, смертным, игры богов, а брат...

Брат...

Леана она увидела да.

Но...

Что ж, ей впервые за всю её жизнь пришлось облачиться в белое. И выстоять всю заупокойную службу. Да, рядом с тётушкой, но практически напротив Паучихи.

Королева-мать даже не слишком старалась изображать скорбь — в её ореховых глазах сияло торжество, и Никко даже представить себе не могла, чего стоило тётушке сохранить самообладание и не вырвать дряни эти самые глаза. Вместе с сердцем. Впрочем, Никко подозревала, что его нет у этого порождения бездны, по ошибке именуемой матерью короля.

Да, Никко восхищалась тётушкой.

И когда та решит отомстить — поддержит. Леан, мечтательный, смелый, справедливый Леан был достоин отмщения.

Её совершенно не удивила просьба же тётушки отвлечь внимание всех эти напыщенных идиотов от её отсутствия на том театре абсурда, именуемом поминальным пиром... Поминальным пиром по, вероятно, самому интересному из её братьев.

Леан был старше её на год. Был самым близким к ней по возрасту из всех принцев...

Был её другом.

Был.

Был...

Как странно думать о брате в прошедшем времени.

Как странно было видеть его умиротворённое, бледное, навсегда застывшее лицо...

Никко впервые увидела смерть.

Увидела мертвеца.

Мёртвого друга.

Мёртвого брата...

Ещё несколько месяцев назад они вместе хихикали на премьере новой театральной постановки, вместе обсуждали абсурдность сюжета, которую не могла затмить даже убедительность актёрской игры, а сейчас... Они уже никогда не смогут поговорить.

Никогда.

Никогда...

Никко впервые увидела смерть.

Прав был отец, считая её вопреки тяжёлому характеру и острому языку излишне изнеженной — она оказалась не готова к тому, что её ждало Диорене. Прав он был — мира за пределами дворцовых стен и страниц приключенческих книг она не знала. Оберегаемая стражей и слугами, не видела она всего этого раньше.

Лицо, привычно, оставалось холодной маской — как и у брата. Но ему сейчас было спокойно, ему сейчас было всё равно, а она — кричала, плакала, выла, желала разорвать всех виновников, но — в глубине души, ни единым жестом, ни единым вздохом не выдавая своей злобы.

Считайте её наивной дурочкой, надменной и холодной.

Считайте её мечтательницей, слишком жалкой, чтобы оседлать своего дракона.

Считайте... Пока не подавитесь.

Казалось, этот холод передался ей от тётушки — та с таким же каменным лицом взирала на пожирившее её сына пламя. Но видно было, как тени залегли у неё под глазами, как она словно постарела на десятки лет.

В какой-то момент Никко поверилось, что эта женщина прожила почти век.

Она не знала, какую месть тётушка приготовила для Заней, но знала, что вмешиваться не станет. И помогать — тоже. Этой драконице не нужна была её помощь. Она точно жаждала расквитаться самостоятельно...

Вот уж кому прекрасно знакомы вкус смерти и пепла.

А ведь только сутки прошли с тех пор, когда, казалось, всё было ещё не так плохо...

Тётушка тогда, стоило Никко прибыть к ней в поместье, поделилась своей болью — шакалы Паучихи арестовали Леана по надуманному поводу. Ну, не надуманному, но явно преувеличенному. Хотя, зная брата, тот действительно мог планировать расправу над бабушкой. Власть его как таковая никогда не интересовала, но он с малых лет насмотрелся на то, сколь эффективный это инструмент.

И сидели они все — тётушка, дае Рес, Веарди и она, Никко — коллективно размышляли, планировали, как вытащить Леана из застенков королевского дворца, как спасти этого бестолкового мальчишку, не подозревая, что в этот же самый момент его тело уже остывало.

Серые Сёстры, в нарушение всех правил, позволили ей и тётушке присутствовать при обряде подготовки тела к прощанию.

Никко видела — и кровоподтёки с синяками, и лопнувшие капилляры в застывших глазах, и — злобу пополам с торжеством на лице брата. Только это дарило хоть какое-то утешение — Серые Сёстры сказали, что Леан знал, что умрет, но, видимо, сумел сохранить свои тайны и ушёл, оставив своих врагов ни с чем.

А ещё — он не мучился.

Кровоизлияние в мозг...

Он даже не успел осознать, почувствовать болт толком — иначе бы лицо было искажено гримасы муки.

Теперь оно, заgrimированное жрицами, было спокойно и расслаблено.

«Мы встретимся, брат...» — думала Никко, наблюдая, как пламя пожирало тело Леана. — «Ты будешь носить новое имя и новое лицо, но душу твою я узнаю. И мы всех ещё переживём!»

Тётя и братья считали её сильной.

Способной острым языком отбивать чужие словесные атаки и ранить чужие сердца.

Быть может, это и было так, но кто бы знал, чего ей это стоило... Как сложно было принцессе сохранять невозмутимость или язвительно улыбку на лице. Ей позволялось быть самой несдержанной на слова, ведь слова её всерьёз не воспринимали. Ей дозволялось хамить лордам и леди, ведь она неспособна была им что-то сделать. Впрочем, как и они — ей.

Присутствие любого из братьев делало все эти мероприятия чуточку выносимее, но Риен был единственным из них, кто пришёл. И он, поганец, подобно Заней, достойный её воспитанник, даже не пытался изображать печаль.

Веарди же, надёжно защищённый тайной своего присутствия в Диорене, сопровождать её сейчас не мог, лишь сочувственно помолчав утром.

В какой-то степени Никко ему завидовала. Она тоже предпочла бы находиться в компании симпатичного телохранителя с интригующим прошлым, а не изображать из себя улыбчивую и учтивую куклу, будучи любезной со всеми этими лизоблюдами. Или учинять с ними же скандалы на потеху всем остальным.

Многие людские лорды имели наглость насмеяться над ней, видя в принцессе только приз, богатую невесту и инвестиции в будущее, не личность — вот таких разорвать на части хотелось больше всего. В такие моменты Никко прекрасно понимала старшую сестру — лучше сбежать куда подальше, променяв титул на свободу решений и их действий.

Она многое отдала бы, чтобы с ней считались...

Но этому не бывать, видимо.

Как хорошо, всё-таки, что не ей иметь дело с этими шакалами — они, как и их королева-гиена, вернее, Паучиха, были проблемой тётушки. Она достойна была того, чтобы своих недругов уничтожить самостоятельно, со вкусом.

Если же она всё же попросит Никко задействовать её таланты, что было откровенно говоря крайне маловероятно, то она, несомненно, согласится.

Но до этого — будет в стороне.

Как и Веарди.

Им обоим вмешиваться было себе дороже, да и вряд ли они могли быть полезными тётушке.

У неё были Тени с Лирен Рес во главе, пусть та официально и отошла от дел, но все всё понимали. У неё была народная любовь, авторитет, не зря же её прозвали Диалори.

А ещё — у неё был дракон, её старая боевая подруга. И — не молоденький зверь, вчерашний птенец, а громадное чудовище, прошедшее войны на Вольных Островах, создание новой империи и покорение севера. Опытный воин и безжалостный к врагам своей всадницы монстр.

Одной её, Зари, было достаточно, чтобы сжечь дотла весь Диорен.

Немалая часть нынешнего поколения крылатых была потомками Зари...

Драконы лишь в юности своей выросли быстро, но расти они продолжали всю жизнь. Десятилетний дракон уже мог носить на себе всадника и сражаться, но всё равно был слишком уязвим. Опытный воин был бы способен убить его — потому солдаты ледианцев и оказывались столь эффективны. А вот старые драконы... Их во всей Ианэ было немного — собственно, драконы старшего поколения Талэ. Древние драконы погибли во время Прорыва, сражаясь с Искаженными, более молодые, ушедшие за век до этого на Леду в надежде найти себе новый дом, стали жертвами конфликта с людьми, населявшими Вольные Острова. В конце концов, от крылатого народа осталось лишь несколько представителей — совсем юные птенцы и кладки яиц, ждавших своего часа. И несколько старейшин, их оберегавших.

Заря была одной из них.

Той, кто выбрала себе тогда Мию, совсем юную девочку, и поклялась своему Шесс'Алори оберегать её, его маленькую сестру.

И оберегала.

Сына, правда, уберечь ей не смогла...

Но не вина дракона в том.

Главное, чтобы Заря не решила отомстить самолично и не сожгла королевский дворец, неловко бы вышло.

Да... Тётушка справится.

А у Никко сейчас была своя проблема. Спасибо брату, озадачил.

Хотя она кривила душой — доверие Веарди ей было дорого и приятно, а то, что он со своей... неприятностью обратился именно к ней, невероятно подкупало. Брат был одним из немногих, кто считался с ней и признавал её таланты.

Помочь ему было делом чести.

Потому Никко решила совместить приятное с полезным — вместо того, чтобы возвращаться в столицу, она направилась в противоположную сторону.

Девона, может, и не было в стране, зато его жена — была.

И библиотека — была.

Благо, в Ваккеш Ати можно было спокойно добраться по воде, всего лишь вдоль восточного побережья добраться до Хацрея, который соединял Хашесс с Дишейским морем, а там, на крутом северном берегу, в устье Циаши расположилось Гнездо.

Навестить невестку предложила тётушка.

Идея эта, на самом деле, хорошая, дававшая прекрасную отсрочку возвращения в опустылевшую столицу. Никко не стала от неё отказываться. Может быть она и ненавидела путешествия в конных экипажах, да и полёты явно были не для неё, зато корабли — её страсть, и проводить время в странствиях она любила не меньше Девона

Как забавно...

Возможностей для этого у неё формально было меньше, но именно ей отец подарил собственный корабль с лучшим из лучших экипажем. Это она была не скована в средствах и

даже пользовалась этим — как сейчас, например. А свободным все равно был старший брат...

Заглянув в Ваккеш Ати, она по Циаши доберется до Ша и там — по Ксаи и до Тау'Ксы. А можно было махнуть рукой на возвращение домой, послать отцу письмо и направиться в Эзарен сразу из Гнезда.

И этот вариант звучал куда как заманчивее.

Отец не поощрял её тяги к странствиям, но и запрещать их совсем не торопился — запертой в Тау'Ксе она не была, но в большинстве своём её сопровождала свита и отцовская гвардия, и об анонимности можно было и лишь мечтать.

Наверное, отец был просто в ней разочарован.

В конце концов, из всех Талэ она была единственной, кто не оседлал дракона. И единственной, кто к этому и не стремился. Тысячи юных сайши жаждали стать Всадниками, а у неё было для этого всё. Но она своими возможностями не пользовалась.

И не хотела.

Драконы не приводили её в тот восторг, что испытывали перед ними её братья и сестра.

Высота и скорость вызывали в ней лишь тошноту и отвращение, чешуйчатая крылатая туша пугала до оторопи.

Она — Талэ, дочь Шесс'Алори, и верные отцу эти жуткие создания б её не тронули. Но были и мятежные драконы. Шесть лет назад кровь потомка Эйрена в Девоне не помешала им на него напасть.

Другое дело — брат сумел подчинить тех тварей себе, остановив очередной мятеж и получив за это от самих же цишен титул Шессо'Цаали, Дракон Севера.

Вроде бы так в древности, во времена независимости Умэ-Цаали, цишен называли своих защитников. Это могли быть и не правители, но — народные герои, заступники обиженных.

На самом деле очень интересно было наблюдать за тем, как сильно отличались порядки на Западе и здесь, в землях брата. За тем, как он изменил под себя всё то, чему их учили с детства, взяв только нужное ему и отбросив всё то, что сковывало и ограничивало.

Лучше всего наблюдать за было в Ваккеш Ати.

Там, в одной из резных каменных галерей можно было сидеть с Олой и, находясь под охраной Вакке, пить душистый чай с северными сладостями, разговаривать обо всём на свете и — ни о чём. Сестрица никогда не смотрела на неё сверху вниз, ни в буквальном, ни в переносном смысле, относясь к Никко как к равной.

Впрочем, они и были ими — равными.

Принцессами.

Дочерями королей, обречёнными стать другим королям жёнами и рожать им наследников...

— Как я погляжу, у вас новый ворон? — спрашивала она тогда сестрицу, прослеживая её взгляд, направленный на предмет разговора — юного сайши с незнакомым Никко лицом.

Парнишка тренировался вместе с остальными адептами под руководством своего наставника. Удивительно, на самом деле — не считая свиты Олы, это было первое со времени их с Девонем свадьбы пополнение в рядах Вакке.

— Я бы сказала — «вороненок», — задумчиво протянула Ола, поворачиваясь обратно к Никко. — Мальчик твой ровесник. Но Девон считает его многообещающим и перспективным птенчиком.

Девон, значит, считает.

Занятно.

Он то как раз новых личностей в своём окружении не терпел. Уж не дражайшая сестрица ли изменила его мнение? Муж, как известно голова в семье, да голова смотрит туда-сюда куда шея повернется.

— А ты?

— Ну, — усмехаясь, Ола неторопливо сделала новый глоток чая, не спеша отвечать. — Он, будучи не обученным юнцом, пережил встречу с Искажённым и даже навёл на него наш патруль.

Что?

Искаженный?

Да на землях Девона?!

— Где он откопал Искажённого в глуби континента?

— У Девона возник тот же вопрос, — смешок. — Есть в этом мальчике что-то... что-то.

Да.

Что-то — есть.

Точно.

Как минимум то, с каким обожанием тот смотрел на свою госпожу.

Как тянулся всей своей сутью к ней, словно маленькая звездочка, выпуская яркие протуберанцы своей силы в пространство, словно бы энергии было тесно в хрупком человеческом теле...

А потом Никко внезапно поняла.

Не удивительно, что Искажённый напал на парнишку.

— Этот... Вороненок... ведь первый в Ваккеш Ати светлый сайши? — выдохнула Никко, замечая наконец окрас окружавшей парнишка энергии.

— Второй.

— А кто первый?

— Я.

Да.

Первой была Ола.

И целых шесть лет — единственной.

Наверное, потому мальчик так тянулся к ней — чуял схожую по природе силу.

Так для себя Никко объяснила всё, решив больше в этом не копать, от греха подальше. И вообще, она в библиотеку прибыла, и ей срочно нужно в библиотеку! Искать ответы.

Нашла.

И, взяв копии необходимых книг, забрала их с собой. Думается, это будет достойный свадебный подарок брату.

Он должен оценить.

Казалось бы, заметить среди толпы хелишен ещё одну кудрявую макушку было неудивительно, но что-то в лице девушки показалось знакомым Никко. Всех лордов и леди Юга она знала в лицо — гостить у брата ей доводилось немало, было время, да и матушка настаивала на знании всех Великих Кланов.

Девушка явно была родом из такого, но, удивительно — не южанка. Или не удивительно, если хелишен были её предки, что случалось весьма часто.

Этой же леди явно была старше Никко на несколько лет. Но при этом ей явно было некомфортно находиться в таком скоплении народа, которое из себя представлял свадебный пир.

А вот одежды незнакомки были явно восточными. Более того — внезапно поняла Никко — девушка носила на себе цвета Дома Шисэ. Но из женщин этого дома не было ни одной шесс'ен — они все сплошь люди.

И вот девушка повернулась лицом в сторону Никко и её озарила догадка.

— Идо Ксерай, Вы ли это? — улыбнулась принцесса, подойдя к оказавшейся не такой уж незнакомой незнакомке.

— Выше Высочество... — идо Ксерай испуганно поклонилась — вот что значит воспитание, даже десятилетие вне дома не вытравили его. — Неужто Вы меня помните?

О, ещё как, дорогая Наэшафи.

Ведь твой дерзкий поступок стал предметом сплетен на долгие годы.

И даже причиной насмешек некоторых идиотов над ней, Никко — ведь те не понимали, что произошло на самом деле. Какой прецедент!

— Как не помнить девушку, которая перспективе становления частью моей свиты предпочла неизвестность и сбежала из отчего дома.

О, милая, что же ты так пугаешься!

— На самом деле я...

— ...Выполнив тем самым главную мечту многих высокородных дев, скованных традициями и родительской волей, взглядом на их будущее, — довершила Никко свою мысль, с гордостью отмечая ошеломление на лице собеседницы. — Вы не стали терпеть, но стали решать свою судьбу сами.

И сделали это даже раньше Ареки, которая, вялимо, просто последовала примеру Наэшафи.

Пока идо Ксерай размышляла над её словами, принцесса рассматривала её. Ту, кто не побоялась сбежать из-под опеки деда. Ту, что, вблизи это было более чем очевидно, и она не ошиблась, носила на себе цвета правителей востока, но ещё и алый — знак, что она была под защитой Талэ. Под защитой тётушки.

Так...

Интересно!

В просторных одеяния это было едва заметно, под определённым углом становился очевидным чуть выпирающий живот.

Занятно!

— Никогда не думала об этом с такой точки зрения, — произнесла в итоге девушка задумчиво.

О, неужели её так озадачило, что кто-то может её поддержать?

Бедняжка.

— Зря. Все мы птицы в золотых клетках, — усмехнулась Никко. — Арека — ворон, я, если верить имени, — сова[1], Вы, стало быть, сокол.

— С чего вы взяли?

Ох, а почему вы напряглись, дорогая Наэшафи?

Неужто что-то крылось за этой чудесной степной птицей?

Вы же только кажетесь хрупкой и слабой, но Вы — хищник, стремительный и неумолимый. Никко знала такую породу. Но ежели то Ваш секрет...

— Ваша мать была хелишен, если я правильно помню, а сокол — символ Юга. В конце концов, не золотой ли сокол красуется на знамёнах сегодня?

— Ваша правда.

— Хотя мне всё ещё любопытно, что же делает молодая госпожа Ксерай на королевской свадьбе, если даже её лорд дед не приглашён?

Ещё и в цветах Шисэ и Талэ.

— О, дорогая племянница, милейшая Наэшафи присутствует сегодня в качестве моей спутницы, — подтвердила предположения Никко внезапно появившаяся сбоку тётушка. Теперь, спустя несколько месяцев с их последней встречи она выглядела намного лучше. Здоровее. Решительнее. Она уже не казалась сломленной и отчаявшейся, как в момент их прощания. — В конце концов, нам скоро с ней доведётся породниться. Как только минует положенные полгода траура, она станет моей снохой.

Вот оно как...

— Так значит передо мной будущая принцесса Востока?

— И быть вам сестрами.

— Это же чудесно! — сладко, приторно улыбнулась Никко, желая в этот мёд вложить как можно больше яда. — Прошла пора войн и настала пора свадеб.

Нашли время.

Идиоты.

Месяц едва прошёл с похорон Леана, а вы уже подыскали его брату невесту...

Небось ещё и глупышка повелась на сладкие речи Риена, что-нибудь ей наобещавшего, и выставят это как романтическую историю запретной любви, которая смогла преодолеть все преграды. А на деле подхватили её под белые ручки и всё — прощай свобода, здравствуй золотой венец и статус матери наследника.

Действительно, бедняжка.

Сбежать из одной золотой клетки, чтобы угодить в другую — страшная судьба.

...Главное чтобы Наэшафи не приняла её сарказм на свой счет — вряд ли девушка могла в принципе что-то решать. Такая же безвольная невеста, как и Цонора, только жених ей достался самый мерзкий.

Ха!

Да как Паучиха позволила своему наследничку спутаться с хелишен?!

Нет... Всё-таки, что эта удивительная шесс'ен нашла в Риене? Он же посредственностью во всём, что можно только представить, лишь хлестать вино да тискать девиц способен — кривое отражение своего отца, которого хоть народ любил невесту за что. Видимо, за тётушку Мию.

— Новое поколение входит в силу, — покачала тётушка головой. — Я рада, что скоро моё сможет наконец уйти на покой. Кажется, многим мы уже надоели своими кислыми лицами.

— Госпожа! — воскликнула идо Наэшафи возмущённо. — Что вы такое говорите!

Мия усмехнулась.

О, дорогая, ты ещё не знакома близко со своей будущей свекровью — привыкай. Теперь всегда так будет. Её стальная воля может посоперничать только с её острым языком — иначе женщине не удержаться у власти столько лет.

— Кажется, я совсем засмутила нашу милую Наэшафи. Покину вас, девочки, развлекайтесь.

И исчезла в толпе, как не бывало.

Опять за своё...

— Тётушка действительно порою слишком давит на всех, — вздохнула Никко сочувственно, — не обращайтесь внимания.

— Благодарю за совет, Ваше Высочество.

— Идо Ксерай, Вы — невеста моего брата, всё равно что сестра. Предлагаю общаться на равных, без титулов.

— Тогда... зови меня Эша, пожалуйста. Ненавижу своё полное имя.

Эша? Seriously?!

— Значит, действительно, сокол? Забавно, — принцесса улыбалась. — А теперь расскажи мне, почему телохранитель Веарди прожигает взглядом любого, кто к тебе подходит и кажется, с большим желанием оказался бы за твоим плечом, а не рядом с нашим дорогим братцем.

[1] Никко — женская форма аксаанского имени Никка, что дословно переводится как «сова».

Глава 22. Шани Талэ

С днём рождения меня!

Шани хорошо знал историю своей семьи. Все её взлёты и падения, все самые важные моменты прошлого, сыгравшие свою роль в становлении, развитии и падении государства.

Положение наследника обязывало, всё-таки.

Он знал историю Эйрена Великого и каждого из его выдающихся потомков.

Знал про времена расцвета империи, когда Дом Талэ был очень многочисленным, одним из крупнейших. У каждого Владыки было множество жён и детей, братьев, сестёр, племянников, и всякий из них был драконьим всадником, ибо только богоизбранная семья потомков Первого Короля могла править драконьим народом и подчинять себе последних детей погибшего народа крылатого. Наказанные за свою гордыню и высокомерие, драконы, бывшие слуги Мрака, должны были, волей Стража, подчиниться Эйрену и всем в ком текла его кровь.

Долгие века, тысячи лет, с самого создания империи было так.

Те кланы, что породнились с Талэ, в чьих венах текла та же кровь, отдавали своих детей, чтобы те могли стать всадниками, ведь это была великая честь. Служить короне, служить Владыке — честь.

И всё было хорошо до тех пор, пока династия не стала приходить в упадок...

Лучше всего Шани знал про падения их династии, приведшее к Прорыву. И, что важнее — историю нового возвышения Талэ.

Шани мог не задумываясь рассказать и про Исход Драконов, случившийся в царствование Ниффе Третьего, и про последовавшую за ним проигранную войну с северянами, наконец создавшими независимое государство и изолировавшимися ото всех остальных.

Мог рассказать про век упада нравов и медленного духовного развращения народа, про мятеж Верных, возглавленный Саалоной Риши. Они отреклись от Владыки и всего что имели под золотыми небесами, чтобы уйти вслед за драконами. Именно потомки Верных стали армией его отца, когда новый владыка вернулся в Шесс'Баа, чтобы взять принадлежавшее ему по праву.

И хоть род Риши угас — ветка Саалоны была уничтожена в ходе компаний Союза Аниа, а неотрёкшиеся стали одними из первых жертв Прорыва — подвиги этого Клана остались в веках, и в День Скорби их души поминали наравне с прочими героями древности.

И много ещё было таких угасших старых родов. Больше, чем пришедших им на смену, увы. Высокородные шесс'ен вырождались, хотя их потомков среди людей становилось всё больше.

Драконья кровь разбавилась человеческой — так про это говорили северяне, с презрением относившиеся к подобному. Хоть в этом и не было ничего плохого. Их, шесс'ен, задачей, в конце концов, было уберечь осиротевший мир и быть защитниками старшему народу...

И в людях не было ничего плохого. Народ, лишившийся своего Творца, они были свободны в выборе своей судьбы. Они сами решали, каким богам поклоняться, сами развивали в себе ту энергию, какую хотели. У них не было predeterminedности. Не было

заступников, но не было и повелителей.

Старший народ...

Свободный народ.

В них были благородство и честь, Шани знал много таких людей, но были и подлецы. Были и злодеи, равнодушные к божьим законам — потому что они знали, что Богам на них было плевать. У них не было своего пантеона, своего мира, своей религии и своего Светила. У них были лишь те, кто вознёсся и сам стал божеством — и лишь в таких люди верили.

Верили в свою собственную силу и волю.

Что-то в этом было...

Что-то, что предопределило его, Шани рождение.

В конце концов, именно такие люди похитили и искалечили Девона...

...Шани *знал* историю.

Шани *не любил* историю.

Не потому что она была скучной — напротив, сплошные легенды и саги, даже политика в ней уже не казалась столь запутанной.

Просто слишком горько было думать о всё минувшем.

О былом великолепии.

О былом крахе.

Матушка правда старалась, подбирая наставников таким образом чтобы хоть он, самый младший ребенок, оправдал их с отцом надежды. Груз возложенные на него ожиданий порою казался Шани невыносимым.

Он знал — множество юношей по всей стране, и, вероятно, даже его родные братья отчаянно завидовали его положению. Наверное, эгоистично было иногда мечтать о жизни простого ребёнка. Об обычном, не благородном происхождении, о не обременённых властью родителях, о любящих братьях и сёстрах, в чьих глазах не блеснул холод неприязни.

Больно было знать, что всем своим существованием он был обязан только двум фактам — Девон оказался вычеркнут из линии наследования, а Никко родилась девочкой.

Слишком часто Шани тыкали лицом в ошибки брата — он тоже был любознателен и непоседлив, он тоже летал на своём драконе словно бы родился на его спине, словно бы сам он крылат, словно бы был его частью, так естественно и привычно это было для ребёнка — истинно драконья душа.

До того, как всё рухнуло.

До того, когда Девон взял больше, чем был способен вынести, защищаясь. До того, как он иссушил свои меридианы, истощил внутренний источник, став несостоятельным как сайши.

Калекой.

Который точно не мог быть лицом империи.

Придворные часто обвиняли Девона в женоподобности, говорили о нём грязные вещи, за которые должно бы вырвать их лживые языки. Но отец почему-то это игнорировал. Всегда игнорировал.

Как почему-то всё те же придворные игнорировали женственность и изящность самого Владыки. Отец был высок, да, но талия его была узка, а движения грациозны. Тонкая длинная шея и длинные же волосы создавали образ обманчиво хрупкий, иллюзорно безобидный.

Говорили, Страж в материальном своём воплощении был таким же. Потому что

Дха'авир'е заключали в себя всё, и в каждом Высшем заключалась и мужская и женская ипостась, и сами они выбирали как называться и выглядеть.

Говорили, Эйрен Великий был таким же.

Говорили, отец был не потомком Эйрену, а единокровным братом. Что породил его сам Страж, жажда спасать свой угасающий народ.

Чушь, конечно.

Но народ верил в эту чушь.

Отец действительно не был похож на выходца из клана Олэй, кем являлся по рождению... В отличие от своих братьев и сестры, пусть дядюшка Руни и не был родным им по крови. Да и те же Веарди и Арека, да даже сам Шани явно пошли или в сторону матери, или в Олэй, будучи крепче, приземистее, коренастее.

Только Никко и Девон были более все иных похожи на отца.

И не только внешностью, пожалуй.

Им не сиделось на месте...

Брат и сестра рвались в странствие, и при первой же возможности покидали дом, отправляясь навстречу неизвестности. Как и отец когда-то в юности, на своём пути к воцарению...

То, что поощрялось и славилось в их отце, ставили им в вину.

Как иронично...

Да, Шани хорошо знал историю империи и династии Талэ.

Но знать — не значит любить.

Любил он истории гораздо более древние. Те, что можно найти в священных писаниях. Те, что жрицы рассказывали на проповедях. Те, что повествовали о рождении их вселенной, о Праматери и Творцах. О других мирах и их народах. О древних богах. Об одном из них, что пошёл против всех, став Убийцей Светил...

О драконах.

Изначально была только бесконечная и необъятная пустота Первородного Хаоса. В нём не было ничего и было абсолютно всё. Смертным невозможно осознать, что он такое, это вне их понимания.

Но зато сама пустота осознала себя.

И тогда появилась мысль.

И мыслью той была «Ианэ» — вселенная, что родилась из неё.

И мыслью этой сама себя воплотила Праматерь, Эйра.

Взяла она двенадцать капель своей сути и создала Творцов, что по задумке её зажигали звёзды и создавали миры, каждый — свой. И каждый Творец создал по миру. Кто из глины, кто из камня, кто из льда, а кто из жаркого пламени, на свой вкус и по своему разумению слепил для них жителей — так появились первые народы Ианэ, в которых Праматерь вдохнула души.

Дала она народам, внукам своим, бессмертным и вечно юным, знание о таинстве сай'и — сути мира, которой можно повелевать при должном умении. А чтобы контролировать это, создала она Свет и Тьму, Абеша и Дха.

Свет рассказал первым народам о всём материальном — о дожде и ветре, о стихиях и них самих. Вложил Абеш в эти народы со своим знанием частицу собственной сути, наделил их даром, и стали те называться Светлыми.

Тьма рассказала обо всём духовном — о душе и смерти, об искусстве и разуме, о снах и грани миров. Те народы, что вняли её мудрости, стали тёмными, неся в себе благословение Дха.

Но на закате Первой Эпохи Дха и Абеиш поссорились, решая, что же важнее — материальное или духовное. В результате их дуэли оба погибли, лишившись тел. Разозлённая и расстроенная произошедшим, Праматерь, воскресила своих детей и наказала им создать своих заместителей, каждый из которых будет отвечать за что-то одно из того, что раньше контролировали Свет и Тьма, а сами они должны были удалиться в Безвременье, и уже оттуда наблюдать за Ианэ, не вмешиваясь, как делала и она.

Так появились Светлый и Тёмный Пантеоны.

Абеиш породил Риду, богиню лета, плодородия и деторождения; Миаиш, богиню семьи и брака; Хаиш, бога весны и юности; Эмиша, бога осени и старости; Ариташа, бога морей и водной стихии; Олите, богиню зимы, снега и холода.

Дха породила Саинэ, богиню смерти, правосудия и справедливости; Вениа, бога времени и памяти; Таиша, бога надежды и веры; Лийаиш, богиню искусства и вдохновения; Арана, бога войны и власти.

Их нарекли третьим поколением Высших, но первыми, кого истинно называли богами.

С их появлением началась Вторая Эпоха, ознаменовавшаяся приходом смерти в Ианэ. С тех пор, как бесконечный свет Абеиша перестал пронзать всё и каждого, даря вечную жизнь, в миры пришли старость, увядание и гибель. Раньше неразрушимые оболочки перестали быть таковыми, и, дряхлея, те обращались в прах, чтобы души отправлялись на суд Саинэ или, минуя его, сразу в новую жизнь, разум же сливался с сутью мира, дополняя и формируя её, а тело возвращалось в землю. Но вместе с тем, ставшие смертными народы миров Ианэ получили взамен возможность создавать саму эту жизнь — производить на свет себе подобных. Способность рождать детей... От плоти и крови своей, а не от сути и души, как это делали боги.

Без поддержки младшего брата своего, Творцы не могли долго поддерживать свет, дарующий жизнь, и одновременно с тем разбираться с проблемами новоявленных смертных. И обернулись они тогда Светилами своих миров, чтобы дарить им свои силы, заняв тем место ушедшего в Безвременье Абеиша, оставив управление народами на них самих, избрав каждому достойного правителя, а приглядывать же за ними должны были боги Светлого и Тёмного Пантеонов. Став Светилами, Творцы потеряли возможность как-либо вмешиваться.

Но без внимания и справедливого суда Творцов жутко расплодившиеся смертные не могли уже разрешить свои конфликты и погрязли в бесконечных и бессмысленных войнах.

Глядя на то, как были несчастны живые смертные, как страдали они почти каждый свой миг, как взывали к нему, моля и надежде и чуде, Таиш сошёл с ума от ужаса и боли, от несправедливости и неправильности происходящего.

Он видел, что в Белом Городе, в обители его старшей сестры, Саинэ, души существовали в умиротворении, свободные от мирских забот и переживаний.

От жизни.

От тела.

Вот только войти в Белый город могла не всякая душа, а лишь раскаявшаяся и простившая себя. Остальные были обречены на вечные скитания по Пустоши или на бесконечный круг перерождений.

И тогда Таши, благодаря молитвам отчаявшихся сильнейший из богов, решил всех спасти — и тем спасти и самого себя.

Он видел надежду только в беспробудном Мраке, в котором чувства и мысли становились бессмысленными, бесполезными, в котором существовало только блаженное ничто, где не была света жизни, где сама суть мироздания теряла свою силу. Но в отличие от Хаоса тот Мрак не разрывал, не поглощал, не уничтожал всё в него попадавшее, а лишь обволакивал и искажал, делая себе подобным.

И был тот Мрак бескрайним, вечным и непостижимым, лишённым звездного света и внимания Творцов. Противоположное всему тому, что создала Праматерь, всё, что осталось от Хаоса, который если и существовал теперь где-то, то явно за пределами Ианэ и защищавших её Граней Безвременья.

Жаждая создать обитель для спасённых им душ, соткал Таши из того Мрака Бездну.

Он гасил Светила одно за другим, губя целые миры и забирая их народы в свои чертоги, где они могли бы быть свободными от жизни и страдания. Где они могли бы стать счастливыми и вечными.

Но не учел Таши, что лишившиеся света, прикоснувшиеся к его Мраку души искажались, становясь обречёнными уже на бесконечные муки — не способные жить и не способные окончательно исчезнуть.

Не замечал этого обезумевший от боли этих душ Таши, Убийца Светил, продолжая губить миры до тех пор, пока Аран, бог войны, не сразил его, запечатав вместе с искаженными душами во всё той же Бездне.

Не под силу Ему, наречённому Стражем Жизни, было уничтожить старшего брата и его слуг окончательно, мог навредить Он смертным Своей божественной силой, уничтожить оставшиеся миры, пытаясь.

И тогда создал Он из душ бывших народов Цавербы цав'ен, детей умирающей Солы, чтобы хранили они и оберегали свой мир от Разлома и недобитых Тварей.

Из душ драконов, детей золотого неба А'Ксаана, Он создал драконий же народ, дав им племенную суть и почти человеческое тело.

И стали шесс'ен и цав'ен последними темными народами.

С победы над Убийцей Светил началась Третья Эпоха.

Ранее уважаемые в Ианэ тёмные народы стали гонимы и ненавидимы за дела одного из своих богов, хоть и были они созданы уже после его заточения, хоть и были они созданы для того, чтобы оберегать от тварей остальные миры.

Не желали светлые внять этой истине, выбрав веру в предрассудки.

...А чтобы не рассорились меж собой уже сами горячекровые шесс'ен, чтобы не стали последние драконы вновь чинить козни другим смертным, Аран принял смертный облик, и зачал сильнейшей из смертных дев сына.

И нарёк Он Своё дитя Эйреном Талэ, Стражем Крови.

И несла династия имя это, знаменуя о своей принадлежности к крови сильнейшего бога.

И вела династия Талэ свой род от победителя Убийцы Светил, и всякому дитя этого Дома, кого благословил Прародитель, покорялись драконы, признавая в том потомка Первого Владыки, потомка Стража.

Так длилось много веков, пока великий дом не выродился, потеряв благословение своего Прародителя, пока освобождённые от клятвы драконы не покинули мир золотых небес,

пока Прорыв и падение империи не знаменовали начало Четвёртой Эпохи.

И длилось она, пока Верные не искупили вину своего народа, пока не вернулось к последним Талэ благословение и не послал им Страж сильнейшего из Своих потомков, пока не нарек Он его собственным же именем.

И покорил юный Владыка драконов обратно, и принял их новую клятву, и вернулся с ними под золотые небеса, чтобы занять принадлежавший ему по праву трон и восстановить империю.

И с коронацией юного Владыки началась Пятая Эпоха.

Да, да, да, и шёл уже девятнадцатый день десятого месяца восемьдесят седьмого года Пятой Эпохи...

Очередной обычный день.

Обычное начало недели.

Обычная проповедь в Храме Трёх.

Жрицы Стража вещали о святости и богоизбранности его семьи, а Шани было тошно.

Боги в предках?

А есть они, эти боги?

Если и есть, то почему так равнодушны они к страданиям смертных? Неужто боятся стать новыми Убийцами Светил?

Как же всё это было гадко...

Ола рассказывала, что у лед'ен было своё летоисчисление, и им не было дела до аксаанских Владык, что и не удивительно, у них собственных хватало, история спящего народа не менее богата и удивительна, чем у драконьего.

У лед'ен счёт лет шёл от коронации Литы.

Были ещё те, кто угодливо предлагал королю Хар-Ани, уничтожившему Тау-Ри-Эвен в его первоначальном варианте, назвать своё правление новой Эпохой, и сторонников у этого было на удивление много, но сам Чёрная Птица не считал себя равным своему великому предку и на подобное предложение только разозлился.

Потому, пока на А'Ксаане шёл восемьдесят седьмой год, на Леде недавно встретили две тысячи триста пятый.

Летоисчисление Нетала и Аритума никогда не интересовали Шани, это были всё же одни из самых отдалённых миров, с которыми у империи почти не было торговых отношений и в принципе причин для какого-либо сотрудничества.

А вот Цаверба всё ещё считала годы от Прорыва, для них Четвёртая Эпоха не заканчивались, и его царственного отца они считали не более чем узурпатором и поработителем обретших свободу шесс'ен.

Видимо, именно освобождением Братского народа они оправдывали своё вероломное нападение девять лет назад.

Шани помнил свой ужас тех лет — когда началась война, ему едва исполнилось шесть лет. Северяне, предав Владыку, пропустили по своим речным путям флот вторженцев, оставшись нетронутыми. И флот цав'ен, укрытый мощными чарами скрытности и отведения внимания, пробрался в самое сердце империи и осадил ничего не ожидавшую столицу.

В войнах с людьми и подавлении восстаний драконы были крайне эффективным аргументом сдаться и не испытывать судьбу и терпение владыки, но цав'ен, бесстрашные и безрассудные дети умирающей Солы, способные поднимать и контролировать нежить, были

страшными врагами. Они не боялись драконов, сбивая их, а потом поднимая Тварями и натравливая на ещё живых их собратьев.

Это было страшно.

Расколотые синим и алым пламенем небеса и падавшие из-под облаков драконы со своими всадниками — то, что он заполнил лучше всего.

Такое невозможно забыть...

В конце концов на бой вышел отец и самолично испепелил вражеский флот, сняв осаду, но к тому моменту полсотни всадников и их драконов были уже мертвы. Пожалуй, на то, чтобы упокоить мертвецов ушло даже больше времени, чем Тау'Кса была в осаде, и в результате Клань тоже понесли потери — цав'ен прекрасно умели создавать практически неуязвимых тварей.

Может быть всё было бы иначе, реши отец остановиться на этом, но он отправился в карательный поход, опрометчиво забрав с собой ещё и всадников севера, Ареку и лорда Тиори.

Конечно, матушка более чем хорошо справилась с восстановлением столицы, в ней никто и не сомневался, но вот что случилось между отцом и сестрой под светом Солы, неизвестно — Арека, не возвращаясь в империю, сбежала в Тау-Ри-Эвен, отрекаясь от своего титула, и никто не сумел ей в этом помешать.

И из двух сестёр рядом с тогда ещё совсем маленьким Шани осталась только Никко.

И ему было из-за этого невыносимо одиноко.

Воевать на родной земле врага оказалось сложнее, чем на территории империи — Шесс'Вод'е не могли помочь своим детям, и в боях с Цоасским царством шесс'ен потеряли почти всех отправившихся в поход всадников, больше половины флота и невообразимое количество солдат.

Но, в конце концов, Цоасси покорились, выплатили громадою контрибуцию, а ещё в качестве почётной заложницы отдали свою совсем юную царевну.

Цонору.

Которая должна была стать женой Веарди, скрепляя тем договор, согласно которому цавербийский город-государство Цоасси становился, подобно Вольным Островам, частью империи и обязывался платить дань.

Возможно, у этих варваров было естественном, чтобы одиннадцатилетняя девочка стала женой шестнадцатилетнему юноше, потому что ставший наместником цавербийский царь именно этого и ожидал, но отец проявил благоразумие и настоял — свадьба состоится только после совершеннолетия девочки, и никак иначе.

И вот, семь лет спустя, Цонора месяц назад выполнила свой долг, выйдя замуж за одного из сыновей Владыки.

Естественно, за отец бы не позволил дикарке стать императрицей, как не позволил бы ей стать королевой севера, поэтому в жены Девону и ему, Шани, никто её и не предлагал, хотя, говорят, отец Цоноры на том очень настаивал.

Мнением же Веарди в этом вопросе интересоваться тоже никто не собирался.

Их царственный отец всегда был излишне авторитарен. Противиться его воле посмели только близнецы. И им это вышло боком...

Впрочем, не похоже, чтобы хитреца Девона это хоть сколько-то расстраивало. Напротив, он словно бы наслаждался всем происходящим, получая удовольствие от каждого мига. Подобное отношение к жизни удивляло. Отец, казалось, считал Девона пьяницей,

повесой и в принципе слабым звеном династии. Может, потому и лишил его права наследования. Хотя, вероятнее, именно такое отношение отца сделало брата тем, кем он являлся сейчас. Самый уязвимый, он был самым бесстрашным, на грани безумия. По крайней мере, из всех детей Владыки только он мог одобрить побег сестры в Тау-Ри-Эвен, самому отправиться туда чтобы поддержать её, а вернуться с прелестной молоденькой женой.

Этому даже никто не удивился.

При дворе вечно ходили слухи о похождениях брата. О его сомнительных подвигах в постоянных странствиях.

Нет, удивились тому, что девица оказалась не каким-то нежным цветком из публичного дома, а самой настоящей принцессой. Дочерью Хайсена Расери. Ещё и сайши. Брат познакомился с ней именно в Тау-Ри-Эвен, где та прилежно училась ранее, а не незадолго до их знакомства стала адептом.

В глаза брату это никто не говорил, но даже их царственный отец, казалось, считал, что Ола — лучшее, что могло случиться с Девонем, но он её просто был не достоин...

И хотя все видели, как брат изменился, остепенился, как он боготворит жену, носил бы её на руках если бы мог, но странствий своих не оставил, хоть в сомнительной компании его больше не видели.

Даже те, кто предвзято относился к лед'ен и светлым в принципе считали, что добродетельная Ола была достойна лучшего, чем немощный вечно отсутствующий муж-пьяница, не способный даже сына зачать. И как ему только править Севером дальше? Небось, станет марионеткой в руках Совета Лордов, или Ола снизойдет и будет править от имени мужа. Жаль её, бедняжку...

Но несчастной Ола не была, Шани знал.

Ола фактически управляла Ваккеш Ати в отсутствие мужа, то есть практически всегда, и грозную силу из Воронов сделала именно она.

Хотя и Девона недооценивать было глупо. Почему придворные забывали, кто подавил мятеж северян?

Когда во время цавербийского похода Владыки оставшиеся всадники подняли восстание, справедливо полагая, что кровопролитная война ослабит Тау'Ксу и они смогут обрести так желанную ими независимость. Дядюшка Руни был арестован и помещён под стражу. Убивать саи-ри Владыки было чревато, да и его хотели вернуть Владыке в качестве жеста доброй воли. Мару, верного пса отца, тоже не было в Талурене, чтобы предотвратить восстание.

В чём-то мятежников можно было понять — почти половину лордов Севера отец казнил за предательство, ведь именно они, сговорившись с цав'ен, пропустили врагов в самое сердце империи. А сыновья убитых просто выполняли свой долг — отстаивали честь семьи, искренне веря в праведность собственных действий.

Как они смогли обойти навешанные на них клятвы — другой вопрос. Шани думал, что это невозможно.

Так или иначе, мятежники напали на Ваккеш Ати, желая взять в заложники Олу и угрожая ей заставить Девона отречься. К их несчастью, брат оказался дома, и сумел, к всеобщему шоку, подчинить драконов, а вместе с ними и их всадников. Он убедил мятежников сложить оружие и сдаться, пообещав им защитить их от гнева отца и добиться максимально возможной независимости для Севера. Все понимали, что стоит закончиться

цавербийской компании, и Владыка примется за северян, затягивая удавку на их горле потуже, лишая их оставшихся крох свободы.

Казалось, в слова Девона они не особо верили.

А зря.

Потому что он их сдержал.

Неизвестно, о чем отец и брат говорили так долго, запершись в кабинете освобождённого к тому моменту Руни, но по итогу никаких санкций в сторону Севера не последовало, и они смогли спокойно дальше сами решать, с кем им торговать.

Вот только всадников Талурен лишился.

Все пережившие войну драконы севера и их всадники оказались в ведении Девона, став частью его Вакке.

А те, кто не желал подчиниться... Кто знал, где теперь из души?

Глава 23. Цонора Цоасси

В честь моего дня рождения — внеочередная глава!

Удивительно крупные хлопья снега, медленно кружась, укрывали толстым одеялом застывшую в сонном оцепенении степь, скованную льдом могучую Ивору, соединённую каналом с таким же застывшим Иттаром, крыши домов, улочки города, целый мир!..

Ветра не было.

Казалось, весь тот мир затих, и остался только стук сердца — и облачка пара, появлявшиеся с каждым выдохом.

По скромному мнению Цоноры было тепло, даже по сравнению с зимами в Тау'Ксе — хотя для Юга эта погода считалась суровыми морозами. Как ей успели рассказать, снег выпадал далеко не всегда, а когда случалось чудо и белоснежный покров укрывал степь, он быстро таял, смываемый нудной моросью.

Великие реки тоже редко сковывались льдом достаточной толщины, чтобы он был способен выдержать вес взрослого мужчины. Много пьяных идиотов и просто любителей испытывать судьбу, явно не местных, ибо южанам с младенчества вдальбивали в голову запрет приближаться ко льду, находили свою погибель в холодной воде, обеспечивая тем популяцию гулей новыми экземплярами. А сайши кланов ниже по течению — работой.

Впрочем, жалеть глупцов, не способных внять предупреждениям, Цонора не намеревалась — те сами были виноваты в собственных бедах. Жалела она тех, кому приходилось разбираться с последствиями действий тех глупцов.

Цонора знала, как опасен лёд. Просто у неё на родине он становился таковым к поздней весне.

Всякий цав'ен умел подчиняться приказам и следовать советам — иначе они бы просто не выжили в собственном суровом мире.

Наверное, именно потому, когда служанки посоветовали ей для прогулки всё же накинуть обитый мехом плащ, она не стала спорить и послушала их. Пусть и в отличие от всё тех же служанок, сновавших по двору замка, ей не приходилось кутаться в плащ, а падавшие на щеки снежинки не вызывали желания зарыться в нежный мех, спрятаться от них.

Наверное, зима станет её порой.

Наверное, это единственное время, когда она не будет чувствовать себя несчастной и лишней в этом краю. Когда вся её суть найдёт себе применение.

Возможно, когда-нибудь она признается себе, что отчаянно скучала по родине.

И пусть отец откупился ею.

И пусть там она никогда не была по-настоящему счастлива...

Но всё же она до ноющей боли в сердце любила край, подарившей ей жизнь. Любила тёмные коридоры отцовского замка, улочки города, своды пещер, освященных колдовскими кристаллами, и Сердце города, без которого жизнь в нём была просто невозможна.

В детстве ей говорили, что это именно Страж создал прародителей их народа, и могущественные источники, что стали Сердцами городов, способными заменить свет умирающей Солы.

Благодаря этому многие цав'ен годами не поднимались на поверхность, особенно

женщины — грибы и мох росли в пещерах, ремеслами заниматься можно было и в городе, в тепле и свете, в безопасности.

Даже сама Цонора увидела снег впервые только в девятую свою осень — когда отец позволил ей подняться с ним на поверхность, чтобы встретить делегацию правителя соседнего города-царства. И снег этот в багровых лучах Сола, показался царевне самым прекрасным, что только могло существовать в Ианэ. И даже когда она обожглась о него, коснувшись, её мнение не поменялось — просто она запомнила, что красота нередко причиняла боль.

Тогда же она впервые увидела светило их мира, к слову.

И небо, усыпанное мириадами звёзд.

И беспроглядную тьму, клубившуюся на западе — самый краешек Бездны, делавший их мир столь неприветливым.

...А ещё, той же осенью, отец заключил договор с тем царем, и она должна была стать невестой юному царевичу.

А весной отец ушел в поход на А'Ксаан, оставив править её брата.

Его не было год.

Когда же он вернулся, за ним по пятам следовала пламенная смерть в виде драконьих всадников и их владыки. Они разорили то царство, с которым отец заключил договор, её жених погиб, а она, спустя долгие месяцы осады, когда народ был готов взбунтоваться от голода и самолично отдать их семью врагам, её отдали шесс'ен.

Как гарант мира, невесту второму принцу и почётную заложницу.

Цонора помнила, как ей было страшно покидать родной край навсегда. Как не хотела она отправляться к подбившим их врагам, как рыдала она, вцепившись в руку отца.

Но тот лишь смахнул её — и отдал слугам императора.

Предал её.

Последний раз Цонора видела Солу и звёзды родного мира через пелену собственных слёз.

И серый цавербийский снег.

Поэты юга видели в белизне снега что-то прекрасное. Метафору очищения мира через смерть и перерождение. Не зря же считалось, что чертоги Саинэ окружала именно что *белая* пустошь. И вечная метель.

Цонора знала цену этой красоте.

Цонора помнила, пусть уже и смутно, трескучие морозы родины и то, как тревожились женщины за своих мужей, ушедших на охоту — через раз кто-то да не возвращался. Пусть так было не во всякий год, порою, за лето удавалось собрать хорошие запасы и необходимость покидать город отпадала вовсе.

Зима — это меховые плащи, обтрескавшиеся губы и голод.

Даже у царей — голод.

Отец не желал пировать, когда народ сидел с пустыми животами, и потому в такие моменты приказывал раздавать содержимое дворцовых хранилищ.

Зима — время изоляции, когда никакие корабли не могли достигнуть цавербийских городов, потому что лёд толстым щитом сковывал моря, а безумный ветер не давал даже шанса воспользоваться санями и ездовых животными. Даже меж собой у городов-царств не было сообщения.

Суровый мир рождал суровый народ.

Снега на Цавербе было мало, вся вода давно застыла в ледниках, да и мало касалось происходившее на поверхности тех, кто не был охотником или разведчиком.

Их города-царства располагались глубоко под землёй. Там, где вечный холод не мог их достигнуть.

Их народ научился жить в таких условиях и не роптать на судьбу. Хотя, согласно преданиям и легендам, а также храмовым хроникам, до Прорыва всё было совсем иначе.

Каменный Лес был тогда живым, и именно из его древесины строились лодки и корабли, им не приходилось покупать нужные материалы у цишен и людей. Граница Бездны проходила по западному морю, и вся степь, ныне практически безжизненная, была домом для множества зверей, что паслись там и служили добычей цав'ен. Там росли ягоды и грибы, съедобные корни, и замёрзший народ тогда ел не только рыбу, водоросли да тюленьё мясо...

Но шесс'ен устроили Прорыв, и всё то изобилие погибло.

Шесс'ен устроили Прорыв — и поплатились за это. Но цав'ен заплатили гораздо большую цену — не от лап Тварей, но от внезапно начавшегося голода погибло гораздо большее её соотечественников, чем детей золотого неба.

Несправедливо.

Живя под светом Очей, Цонора научилась игнорировать это. Игнорировать так же, как и тот факт, что погубившие её царство враги относились к ней лучше чем родные братья.

Шесс'ен не голодали. Среди них не было крестьян — сплошь господа.

Шесс'ен не замерзали насмерть — с каждым из них было собственное пламя, что могло их спасти в трудный час.

Шесс'ен молились тем же богам, и рассказывали ту же историю, но почему-то Цоноре всё казалось другим. Каким-то неправильным, каким-то искажённым. Словно бы местная версия событий отличалась деталями, но уловить эту разницу, конкретные её моменты, не удавалось.

Стыдно было признаться — живя на родине, Цонора не умела читать.

Она и язык то знала только их собственный. Торговый же, по словам отца, был ей, будущей жене и матери, совершенно ни к чему.

Воевали и торговали мужчины.

Её уделом были быт и дети.

...Когда императрица узнала о её неграмотности, она пришла в ужас. И приказала ей учиться вместе с младшим принцем. Благо, она оказалась способной ученицей, и к тринадцати годам говорила и на Старой Речи, и на торговом языке спокойно, могла читать, писать и считать, при необходимости даже составлять стихотворения. Поэтические умения считались важным аспектом культурного просвещения для шесс'ен — они очень ценили собственную литературу.

В тот же год она стала учиться уже вместе с принцессой Никко, что стала ей доброй старшей сестрой.

Никко помогала вникнуть в культуру своего народа, помогала избегать неловких ситуаций и в принципе стала её главной поддержкой в королевском дворце.

Впервые оказаться столь далеко от неё, жить более не в одном с ней замке было тяжело. Гораздо тяжелее, чем она представляла.

Её супруг был буквально ожившей мечтой любой юной деву — красивый и учтивый,

сильный, умный и внимательный да ещё и оседлавший дракона! Но он был ей совершенно чужим. Никко любила брата, всех своих братьев, на самом деле, и Веарди она знала только по рассказам подруги, и... жаловаться ей было, конечно, и на что. Прошло всего два месяца с момента их свадьбы, они не успели сблизиться, не успели притереться друг к другу. Но, порою, Цоноре казалось, что это и вовсе было невозможно.

Всякая дева мечтала, чтобы супруг боготворил её, как Алый Дракон свою Золотую Королеву, но... Наверное, это было исключение из правил. И для неё, Цоноры, подобное было невозможно. Но... мечтать же ей никто не запрещал, верно?

Вся империя праздновала наступление нового, семьдесят восьмого года. Богослужения в Храмах шли по множеству часов, и стоять бок о бок со своим супругом перед алтарным очагом с Негасимым пламенем, зажав в руках жертвенный букетик сухих цветов безвременника — они должны сгореть, чтобы боги узнали о завершении прежнего года и чтобы весной расцвели подснежники.

Кто бы мог подумать что в культуре суровых шесс'ен столько всего завязано на цветы?..

Для цав'ен новый год не был счастливым праздником. Середина зимы, зачастую самый холодный день. Переходный период, завершение и начинание — сакральные события, и в них не место было веселью. Цонора слышала, что в этот день века назад в случае слишком холодной зимы царь должен был принести в жертву младшего сына, чтобы весна пришла раньше и народ не голодал. А ещё говорили, что в некоторых городах-царствах этот обычай до сих пор практиковали.

Дикий ритуал! Неправильный. Нельзя убивать своих детей. Вообще никого нельзя, так-то, но это ещё пойдёшь докажи... Для знатных цав'ен в новогоднюю ночь было естественным делом принести в жертву кого-то из своих рабов, обычно людей, захваченных где-то на островах Леды. Всё для того, чтобы наступивший год был успешным и благополучным.

А шесс'ен жертвовали цветы... уже погибшие, в любом случае обречённые цветы.

Наверное потому они и жили в тепле и изобилии.

Подобно дню её свадьбы, богослужение было сутра, а праздничный пир должен был начаться только к вечеру. Чем занять себя на день, Цонора не знала, а потому просто пошла бродить по замку.

Тенью за ней следовал телохранитель, даже не стараясь скрываться, как это было до её замужества. В постоянном присутствии гвардейцев не было ничего удивительного, оно было привычно с малых лет и свою охрану всякий королевской особо положено было воспринимать ещё одним предметом интерьера, мебелью, но... Дорогой супруг настоял на том, чтобы её защищал именно этот человек, не желая пояснять, почему именно и всем видом своим показывая, что и слушать и не станет возражения. А Цонора возражать и не собиралась.

Гвардеец был ей знаком.

Не лично, конечно, но она знала его имя, и не раз видела его в коридорах императорского дворца — благо, память на лица у неё всегда была хорошая, а спустя семь лет жизни под золотыми небесами она научилась хорошо различать местных.

Ноги сами привели её к на галерею, с которой открывался вид на поле и Драконьи Палаты, где жили Клома и Цаиш.

Сияющая золотом чешуя Цаиша ярко контрастировала с болезненно яркой белизной

снега — супруг явно решил размяться и дать своему дракону полетать. Даже со стороны смотреть на это было жутко — не то что представлять себя в седле, однако любопытство перебороло.

— Каково это? Летать на драконе.

Гвардейца её вопрос, кажется, немного сбил с толку — словно бы он не ожидал, что охраняемая им особа решит заговорить.

Ах, да! «Мебель»...

— Что Вы имеете в виду, Ваше Высочество?

— Вы ведь тренировали принца Шани, я помню, — постаралась Цонора улыбнуться лукаво. — Единственный не-шесс'ен среди Всадников. Мы с принцессой Никко наблюдали за Вами.

Ледяная маска равнодушия разбилась, гвардеец тихо рассмеялся, потер затылок в смущении.

— Не думал, что королевским особам есть до нас дело, — признался он, переступая с ноги на ногу, и внезапно показался Цоноре намного моложе, чем она думала изначально. Первое впечатление, вид измождённого бедами и испытаниями, выпавшими на его долю, мужчины сменились образом нашкодившего мальчишки, которого поймали на горячем — точь-в-точь её братья.

— Шани с восторгом о Вас отзывался, называл Вас своим любимым наставником, дае Феан, — словно большую тайну сообщила принцесса заговорщицким тоном. — Ваше отречение и ссылка на юг очень расстроили его. Я слышала, принц даже просил за Вас, чтобы Вас если не оправдали, то хоть оставили б вам дракона...

А вот гвардеец её настроя не разделял, мгновенно переменившись в лице — и всё очарование озорной юности вновь сменились пеплом в глазах.

Неужто она сказала что-то не то?

Что-то лишнее?

Она обидела его чем?

— Все не так просто, Ваше Высочество, — пробормотал дае Феан раньше, чем она успела, просто на всякий случай, извиниться за свои слова. — Даже в былые годы на Юге седлать драконов позволялось только королю и его наследникам. А я, Вы сами сказали, всего лишь человек.

— Я не то имела в виду! — горячо заверила Цонора. — Я не...

Неужто они этим обидела его? Проклятый торговый язык — в нём было слишком просто сказать что-то не то, оттенки значений сочетаний слов ускользали от неё, и вот, ненамеренно оскорбила хорошего человека...

Принцесса чуть не взвыла от досады — терять расположение своего защитника было глупо и недальновидно.

Как же так!

— Я знаю, — прервал мужчина поток её самоуничижительных мыслей. — Вы — не то. А все остальные — именно это. А теперь, после последней войны...

— Отец лишил империю десятков драконов, — прошептала Цонора, начиная понимать. — Теперь их просто недостаточно?

— Не только. Вы ведь знаете, что, согласно официальной версии, драконьими всадниками могут стать только потомки Эйрена Великого? — она кивнула, приготовившись впитывать информацию из неожиданного, но столь поездного источника, раз уж тот

соизволил поделиться ею. — Мол, во всяком, кому это удалось, есть хоть малая толика крови Талэ. Для шесс'ен это не удивительно, их всегда было больше прочих, они всегда были господами, а господам свойственно пере жениться между собой. В той или иной степени, все Великие Клань родственны друг другу ныне.

— Но Вы в эту парадигму не вписываетесь... — заметила Цонора недоумённо. — Потому что ребенок шесс'ен — всегда шесс'ен? Но ведь Верные, веками смешиваясь с людьми, в итоге приняли их облик и от аниа стали неотличимы, хоть и несли в себе наследие своего народа. Может, Вы такой же?

Мужчина отрицательно покачал головой.

— Род Феан всегда был человеческим. Я хорошо знаю своих предков, в клановой книге описаны все дети. Мы никогда не имели ни тёмных волос, ни смуглой кожи. На ближайшие полсотни поколений я — точно человек. И это ломает парадигму, да. Мне вообще позволили оседлать дракона истинным чудом — шла война, всадников не хватало. Я был юнцом, едва старше Вас, принцесса... Это только говорят, что всякий может встать всадником. Я тоже в это верил, наивный... На деле всё обстоит совсем иначе — из сотни претендентов отбор пройдет едва ли десятая часть, из сотни прошедших дай боги один станет всадником. А остальные... тоже пройдут обучение, конечно, и в теории могут исполнить свою мечту, но... На деле, они становятся обслуживающим персоналом. Тренируются, конечно, читают, спасибо, допуск до библиотеки есть, учатся. Но главной их задачей становится уход за драконами — кормить и чистить их, убираться, помогать кузнецам. Всадники погибают чаще драконов — и может образоваться новая пара. Я ведь тоже до войны ухаживал за Шаем, чистил ей чешую, постоянно был рядом, общался с ней. Относился к ней не как к транспорту или оружию, а как к удивительному созданию, частичке Третьей Эпохи. Шая потеряла своего всадника в битве, и никого не желала принимать в качестве нового. А меня — приняла. Почти случайно. И я стал символом для многих человеческих ребят. Практически идолом.

— А вы просто разговаривали с ней.

— Великая сила разговоров, — в его голосе слышался сарказм. — Людей среди желающих стать всадниками больше, чем шесс'ен, но я долгое время был единственным, кто смог. Поэтому что есть такая правда — Страж создал шесс'ен из пламенных драконьих душ, потому им так легко устанавливалась связь с драконом, легче чем кому бы то ни было другому. Но и другие на это способны. Просто надо понимать, что это не то же, что седлать лошадь или даже азафа — драконы разумны, с ними надо сотрудничать, а не просто использовать их. А многие про это просто забыли. После войны, когда мы потеряли непозволительно много пар, каждый всадник должен был готовить своих приемников. И быть готовым даже умереть, но спасти своего дракона. Наша жизнь и раньше ценилась не слишком высоко, теперь же она стала не более чем разменной монетой.

Повисла тишина.

Вот оно что.

— Если вы тренировали собственных учеников, то как вы оказались одним из наставников принца? — спросила Цонора, наконец.

— Я оказался эффективным.

— А остальные — погибли.

Не вопрос — утверждение.

Вот почему всадники были столь страшны в нападении...

Лучшие из лучших.

Выжившие.

Дожившие.

Пережившие.

— И это тоже.

Ловко он конечно от её главного вопроса увернулся!

— Вы так и не ответили на мои вопросы, дае Феан! — Каково это — летать?

— Страшно. Очень страшно. Но ощущение свободы того стоит.

— И как вы смогли от этого отказаться?

Как?

— За совершенное мной мне смерть так-то полагалась. Ваш супруг вымолил у короля для меня помилование, жизнь, но уже на правах его телохранителя.

— Так почему вы охраняете тогда меня?

Он снова печально покачал головой.

Да откуда в таком молодом мужчине столько горечи?!

— Милорд прекрасно способен за себя постоять, в Хэлиссе он это доказал в особенности, а вот вам может угрожать опасность.

— Отец может навредить мне, чтобы был предлог для новой войны.

— Вы боитесь его?

Солгать?

Сказать правда?

Промолчать?

— Всегда боялась.

Правду.

— С такой семьёй врагов не надо.

— Моя семья теперь *Талэ*. И Юг. Пусть мне и по обычаю сохранили фамилию. Если отец нападет, то должен быть наказан.

— Будет.

Будет.

Непременно.

Глава 24. Веарди Талэ

С каждым прожитым днём его сила и мастерство росли. Он прекрасно понимал, что по сравнению с обученными сай'нел не стоил ничего, но на фоне бесталанных людишек казался безмерно могущественным — даже при условии, что свои навыки кому-нибудь продемонстрировать он не спешил.

В какой-то момент Итэши стал ощущать себя тесно на родном острове.

И дело было не только в людях или собственной силе — казалось, появился ещё кто-то, и им вдвоем уместиться на клочке омытых холодным морем скал не получалось.

Ещё один колун?

Немыслимо!

Присутствие конкурента стало ощущаться внезапно, значит — не местный. Кто-то из путешественников? Но на момент появления второго источника силы был шторм, буря с грозой, свойственная беспокойному весеннему морю, и несколько недель до и после этого ни один корабль не зашел в порт Олэй, ни один новый человек не появился в городе — Итэши специально узнавал.

Продлившиеся большие недели поиски не привели ни к чему — это и раздражало, и интриговало. Итэши, на удивление, не ощущал, чтобы от незнакомца исходила угроза. Он был нейтрален, встреча с ним сулила вероятный обмен опытом, а не битву.

Пообщаться с кем-то, кто понимал бы его, было бы здорово...

А потом его словно бы что-то начало звать. Его настойчиво влекло в сторону леса, куда-то в сердце острова, за пределы города.

Чужак приглашал встретиться.

Итэши хорошо знал лес — ему часто доводилось именно здесь, вдали от людских глаз, пробовать в деле изученные заклинания. Зверье шагалось от него, чуя колдовскую силу, зов вёл его всё дальше и дальше в чащу, в сторону, скалы, где за небольшим водопадом спряталась пещера, достаточно просторная, чтобы в ней можно было построить дом.

Итэши давно обустроил это место, принёс сюда стол и письменные принадлежности, особо ценные записи матери и чудом выторгованные у приезжих торговцев колдовские безделушки. Каменный пол пещеры был теперь застелен медвежьими шкурами, тёплыми и густыми. Магический барьер, созданный в качестве эксперимента, не давал холодным каплям из водопада попадать в жилую часть помещения. Эксперимент удался, руническая цепочка не только надёжно оберегала от брызг, но и сохраняла внутри тепло... Эта пещера, эта берлога, это жилище отшельника, обитель колдуна, словно бы из сказки, было ему домом больше, чем палаты отцовского терема. Здесь он чувствовал себя свободным и даже счастливым.

Здесь его и ждал чужак.

На берегу ручья, пред тем самым водопадом, что прятал его дом.

— Ты звал меня, — сказал Итэши громко и уверенно, обращаясь в неизвестность — никакого человека он здесь не обнаружил, но сдаваться было рановато. — Кто ты?

Вдруг кусты зашевелились. Раздался хруст веток, и, с треском и шелестом, из них появилась огромная тёмная фигура.

Больше коня или быка.

Больше азафа.

Крылатая...

Дракон.

Чудовище как-то жалобно смотрело на Итэша своими громадными рыжими глазами и опиралось на правое крыло с явной осторожностью. Сильная грудь, покрытая чёрной чешуёй, вздымалась с каждым вздохом, он шумно выдыхал горячий воздух, но выглядел потрёпанным и измученным, а не агрессивным.

— Ты ранен, да? — Итэш старался не делать резких движений и транслировать в дружелюбие и приветливость, на всякий случай. — Упал во время грозы?

Дракон, совершенно по-человечески вздохнув, кивнул.

Легенды не лгали?

Эти колдовские создания были не просто чудовищами, кровожадными зверьми, порождениями Мрака, но разумным народом? Ведь не просто же так он сумел понять человеческую речь.

— Тебе нужна моя помощь, ты поэтому меня позвал, да? — Итэш, постаравшись собрать всё своё бесстрашие, стал медленно приближаться к дракону. В худшем случае он, испепелённый колдовским пламенем, исчезнет из всех слоёв реальности, а забвение — это не так страшно, так что нужно было действовать. — Покажешь крыло?

Сощурившись подозрительно, дракон обнюхал веянную вперёд ладонь Итэша, обдал горячим воздухом и ткнулся в неё, позволяя коснуться гладкой чёрной чешуи.

Что-то словно кольнуло сердце юноши, но он не обратил на это внимания.

Крыло оказалось сломано. Насколько Итэш понял — пострадала лучевая кость, по крайней мере, у людей она звалась именно так. Обычно в таких случаях накладывали шину, фиксируя пострадавшую конечность и позволяя ей самостоятельно восстановиться, но дракон явно не мог это сделать самостоятельно. Не всякий человек мог, впрочем.

Послушно позволив проделать все необходимые манипуляции, дракон улёгся прямо на траву, выглядя довольным, но уставшим.

— Ты голоден? Я могу поймать тебе рыбу или оленя в лесу.

«Буду благодарен!»

Что?

«А вообще, спасибо за помощь, братец, я уж думал, что погибну, попавшись в руки этим чудовищам...»

Этот голос звучал в его... голове?

«Да не бойся ты так, это нормально, у шесс'ен все всадники со своими драконами могли общаться, кровь Стража помогает, как-никак!»

— Это ты со мной говоришь?

«Ну не эта муха же?»

— Стой... Шесс'ен? А я-то тут причём?!

«Как странно не знать своих корней. Как звать-то тебя, спаситель?»

— Итэш Олэй.

«А меня — Байес. Да не пугайся ты так, я не слышу твоих мыслей. Просто ты смешал наши сай'и и это создало связь, это нормально. Ну, для саи-ри. Почти у всех потомков Стража Крови саи-ри были из нашего народа, вот повезло-то тебе, Итэш. Или — не повезло? Сам как думаешь?»

— погоди, погоди! О чём ты вообще говоришь?!

«О... Видимо, всё придётся тебе с начала рассказывать. И чего ты такой неучёный-то

у меня?..»

Благодаря записям, найденным Никко в библиотеке Ваккеш Ати, Веарди наконец смог хоть как-то контролировать ситуацию в своих снах. Теперь они стали намного подробнее, охватывали меньший промежуток времени, зато удавалось запомнить больше деталей. Сам же Веарди внутри своего сна осознал себя как отдельную личность и смотрел на происходящее не глазами Итэша, а своими собственными, будучи незримым сторонним наблюдателем.

Стало проще и сложнее одновременно.

Больше не приходилось часами отделять собственные мысли и эмоции от чужих, он наконец-то стал высыпаться и нормально отдыхать, но в то же время...

Подробности снов приводили в смятение.

Увидев же наконец судьбоносный момент — знакомство отца с его братом-драконом, Веарди понял, что пошел отсчёт до катастрофы. И в настоящем или прошлом — не совсем ясно.

Дни, недели, месяцы с его свадьбы летели, близилось новое событие — уже другая свадьба.

Уже с совершенно официальным визитом он посетит Диорен, в компании свиты, жены и своего дракона.

Жена.

Цонора...

Как странно было осознавать себя женатым мужчиной.

Чьим-то супругом.

Большинство лордов, древних консервативных пней, поросших мхом своих предрассудков, стали теперь относиться к нему намного благосклоннее. Как же! Наследник-всадник, подавивший мятеж, с уже беременной женой был в их глазах куда как предпочтительнее, чем вдовый король, на чьи решения повлиять мог только его старший брат.

Интриги глав кланов уже порядком надоели Веарди, но закрывать на них глаза было опасно.

Цонора...

Робкая и скромная девочка, напуганная, но такая искренняя в своей тоске по чему-то неизвестному.

Они оба отели себе иной судьбы, но оказались связаны клятвами в храме Дженел, и золотым браслетом опоясывавшая запястье нить была тому подтверждением.

У дяди — две чёрных нити.

Веарди хотел защитить эту девочку, подарить ей свободу от страха и стыда за собственное происхождение. В конце концов, им идти бок о бок до конца, и не у всех получалась красивая и романтическая история, как у его родителей. Они — во всём исключение. Всегда были.

...Жаль, получалось это не всегда и не у всех.

И, начав из вежливости разговор со своим двоюродным братом, Веарди понял это отчётливо остро. Если Риен сядет на трон — Восток погибнет. Оставалось надеяться, что его ребёнок успеет повзрослеть раньше, чем это случится.

—..это несправедливо! — воскликнул Риен озлобленно. — Почему я должен жениться на

этой уродине?!

— Не советую тебе, дорогой брат, оскорблять свою невесту, — Веарди не испытывал ничего, кроме отвращения к этому человеку, но показывать это столь открыто до торжества было чревато скандалом, совершенно не нужным сейчас тётушке. Осложнять ей жизнь из-за своей несдержанности он не намеревался. — Она не нищая девица из ремесленного квартала, которая не способна за себя постоять, а дочь одного из богатейших Домов империи, который по влиянию не уступает твоему.

О, дорогой братец, Ксерай могли бы безнаказанно водрузить твою голову на пику и проехаться так по каждому городу империи, и ничего бы им за это не было. Только многолетняя дружба старого лорда с Мией спасала идиота от расправы.

— Не всякому принцу нравится брать в жены мерзость из другого народа и плодить полукровок, — скривилось это людское отродье. — Этим только Талэ отличились.

Вот значит как, решил кольнуть и Веарди, и Девона?

Напомнить тебе, чем в прошлый раз это закончилось?

...Как только у тётушки могло вырасти это нечто. Хотя, быть может, если бы не строгое воспитание дяди и наставников, то и он мог стать кем-то таким же... Наверное стоило бы даже порадоваться тяжёлому нраву Магни, который со спокойной душой мог приказать высечь нашкодившего наследничка, выбить из него всю дурь и спесь.

И Веарди вырос в образцового молодого господина. Безупречного во всём. *И искренне ненавидящим отца и дядю, но это тема для другого разговора.*

— Ах, дорогой брат, зато ты известен своей любовью оскорблять чужих жён, — Веарди улыбался приветливо и сладко, но зубы его таили яд, как жаль, что Риен не мог им отравиться и перестать им всем мешать чудесно жить. — Если ж они по твоему мнению такая «мерзость», что же ты тогда домогался Олы? Что же ты надругался над Наэшафи? — Лицемерие и двойные стандарты, как очаровательно! — Вдвойне смешно слышать про чистоту нации от полукровки.

— Я — человек!

Ох, сколько наивной ярости было в этом ответе, сколько искреннего убеждения в собственной правоте!

— Твоя мать — шесс'ен. Смирись, — его улыбкой можно было резать глотки. — И, по твоему мнению она тоже — нечестивая?

Давай.

Ошибись.

Скажи правду.

Дай повод напугать тебя до икоты, до седины, до трясущихся поджилок! Чтобы ты, отродье, больше никогда не смел оскорблять женщин его семьи.

— Да! — не разочаровал его Риен. — И я — человек! Во мне нет ни капли вашей проклятой крови! И я горжусь этим! Надо было убить девку сразу. Жаль, поленился марать об неё руки! Помяни моё слово, я удушю и её, и ублюдка!

Присутствие Цаиша согрело душу — дракон находился совсем рядом с галереей, открывавший вид на сад, где они с Риеном сейчас находились.

— Ты даже пальцем не прикоснёшься к ним, братец. Ты сам сказал — в тебе нет ни капли крови твоей матери, что ж... Думаю, Заря будет не прочь перекусить тобой. Наэшафи ей очень понравилась, и она под защитой тётушки.

— Эта тварина ничего мне не сделает.

— Может быть. Зато Цайш не отличается её добродушием, — В подтверждение этих слов дракон приземлился прямо в саду и, шумно выдохнув на них горячий воздух, воззрился на своего всадника и его собеседника. — И поверь, если посмеешь обидеть Наэшафи или свою мать — тебя будет ждать участь намного страшнее смерти. Обещаю.

Нужный эффект достигнут.

Прелестно.

Байес действительно всё рассказал. Что в его, Итэша, предках, затесались шесс'ен, те самые не-люди, которых с таким энтузиазмом истреблять отец. И, судя по всему, предки, родом из-под золотого неба у него были с обеих сторон, вот потеха то! Отец был на какую-то часть та самая тварь, которых он так отчаянно ненавидел.

Так или иначе, именно поэтому Итэш имел способности к колдовству — его энергетическая система развивалась не как у человека, а как у шесс'ен, особенно в первые годы жизни.

Матушка, судя по всему, своим присутствием, намеренно или случайно, но помогала возрастать потенциалу Итэша — так сказал Байес.

Он много ещё чего рассказал...

Дракон оказался просто бесценным источником знаний, пусть и был молод. По его словам, для своего народа он считался совсем юным, едва способным назваться взрослой особью и завести свою семью, да и размеры его были совсем скромными.

Он был одним из осиротелых птенцов, чьих родителей люди истребили много поколений назад, а яйца, способные существовать веками без вреда для зародыша, нашла и выходила последняя драконица на Леде, Ани, или на и человеческий манер, Заря. Именно она была хранительницей сокровенные знаний. Именно она воспитала и обучила новое поколение птенцов, что сейчас как раз становились взрослыми и, исполняя древний ритуал, отправлялись в странствие. Гнездо старейшины Ани располагались на Большой Земле, в неприступных горах Тау-Ри, недалеко от Храма.

Байес, смеясь, обещал познакомить Итэша, своего саи-ри, духовного брата, со своей семьёй.

У него были и кровные братья — Тагуш и Эйлор. Они были старше и сильнее, уже давно прошли ритуал странствия и вернулись в родное гнездо. Теперь они могли выбрать себе пару и создать собственную семью. Хотя с этим была проблема — дракониц было намного меньше, чем драконов, и многие оставались без спутницы, что плохо сказывалось на общей их численности...

Байес же только-только начал своё странствие, и почти сразу же попал в беду — понадеявшись на свои силы, решил преодолеть грозовой фронт, а в итоге стихия указала ему на его место, сломав крыло.

Если бы не Итэш, Байес был бы обречен погибнуть тут же — вылечить крыло самостоятельно он не мог, и только счастливый случай, ну или судьба, привели его к саи-ри.

Дракон много рассказывал о том, как магией пользовались ему подобные. Они называли это сай'и — суть, ведь именно сутью мира здания они манипулировали. Проявлениями драконьего колдовства было их общение напрямую из разума в разум, пламя и способность приобщаться к Сути Мира, получая воспоминания своих прошлых воплощений. Поэтому даже без воспитания старшими драконы были способны обучиться всему необходимому. Ну и, конечно, они могли воздействовать на слабых разумом, подчиняя их себе, зачаровывая.

Говорят, так во Вторую Эпоху крылатый народ поработал людей, помогая слугам Мрака. За что и был наказан Стражем — теперь они сами должны были служить потомкам Стража, детям дома Талэ.

...Шли дни, недели, месяцы.

Крыло Байеса уже давно зажило, но дракон отказывался покидать остров без своего духовного брата. Он намеревался познакомить Итэша со своей названной матерью, старейшиной Ани, и вообще помочь ему выполнить своё предназначение. В конце концов, юноша вот прямо точно был тем самым предначертанным новым Наследником Эйрена.

Итэш же, всегда мечтавший путешествовать, повидать мир и покинуть уже наконец опостылевший ему остров, почему-то медлил...

Что-то держало его.

Что-то останавливало...

И это промедление стало роковым.

Смотреть со стороны на то, как кто-то другой стоял у алтаря, как кто-то другой приносил клятвы Дженел, как кого-то другого связывали золотой нитью, было странно.

Совсем недавно он сам был облачён в жёлтое...

Миг — и вот теперь же прошло почти пять месяцев с тех пор, у них там, на юге, весна уже вступала в свои права. В Диорене же скоро должно было начаться половодье — лёд на Ксаи уже начал таять и выход на него всем запретили, предзнаменуя скорое начало навигационного периода в водах реки и заливе.

Дурные предчувствия не отпускали Веарди.

Он поделился бы ими с тётушкой, но она и сама выглядела нервной, и подходить к ней принц опасался — попасть под горячую руку не хотелось, всё же нрав у Мии был столь же тяжёлым, что и у всех её братьев.

Почти все дальнейшие события для него прошли как в тумане.

Храм, шествие по городу, пир...

Смотря, как жадно Риен хлестал вино, Веарди ощущал, как его сердце ёкнуло.

Как оказалось — не зря.

У паршивца кровь пошла горлом, он рухнул на пол, задыхаясь.

Вот оно.

Когда отец Итэша узнал о присутствии дракона на острове, о дружбе с ним своего сына, он был в ярости. Как и следовало ожидать, мужчина отправился вместе со всеми воинами на их поиски — чтобы уничтожить тварь и наказать мальчишку-предателя, вздумавшего якишаться с монстрами и слишком заигравшегося в колдовство.

Наученные веками борьбы с крылатым народом, люди смогли найти их убежище и застать врасплох не ожидавших нападения, но готовившихся отправиться в путь Итэша и его саи-ри.

Юноша умолял отца не горячиться, решить все мирно, бескровно. Клялся, что он и Байес навсегда покинут архипелаг и о них никто и никогда здесь не услышит больше, что Итэша просто назовут бездарно погибшим и забудут, как и многих других. Он ещё надеялся, что засиявшее на горизонте счастливое будущее не окончательно разбилось тонким весенний льдом. Надеялся, что все ещё могло быть хорошо....

Наивный.

Люди боялись.

Люди и были напряжены.

Люди представляли, на что могли быть способны колдун и дракон по отдельности, но не знали, на насколько опасны они и были вместе.

Люби не все отличались стальными нервами...

И у одного из лучников они не выдержали.

В кромеишной тишине щелчок тетивы и свист стрелы казались оглушительными.

Итэши с по-настоящему детским непониманием воззрился на вонзившуюся ему в кожаный наруч стрелу, которая предназначалась его лбу и от которой он только чудом успел закрыться рукой, рефлекторно вскинутой в защитном жесте. Если бы не руны, которые он старательно выбил на наручи, то стрела пронзила бы ему руку, а, может, и достигла бы головы.

Он прошелся по самой кромке жизни и смерти.

Итэши сглотнул.

И звук вернулся в мир бесконечной оглушающей какофонией криков, скрежета стали о крепкую драконью чешую и рёва пламени.

Пламя поглощало человеческие фигуры, превращая их в обожжённые скелеты, оплавливая металл клинков.

Но у людей были зачарованные щиты — и те держали жар драконьего огня, защищая воинов от участи, что была страшнее смерти, не давая избавиться от противников одним махом.

Итэши как мог прикрывал своего саи-ри от мечей магическими щитами, а тот прикрывал юношу своими крыльями от стрел, сжигая, давя своим весом, разрывая на части острыми когтями и зубами врагов, ударяя их как хлыстом своим сильным, покрытым шипами хвостом.

Но силы Итэша были не безграничны — он уставал, терял концентрацию, и пропускал чужие удары.

Но чешуя молодого дракона была ещё слишком некрепкой, податливой, уязвимой, и клинки оставляли на массивном теле Байеса одну за другой раны.

С каждой каплей крови, с каждым мгновением сил у братьев становилось меньше.

Итэши слышал, как с громким звоном лопались струны чужих жизней, чувствовал, как воняло гарью, кровью и разорванными кишками. Некогда уютная поляна рядом с водопадом, ставшая полем боя, была усеяна истерзанными людскими трупами.

Но на место павших приходили новые люди.

Новые мечи и копья достигали драконьего тела, перепивая ему кости крыльев, ломая рёбра.

В какой-то момент Итэши замешкался и успел увернуться — его схватили, заломили руки за спину, приставили клинок к горлу.

— Остановись, или я убью его!

Байес, услышавший это, замер.

Замерли и люди.

Отец Итэша, державший клинок у горла сына, бесстрашно смотрел в глаза дракону. По его лицу сложно было что-либо сказать, но сам юноша не сомневался — рука у того не дрогнет, чтобы исполнить обещание.

«Видимо, это конец, братец...»

«Улетай!» — закричал Итэши мысленно. — «Я его сын, он меня не тронет, улетай!»

Он знал, что это ложь.

Байес тоже знал.

«Найди меня, братец...»

Одновременно с этими словами тяжёлое копьё воткнулось в горло дракону.

Крик, изданный в этот момент Итэшем, был воистину нечеловеческим, звериным. Это не было имя, слово или вообще что-то осмысленное, это была чистая боль, невероятная душевная боль, превратившаяся в звук. Юноша вырывался, царапался, кусался, действительно, как дикий зверь. Но до его жалких телодвижений никому не было дела.

Лорд Олэй сделал жест рукой, и юношу отпустили.

Он бросился к умирающему брату, вцепился в него, с ужасом смотря на рану. Итэши обнял брата, рыдая, срывая голос в вое, ощущая, как капля за каплей жизнь покидала того, кто стал вторым самым близким существом за его жизнь.

Он словно бы снова стал тем шестилетним мальчиком, который столкнулся со смертью, и никто не мог помочь.

Никто.

...Время словно бы исчезло.

Тело Байеса остывало, окоченевало — только благодаря этому можно было понять, что прошло его не мало, пока истощённый сознанием и челом Итэши находился в состоянии между бредовым сном и страшной реальностью.

В какой-то момент к нему подошла пара солдат, ткнула его сапогом в бок. Но юноша не пошевелился. Сил не было на это. Да и смысла — не было.

Но его не доби́ли.

Просто бросили в этой луже крови.

Просто вычеркнули из своей истории и оставили умирать там, возле остывающего тела духовного брата.

Просто ушли.

Люди не пожалели его.

Они убили Итэша.

Так же, как Байес — их друзей, товарищей.

Люди нанесли ему смертельную рану, агония от которой длилась много дней. Когда же она закончилась, судьба миров изменилась окончательно.

И навсегда.

К Риену тут же бросились тётушка и её супруг, стража и даже королева-мать. В её глазах словно бы мелькнуло на миг недоумение...

Слугу, подносившего вино, тут же схватили. Поднялась суета, гости торжества запаниковали. Гул криков, топот ног и лязг гвардейских доспехов доносились словно сквозь толщу воды. Куда-то уносили упавшую без чувств Наэшафи — совсем недавно бывшая золотой нить на её запястье почернела, подтверждая внезапную и простую истину.

Юная принцесса, не успев побыть женой и суток, овдовела.

Риен мёртв.

Веарди только усилием воли не да себе расхохотаться.

Когда первые лучи Исы коснулись верхушек деревьев, окружавших поляну, Итэши был

уже давно на ногах. Он ещё глубокой ночью нашёл в себе силы подняться, но в итоге просидел её, смотря в пустоту.

Людских трупов не было — по всей видимости, их успели забрать, лишая лесное зверьё пира.

Присутствие же Итэша, несмотря на его состояние, было единственным, не позволяло им наброситься на тело его духовного брата.

От запаха крови тошнило.

Спазмы мучительно скручивали пустой желудок юноши, и его рвало желчью, оставляя во рту отвратительный кислый привкус.

Поношенная одежда Итэша была порвана в нескольких местах и заляпана грязью и кровью, царапины и ссадины надоедливо ныли, а в голове была только гудящая пустота, но болела она, голова, словно по ней хорошенько приложили дубинкой. Возможно, так и было, и он просто не запомнил.

Он уже не понимал, что же ему приснилось, а что произошло на самом деле. Сон и явь затейливо переплетались между собой, путая, пугая и приводя в ужас.

Одно было ясно точно — Байеса больше не было.

Однако, грязная кожа, покрытая кровавой коркой ощущалась крайне неприятно. Итэш с тоской глянул на ручей. Он подошёл к кромке воды, наклонился и ополоснул в ней руки.

И ещё.

И ещё.

И ещё несколько раз.

Итэш с остервенением оттирал кожу от крови бывших соплеменников. Словно именно эти алые разводы на воде, постепенно растворяющиеся, символизировали очищение от грехов.

Но это — иллюзия.

Отмыв руки настолько, насколько это вообще было возможно, Итэш вновь наклонился и зачерпнул воды и принялся с тем же остервенением оттирать лицо.

Чистое, оно оказалось неестественно бледным, даже для этих северных земель. Кожа приобрела нездоровый сероватый оттенок, ну, или это просто так казалось в сумраке рассветного часа. Веснушки же казались черными точками.

И ещё что-то неуловимое в нём поменялось...

Итэш внимательно смотрел на своё отражение, видимое несколько смутно, но никак не мог понять, что же в нём все-таки изменилось. Всё тот же нос, всё те же тонкие губы, всё та же худая, словно девичья, шея. Всё те же глаза. Только покрасневшие, воспалившиеся от пролитых слёз.

Или же не те?

Они были бесцветными, серыми, словно безжизненными...

Задумчиво оглядев себя, Итэш с сожалением понял, что от идеи отстирать одежду придётся отказаться. Она была слишком истрепанной и стирки просто бы не пережила.

Сил почти не было, как и желания жить.

Зачем ему это глупое существование, еда ради еды, тепло ради тепла?

Но сдаваться теперь нельзя просто из принципа — раз его сразу не добились, значит, и не собирались.

Ему дали шанс.

Призрачный намёк на то, что отцу не всё равно.

Глупо упускать эту возможность.

Щемящее чувство застыло в груди, защекотало в горле, но слёз не было. Кончились они, слишком много вчера их пролилось. Не было мыслей, один сплошной гул. Монотонный, не раздражающий, не отвлекающий, а наоборот, даже помогающий сосредоточиться.

Все эмоции отошли на второй план и полностью перестали играть главные роли. Хладнокровие овладело разумом юноши, все делалось им словно на автомате.

Без мыслей.

Без эмоций.

Итэши, до боли стиснув кулаки, постоял несколько мгновений на месте, прикрыв глаза. Досчитав до десяти, он открыл их и решительным шагом направился к телу дракона, отогнав обнаглевших выше всякой меры воронов. Сжав зубы так, что они только чудом не начали крошиться в пыль, но не позволив себе закричать, Итэши в последний раз коснулся спины погибшего друга, погладил.

— Я не знаю, по каким обычаям крылатый народ хоронит своих сынов и дочерей, но я не могу позволить кому-либо осквернить твоё тело.

Вспомнить необходимые печати вышло с трудом, начертить их на выжженной траве — ещё сложнее, но сдавать Итэши просто не имел права. Никто кроме него не мог позаботиться о брате в последний раз.

— Ты учил меня, что тело — тлен, что тело — вторично, а самое главное — бессмертная душа. Мы — дети бесконечного пламени, созданные нашим Творцом.

Живых драконов от пламени защищала магия, зато мёртвые, как оказалось, горели словно бы выточены были из дерева.

Итэши поместил в выкопанную кинжалом ямку оставшийся пепел, закопал её обратно, перетащил на это место камень покрупнее — чтобы никто не потревожил прах его брата.

— Мы ещё встретимся, брат, я тебе обещаю. Я тебя найду.

...Теперь он — изгнанник.

Теперь у него была лишь одна дорога. В Тау-Ру. В дом Байеса. Туда, где никто не будет ждать вести о гибели брата, но Итэшу придётся стать тем самым гонцом с печальными вестями.

Он должен увидеть Гнездо.

Брат бы этого хотел...

Несколько дней слились для Итэша в один, бесконечно тягучий, словно мёд диких пчёл. Юноша их почти не запомнил, слишком смазанными они были, слишком однообразными. Видимо, разум таки победил чувства, ну или просто это была защитная реакция организма — сосредоточиться на настоящем и не думать о прошлом.

Итэшу не было страшно.

Совершенно.

Одиночество не пугало его больше, он привык к такому состоянию. Возможность привести свои мысли в порядок его только порадовала.

Одиночество ведь бывало разным...

Можно не быть одиноким, оставшись единственным человеком на сотни дней пути вокруг. А можно чувствовать себя единственным человеком в мире, находясь при этом в толпе.

И это было намного страшнее.

И сейчас, сидя на согретой светом Исы траве, закрыв глаза и скрестив ноги поудобнее,

он старался вообще ни о чём не думать, сосредоточившись на собственном дыхании.

Постепенно реальность размазалась, стала блёклой и совсем не важной, звуки и запахи словно исчезли или стали столь слабыми, незаметными, что на них можно было смело не обращать внимания.

Единственным звуком было его собственное сердцебиение.

Тепло из груди разливалось по всему телу, ощущалось кончиками пальцев, виделось светящимися линиями, тонкими нитями, тянущимися со всего тела в один единственный центр рядом с сердцем, под грудиной.

Но золотистые «нити» энергии были запутаны, некоторые даже разорваны. Требовалось навести у себя внутри порядок.

Итэш мысленно восстанавливал повреждённые «нити», выпрямлял их, направлял куда ему было надо.

Нить, соединявшая его с кланом Олэй оборвалась, и не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле. Вот он — кровоточащий обрубок, раньше походивший на толстый корабельный канат, состоящий из сотен ниточек, и расходящейся на отдельные лучики. Теперь этого не было.

Разрушение связи всегда не только духовно, но и физически болезненно.

...А вот ещё одна разорванная нить.

Она, в отличие от «каната», некогда соединявшего его с кланом, была цельной и потому казалась нерушимой... Её смогла порвать лишь смерть одного из них.

Связь с Байесом.

То, что будет доставлять ему боль всю оставшуюся жизнь. Разорванные смертью узлы никак не исцелить окончательно, можно было только залечить. Это и сделал Итэш.

Сразу же стало легче.

Теперь всё было относительно в порядке.

Теперь ему было не так больно.

Даже дышать стало проще, исчез комок в горле — тот острый кубик, мешавший говорить и плакать, но не мешавший кричать.

Но, несмотря на выполненную основную задачу всего это действия, Итэш не спешил возвращаться в реальность. Слишком сладким было ощущение отсутствия мыслей. Слишком желанным был этот покой, эта умиротворённость.

Он стал погружаться ещё глубже.

Спустя некоторое время ощущение тела тоже пропало. Он чувствовал себя капелькой океана, частью чего-то непостижимого, непонятного, а потому столь приятного и интересного.

Итэш видел сейчас огоньки жизни по всему острову, видел его весь.

Всё живое, всё, что пропитывала Энергия.

Всё, что невозможно увидеть обычным зрением.

Всё, что недоступно людям...

Этому его научил тоже Байес.

Он дал столько знаний Итэшу, ничего не потребовав взамен... Воспоминания о погибшем брате больше не отзывались глухой болью. Только великая благодарность и светлая печаль пронзили юношу.

Вдруг Итэш обратил внимание на сгусток жизни прямо перед ним. Как он его сразу не заметил?

Покой и лёгкость исчезли, но умиротворение осталось.

Итэш открыл глаза и тихо охнул. Вот кого он точно не надеялся увидеть в ближайшее время.

На пороге пещеры оказалась... драконица. Небесно-голубая, она была меньше Байеса, но шипы и рога её были столь же длинны — стало быть, ровесница брата.

Юноша осторожно встал и направился к драконице, двигаясь медленно, плавно, не желая напугать её, в итоге подобрался к ней на расстояние вытянутой руки.

— Привет, — сказал он приветливо. — Я друг, не бойся меня.

И протянул руку к её морде. Она, до этого с любопытством рассматривавшая его, на миг застыв, одобрительно курлыкнула и качнула головой вперёд.

Сверхновой сверкнула в сознании вспышка зародившейся связи.

«Почему ты один, детёныш? Где твоя стая?»

— Она меня бросила.

«Так нельзя... А где же Байес? Ты пахнешь им. Ты его друг?»

— Я его саи-ри. Байес защищал меня, но...

«Был убит людьми. Понятно. Ты отправишь со мной в гнездо, обязательно!»

— Ты сможешь отвести меня к старейшине Ани?

«Конечно! Она должна знать о судьбе брата. А раз ты его саи-ри, значит, ты тоже часть нашей семьи. Меня зовут Айва, кстати, а тебя?»

Хороший, однако, вопрос.

Юноша хотел было сказать имя, данное ему от рождения. Тем более что он продолжал мысленно называть себя Итэшем. Но...

Брат говорил, что он рождён от крови Стража, что он потомок его, что ему предначертано великое будущее...

Страж.

Эйрен...

*— **Аран.** Называй меня Аран.*

Глава 25. Эша

Впервые в её жизни всё мчалось так, что она едва поспевала в принципе заметить происходящее — про осознание и речи не шло. Смерть младшего принца, жизнь в поместье Диалори, сопровождение её на свадьбу наследника юга, подготовка к собственной свадьбе, день которой неумолимо приближался... Всё это смешалась в бесконечную череду событий, и Эша уже не обращала на что-то внимание — слишком устала, чтобы хоть как-то расщедриться на реакции.

Живот рос, ноги отекали и немели, их сводило судорогой, собственные эмоции пугали и путали, предстоящие роды пугали до слёз — если даже сейчас было плохо настолько, что она еле могла ходить, то что же будет дальше?

Её состояние постоянно контролировали придворные целители, королева не отпускала Эшу из поля зрения дольше чем на несколько часов, рядом с ней постоянно находилось несколько гвардейцев, всю её еду проверяли на наличие ядов, а служанки были милы и услужливы, готовы исполнить любой каприз молодой госпожи Ксерай, но Эша не чувствовала себя этой молодой госпожой.

Она половину жизни провела в бегах, половину жизни была простой мастерицей, и снова примерить на себя роль высокородной девицы было странно — словно бы она притворялась той, кем не являлась, и в любой момент её могли разоблачить и бросить в темницу за обман.

Хотя она и так ощущала себя пленницей — ни шага без охраны, ни шага за пределы поместья, где власть Диалори была безграничной...

Она понимала, что делалось всё это для её безопасности, для безопасности её ребенка, но избавиться от острого ощущения тотального одиночества и беспомощности не получалось.

Чуть-чуть ситуация исправилась после путешествия на Юг.

Свадьба принца Веарди и царевны Цоноры дали ей столь необходимый глоток свободы.

Да и вообще смена обстановки подействовала на неё самым благоприятным образом. Даже самочувствие улучшилось. Сразу видно — родная земля матери, даже воздух её помогал.

Хотя гораздо более радостным событием была выдавшаяся Эше возможность поговорить с Риком — после того, как он отбыл с принцем обратно в Эзарен, она по нему невообразимо скучала. Даже больше, чем после той недолгой встречи после войны. Даже больше, чем после его побега в столицу, тогда, пятнадцать лет назад.

Рик, бессовестный, вместо того, чтобы всюду тенью следовать за своим господином, не сводил с неё глаз, словно бы был именно её, а не принца охраной!

Дурак.

Если бы хотел быть подле неё — не надо было становиться Всадником.

Остался бы в доме деда, и она никуда бы не сбегала тогда. Была бы той самой идо Ксерай, которую в ней хотели видеть, а Рик, верный слуга, стал бы частью стражи поместья. И всё сейчас было бы иначе...

И её не пришлось бы скоро выходить замуж на принца Востока.

Но история не знала сослагательного наклонения.

Забавно...

Интересно, знал ли Его Высочество Веарди, что Эша два года была невестой его дядюшки? До того, как тот назвал наследником племянника и разорвал помолвку. Впрочем, это была официальная версия. Эша же знала правду — заключал тот договор между Королём Юга и домом Ксерай ещё прадед, а после его смерти именно дед стал инициатором расторжения помолвки. Обретение наследника Его Величеством было только поводом — он не хотел для неё такой судьбы, что постигла первых двух королей Юга.

Рик про это тоже вряд ли знал — она не рассказывала о внутренних делах семьи ему, мальчишке из вассального клана, лучшему другу, который, тем не менее, частью её дома не был. Дела семьи и личное она всегда умела различать и разделять — дед научил.

Как, наверное, он был в ней разочарован...

...Хоть как-то справляться с тоской помогала переписка с Никко.

«Совиная принцесса», как в народе называли её, оказалась крайне интересной собеседницей. Образованной, разносторонней, пусть её язвительность была тем, к чему нужно было привыкнуть.

Казалось, она действительно была заинтересована в общении с Эшой — и это сбивало с толку.

Принцесса звала её сестрицей, советовала интересные книги и обсуждала с ней самые разные вопросы, касающиеся, например, всё той же артефакторики.

Никко, пламенная и боевая, была полной противоположностью всех прочих знакомых Эше девушек, её сестёр из артели.

Но, наверное, именно такой была в юности Диалори. По крайней мере дае Рес говорила именно об этом.

Леди Лирен вообще была отдельной темой для разговора. Ведь именно её подчинённые занимались охраной Эши, да и с самой грозой нарушителей законов девушке доводилось общаться весьма часто. Леди Лирен была одной из тех немногих личностей, кто позволял себе вести себя неформально в присутствии Диалори, обращаться к ней по имени и без титулов.

Эша мечтала о такой же подруге, что могла бы и поддержать, и защитить, и дать совет.

Жаль, такой у неё не было.

Был Рик.

Но Рик был на Юге.

Рик был далеко.

Рик был не её.

Как она поняла, если бы не положенные традицией шесть месяцев траура, то свадьбу сыграли бы ещё осенью, но правила есть правила и приходилось рисковать.

Её живот был уже не просто заметен — скрыть его е удалось бы при всём желании, всё же начался девятый месяц её беременности и больше ждать было нельзя — недопустимо, чтобы её ребёнок родился бастардом.

Леди Лирен рассказала, как в ходе подготовки к свадьбе на улицах Диорена прошли облавы на преступников. Столицу очищали от нежелательных элементов, обеспечивая будущую безопасность гостей. Как будто высокородные господа сунулись бы в кварталы нищих... Впрочем, Эша по себе знала, что всегда находились любители острых ощущений, готовые сунуться туда, где им быть не стоило. Если бы не один такой, её бы сейчас тут и не было бы.

Эша видела свой свадебный наряд.

Его расшивали знакомые ей мастерицы. Они смеялись над ней, но по-доброму, мол, вот хитрюга, спрятавшаяся среди ремесленниц благородная леди, да ещё и закрутившая роман с принцем. Но ничего предосудительного ни в том не видели — раз она по происхождению была высокородной, то это не более чем зашедшая слишком далеко шалость. Вот если бы она была действительно ремесленницей или же крестьянкой... То тогда это было бы даже не смешно.

Сестрицы радовались за неё.

Считали её историю безумно романтической.

Глупые...

Но наряд был красив. Желтый шёлк, расшитый золотом и бриллиантами — воистину, платье принцессы. Но...

Как же Эша ненавидела золото.

Как же она ненавидела желтый цвет...

Но приходилось сжимать зубы, и вспоминать давние уроки наставников, делать лицо невозмутимым и приветливым, радостным. Это она тоже ненавидела — притворяться, контролировать свою мимику и жесты.

Быть *Наэшафи*.

Наэшафи была младшей внучкой лорда Наэлины Ксерай, примерной юной госпожой, почтительной, внимательной и скромной.

Безвольной.

Беспомощной.

Безликой.

Бесправной.

Эша была свободной, дерзкой и не знающей преград. Она играла с крестьянскими мальчишками, превосходно ездил на лошади, обожала соколиную охоту и неплохо стреляла из лука. Она могла постоять за себя, могла одеваться как хотела, говорить как хотела, думать как хотела. Она — мастерица артели, что смогла себе позволить сотню служб в храме Лийаш. Она могла гулять с молодым мужчиной, своим другом, и не бояться чужого осуждения — потому что не была скована писанными и неписанными правилами дворянства.

Но *Эша* осталась за стенами поместья Диалори. *Эша* не могла стать невесткой Диалори. Будущей матерью её внука.

Эше здесь было не место.

А *Наэшафи* боялась.

Потому что уже послезавтра — приносить клятвы.

Уже послезавтра — её свяжут с тем, кого она никогда не ходила видеть.

Уже послезавтра — она станет ещё бесправнее.

...Очень вовремя в Диорен прибыл принц Юга со своей свитой. Очень вовремя он решил остановиться именно у тётушки, а не в королевском дворце, во всеуслышание заявляя о своей позиции.

Очень вовремя рядом с ней снова оказался Рик.

— Соколёнок, как ты себя чувствуешь?

— Беременной, — огрызнулась она, переваливаясь с боку на бок, подобно утке, чтобы дойти до софы и усесться на неё. — Не задавай глупых вопросов, если не хочешь получить не

очень приятные ответы.

— Я же беспокоюсь...

Да, точно.

Это просто общение с принцессой Никко сделало её язвительной. Или с леди Мией. Видимо, это всем женщинам Талэ было свойственно. Или это просто было заразно...

А Рик действительно ведь не имел в виду ничего плохо. Он правда беспокоился — а она его ядом поливала.

Стало противно от самой себя.

Как бы то ни было, он не заслужил такого отношения.

— Очень сложно было заново привыкнуть к слугам, — призналась она. — Тут каждый мой каприз выполняют, носятся как с хрустальной. Одевают в золото и меха, ужас какой-то!

Её неловкий смех вышел слишком наигранным. Но Рик на него не повёлся.

— Ну так ты ведь действительно бесценная.

Ах, если бы...

Если бы!

— Не я, а мой ребёнок, — поджала она губы. — Не обманывайся. Это чудовище станет когда-то владыкой востока, а мне мучайся! — криво улыбнулась она, с нежностью погладив живот. — Ходить тяжело, ты бы знал! Ноги отекают до ужаса, грудь болит, а этот паразит ещё и пинается, копошится в моих органах, словно ищет там что-то! Я так устала...

Рик положил ей руку на плечо. Чуть сжал.

Эша чуть не расплакалась от этого жеста. Как же ей не хватало друга рядом на постоянной основе.

— Всё будет хорошо. Совсем скоро ты разрешишься от бремени и...

И?

И — что?!

— И, выполнив свою задачу, стану очередной птицей в золотой клетке? — покачала она головой. — С чьим мнением никто не считается, которая только номинально считается принцессой, а на деле самое бесправие существо во дворце?

— Не говори так.

— Я правду говорю.

— Диалори не станет так с тобой поступать. Так... как с ней самой обошлись.

Да.

Она не станет.

Не станет же?..

— Её Величество... хорошая. Она правда заботится обо мне... Хотя — она женщина эксцентричная, к этому непросто было привыкнуть. Но мне всё равно очень страшно, — наконец-то смогла она вслух признаться о своих переживаниях. — Лучше бы я сбежала в Тау-Ри.

— Кто бы тебе позволил это?

— Ты?

— Я?

— Ты бы помог мне сбежать?

Рик посмотрел на неё в упор.

Так серьёзно-серьёзно.

Очаровашка.

— Ты же не собираешься бросать мужа и ребенка и отправиться опять туда, где тебя никто не сможет защитить? Соколёнок, ты же понимаешь — поместье Диалори не усадьба твоего деда, где нам каждый камень был известен, каждый тайный ход, а тебя будут охранять как величайшую драгоценность. Тебе никто не позволит уйти.

Эша усмехнулась.

— Не мешай мне мечтать.

— Я просто реалист.

— Злой ты.

— Наоборот — я очень добрый. Даже не знаю — почему.

— Мне всё равно страшно, Рик. Я на него даже смотреть не могу. То ли расплакаться хочется, то ли расцарапать ему лицо. А мне с ним к алтарю идти... Я не смогу. Просто не смогу.

Не сможет.

Убежит, как только в глаза ему посмотрит. Как только вспомнит тот ужас, ту боль и унижение.

Убежит! И никто её не удержит...

— Сможешь. Ты сильная. — Ага, как же. — Сильнее кого бы то ни было. Сильнее всех, кого я знаю.

— Не ври.

— Я не вру. Веришь?

Эша обняла друга, пряча в свои слезы. Словно бы он действительно мог её защитить. Словно бы всё действительно будет хорошо.

— Дурак, — всхлипнула она. — Он попытается избавиться от меня. Обязательно попытается.

— Не успеет.

— Что?

— Не успеет. Ты же будешь всегда под приглядом ребят леди Рес. Всё будет хорошо. Диалори тебя защитит. И я — тоже. Веришь?

— Верю.

На следующий день прибыл тот, к встрече с кем она совершенно не была готова.

Лорд Наэлина Ксерай в глазах всех посторонних был крепко сложенным, статным мужчиной неопределённых лет. Взгляд его карих глаз был пронизателен и лукав, смуглая кожа золотилась в свете Шесс'Вод'е, а тонкие губы поджаты. В расшитом золотом и фамильным гербом кафтане, он выглядел величественно и властно, как и подобало главе одного из самых могущественных кланов империи.

Но Эша видела усталость в глазах деда. Видела новые морщины. Видела, как похудел он, как складка залегла меж бровей.

Дед постарел.

Сайши его уровня едва ли выглядели на тридцать человеческих лет — чем больше была магическая сила, тем дольше была жизнь и тем дольше сохранялась молодость.

Будучи ровесником леди Мии, дед выглядел так, словно бы годился ей в отцы.

Но, стоило его взгляду найти в просторной зале Эшу, окружённую служанками и гвардейцами, его лицо преобразилось. Едва ли кто-то иной заметил, как ушло напряжение из губ, как засияли его глаза.

— Как же ты похорошела, птенчик, — сказал он негромко.

И как-то грустно.

А у неё — слёзы на глазах.

Как больно.

Как сладко.

Как она скучала!

— Деда!

Эша, плюнув на все приличия, на всех, кто мог её осудить, бросилась к деду, обняла его так крепко, насколько только позволял живот.

— Когда Мия написала, что ты нашлась, и попросила твоей руки, я даже не поверил, — прошептал дед, сжимая её в ответном объятии. — До последнего не верил. А вот ты... живая, здоровая. Совсем скоро станешь принцессой...

Сдержать слёзы всё-таки не получилось.

Да она и не особо старалась...

— Я... прости меня, деда, — всхлипнула она, уткнувшись носом в кафтан, едва доставая ему до плеча. — Я так виновата...

Он взял её под руку, и они побрели по коридору — как когда-то гуляли они по собственному поместью. И на мгновение показалось Эше, что не было этих пятнадцати лет. Что не было ничего — что не успела она совершить всех тех ошибок.

Как жаль, что это было не так.

— На самом деле — я восхищён, — сказал он, спустя некоторое время, на протяжении которого они шли в тишине. — Ты сумела сбежать из поместья незамеченной и не попасться страже, а это мне раньше казалось невозможным, — дед усмехнулся. — Ты не сгинула в дороге — твои изнеженные сёстры взвыли бы спустя пару дней. Ты почти пятнадцать лет жила самостоятельно, и жила неплохо, как оказалось, раз смогла заказать сотню служб по родителям. Хотя, признаться честно, я не думал, что ты на восток отправишься. Я-то тебя сперва в столице искал, думал, за поганцем этим вслед увязалась.

— Деда... не говори так про Рика, — возмутилась Эша, но как-то слабо. — Он хороший человек.

Дед рассмеялся.

— Да верю, что хороший.

Они, тем временем, дошли до её покоев, и, повинаясь её жесту, стража осталась за дверьми, а дед проследовал за ней в комнаты. Спасибо хоть за такую приватность, к свидетелям своих бесед Эша уже привыкла, но встреча с семьёй всё же слишком личное.

Дед продолжил говорить, стоило двери за ними закрыться, а Эше наконец-то сесть на софу, о которой она так давно грезила — ноги ныли невыносимо.

— Мия рассказала, что это ему я твоей жизнью обязан. Вот только бросил ведь тебя, поганец, — воскликнул дед возмущённо. — Бросил, ради своей дурной мечты, и убирал в итоге драконий навоз. Променять на это мою внучку, да как он посмел!

...То есть даже в этой ситуации он именно что за Эшу переживал?

Она вздохнула.

Нужно срочно спасти репутацию друга в глазах деда — а то он его со свету сживёт, опыт имелся.

— Ну неужели ты глупостей не совершал?

— Да потому и злюсь я, что совершал! — Дед разместился в кресле у софы. — Точно

так же ведь в пятнадцать лет сбежал из дома, чтобы присоединиться к Владыке, — а вот об этом факте из его биографии она не знала. Разве его не специально отправили в услужение Талэ? — Я с малых лет грезил драконами, и ведь-таки стал первым со времён Прорыва всадником из дома Ксерай! Этот твой мальчишка похож на меня, и я вас обоих хотел уберечь от своих ошибок, а в итоге... — Он оборвал себя. — Переплюнули вы меня, ребяташки. Прадед твой, мой отец, грозился отречься от меня, за то что я преклонил колени перед «самозванцем», а я шёл до конца, не отказался от своих клятв. И поговорить с ним сумел лишь когда он был на смертном одре, — об этом Эша тоже не знала. Сколько ещё семейных тайн и недопониманий крылось в прошлом? — Он тоже хотел меня уберечь. Дурная наша кровь. Не удержать нас на месте. Но — и не сломить. Ты не изгнанница, Наи. Ты отрада нашей семьи, наша драгоценность. И всегда можешь рассчитывать на мою защиту. И ты, и твои дети. И спутник, которого ты выберешь.

В груди защемило.

— Ты настолько в меня не веришь?

— Нет, Наи, я — настолько в тебя верю. Жить спокойно ты не сумеешь.

Она всё-таки разрыдалась.

Это всё беременность, да-да.

Всё из-за неё.

И вот — она стояла перед алтарём.

Ни прекрасное платье, ни тончайшая мантия не могли скрыть живота. Ребёнок пинался — больших усилий требовалось, чтобы сохранить нейтральное выражение лица.

На неё были направлены взгляды сотен, тысяч глаз всех тех, кто собрался сейчас в храме Дженел, чтобы стать свидетелями бракосочетания. Казалось, весь город решил посмотреть на это. словно бы и не похоронили они совсем недавно своего любимца. словно бы не кощунственно было даже спустя положенные месяцы траура так радоваться.

У неё не было поводов радоваться.

Только ужасаться.

— Перед лицом всех богов, я прошу мудрую Дженел, плетущую судьбы, быть свидетелем моей клятвы. Я беру тебя в жёны, Наэшафи из дома Ксерай, клянусь быть рядом с тобой в горе и радости, любить и оберегать тебя и наших детей, быть опорой и защитой тебе, от ныне и до смерти.

Риен говорил, но в глазах его — угроза.

Кинжалом из горного хрусталя он разрезал ладонь, и капнул кровь в алтарный очаг, скрепляя свою клятву.

Кровь стекала по его запястью, пачкая кожу, скапливаясь в узле золотой нити, набухала каплями. Эшу замутило от её вида и запаха, но показать это она не имела права.

— Перед лицом всех богов, я прошу великую Дженел быть свидетелем моей клятвы, — сказала она негромко, забирая из рук Риена кинжал и делая точно такой же разрез на своей ладони, повторяя в точности его действия. — Я беру тебя в мужа, Риен из дома Шисэ, и клянусь быть тебе верной женой, в горе и радости, быть матерью нашим детям и хранительницей очага, от ныне и пока Саинэ не заберет душу одного из нас.

Вспыхнув, нить распалась на мириады сияющих частичек, оставив тонкую линию, опоясывавшую их запястья.

Символ их союза.

Клятва принята.

Она теперь — жена.

Жена самого ненавистного ею человека.

Боги, помогите ей...

Её, молодой *жены*, присутствие на праздничном пиру было обязательным, увы. Ни отвратительное самочувствие, ни что бы то ни было иное не было достаточной причиной для того, чтобы спрятаться от чужих глаз, чтобы оказаться наконец в тишине, в надёжности стен собственных покоев. Там, где не будет Риена.

Но она была здесь и сейчас.

Во главе стола. По правую руку от своего *мужа*.

Еда не лезла в горло, от одного её вида тошнило, хотя королевские повара расстарались. Но насладиться плодами их трудов ей было не суждено.

Зато *дражайший супруг*, кажется, решил найти истину на дне винного бокала, или просто утопиться в нём, или спрятаться от проблемы в её лице, или ещё что, она его не понимала.

Эша никогда не любила алкоголь.

Она помнила устраиваемые дедом пиршества, ему по статусу было положено организовывать подобные мероприятия. Она помнила множество пьяных мужчин, их сальные ухмылки и взгляды, помнила ссоры и драки. Помнила, как её дядю в хоте одной такой зарезали — за слишком длинный язык.

Эша не любила алкоголь.

Эша не любила пьянеть.

Эша не любила пьяных.

Эша до слёз, до дрожи, до воя боялась пьяных мужчин.

Риен же методично слева от неё именно что напивался, подзывая к себе слугу с всё новыми и новыми кувшинами. Оставалось надеяться, что леди Мия сдержит своё обещание, и ввиду её положения ни о какой брачной ночи и речи быть не может.

Если она и правда больше никогда не увидит этого человека — не особо расстроится. И уж точно ничего не потеряет...

Как забавно.

Принц был высок, статен, смуглокож, но светловолос и светлоглаз. Его тонкие черты лица выдавали высокое происхождение. Всё его поведение говорило, что о собственной власти он знал, и привык не стесняться в её использовании.

Если отбросить всё то, что она знала о принце и оставить только краткое описание в голове, то становилось очевидно одно очень забавное и грустное сходство.

Риен был похож на Рика.

Но Рик был благородным воином, бывшим Всадником, героем войны и хорошим человеком, а её *супруг*...

А её супруг внезапно захрипел, привлекая к себе внимание всей пьяной толпы. Он закашлялся, как если бы подавился, но внезапно вместо воздуха или выпитого вина изо рта его полилась кровь — густая, почти чёрная, зловонная.

Паника охватила гостей.

Король и леди Мия бросились к сыну, как и присутствовавшие больше ради Эши целители.

Последним, что она видела, прежде чем потерять наконец создание — как переглянулись дед и Рик. Но, возможно, ей это просто показалось.

Глава 26. Мия Талэ

Если быть откровенной, чего-то такого она и ожидала.

В тот самый момент, когда Паучиха решилась на радикальные действия, когда она без малейшего зазрения совести, пусть и чужими руками, но убила собственного внука, Мие стало очевидно, что и Риен не жилец.

Пусть внешне он и был невообразимо похож на отца, но натура его — совсем иная. Риен с малых лет был избалован, высокомерен и абсолютно неуправляем. И пусть его воспитанием занимались люди Заней, вышло, надо сказать прямо, не очень — более наглого, привыкшего к собственной безнаказанности и жестокого принца Восток не видел многие века. Да и на манипуляции, к удивлению, мальчишка поддавался плохо. Риен был самым настоящим живым воплощением хаоса — он делал что хотел, и даже дражайшая бабушка для него не была авторитетом.

И в какой-то момент из удобной марионетки, замены своему отцу, Риен стал угрозой.

Угрозой даже большей, чем был Леан — потому что младшенький в своей наивности и праведной жажде справедливости был невероятно предсказуем, и с ним было просто и понятно, за какие ниточки дёргать.

Риен — бешенная псина.

И хозяйскую руку он уже ни раз укусил, ввязываясь раз за разом в конфликты, последствия которых Заней приходилось потом разгребать.

Видимо, стоило замаячить на горизонте альтернативному варианту, она решилась выбросить ставшего ненужным, оказавшегося бракованным наследника.

Возможно, в этом была и её, Мии, вина.

Возможно, это тот самый ритуал по уничтожению наследия шесс'ен так подействовал на разум новорожденного Риена, безвозвратно что-то повредив в нём. Возможно, пламенная душа чуяла, что её обманули, и породила это безумие...

Других вариантов Мия просто не видела.

Хотя, может быть всему виной были века кровосмешения, когда Шисэ женились только на людях своего Дома, чтобы кровь не уходила на сторону и не плодились лишние претенденты на трон. Даже сама Заней стала женой своего единокровного младшего брата — чтобы предупредить возможные конфликты за власть. И только невероятным мастерством придворных целителей можно было объяснить, почему все эти дети инцеста рождались здоровыми и доживали до преклонных лет потом.

Для всех народов, во все времена кровосмешение было страшнейшим грехом — но только не для королевских родов людей, видимо.

Так или иначе, многие годы всё было хорошо, пока в игре не вмешалась кровь шесс'ен — именно она, видимо, своей тёмной энергией выжгла весь тот эффект, что давали методы светлых целителей... У Риена — агрессия и жестокость, конфликтность, у Леана — слабое здоровье и постоянные головные боли.

А теперь их нет.

А теперь оба её мальчика — две таблички с датами и урны с прахом склепе.

А теперь — она мать убитых сыновей.

Подступающая осень забрала у неё младшенького, и он был по-особенному прекрасен, утопая в цветах. Грядущая весна забрала старшего.

И к нему не шли такие толпы.

За него не плакали юные девы и Серые Сёстры.

По нему не скорбел народ.

Но, несмотря ни на что, Мия — скорбела. И пусть пока хоронили её дитя, она сжимала руку своей невестки, у которой от переживаний начались преждевременные роды. И пусть её взгляд, не имевший права наполниться слезами, раз за разом цеплялся за *черную* нить на запястье. И пусть она не была рядом со своим мальчиком, когда Серые Сёстры готовили его тело к погребению, а Лирен допрашивала слугу, из чьих рук сынок принял отравленное вино.

И пусть она была отвратительной матерью.

Она — рыдала.

Просто — где-то в глубине своей души.

Роды Наэшафи проходили тяжело. Целители говорили, что ребёнок был крупным, оттого и все беды. Бедняжка металась в горячке, рыдала, сорвала голос в крике... Мия помнила собственные роды, как она страдала, как только целители присутствовали, да Заней. И никто не пытался облегчить её участь. Может, ждали, что она умрёт и всем облегчит тем жизнь...?

Как бы не так!

Мия позволяла Наэшафи до хруста сжимать свою руку — потому что ей никто этого не позволил. Сломает кость? Пускай! Если это поможет родиться её внуку — пускай! Если девочке поможет это хоть чуть-чуть отвлечься от собственных мук — пускай!

...На горизонте забрезжил рассвет, когда наполненную полумраком комнату разрезал детский крик.

Мальчик.

Здоровый.

Внук.

Её, Мии, внук.

Так себя чувствовали мужчины, став отцами? Ошеломлённо, растерянно, но — бесконечно счастливыми?

Наэшафи лежала в забытии, вся комната пропахла кровью, потом и ужасом, но всё это было не важно. О юной матери заботились целители. Они же забрали у Мии младенца, чтобы отмыть его от крови и слизи, перевязать пуповину и запеленать, и обратно вернуть его королеве.

Держа в руках своё маленькое сокровище, что, растерянно моргало своими голубыми, совсем как у неё, глазами, Мия чувствовала внутреннюю дрожь. Вот оно, её продолжение, с тёмным пушком на голове и смуглой кожей, с, несомненно, тёмной сай'и, окутывавшей его.

Это дитя было шесс'ен.

Не человеком.

Приговор дому Шисэ.

Триумф дома Талэ.

И — Ксерай.

Младенец был таким хрупким, таким... маленьким, беспомощным. Ничего не весящим. Мие было страшно — она же могла уронить, слишком сильно сжать, навредить...

Но не имела права.

Она держала у себя в руках будущее огромной страны. И она будет оберегать его до

последней капли крови.

— Ну здравствуй, мой дорогой... — прошептала она, покачивая младенца. — Твоя мать дала тебе имя Наэлина. Будет тебе покровителем один из твоих давних предков, да, кроха? — со стороны Наэшафи послышался едва осмысленный, по явно утвердительный звук. Мия поднесла ребёнка к ней, положила ей на грудь. — Ты молодец, девочка. Всё будет хорошо.

Наэшафи выглядела измотанной и едва осознающей происходящее. Она что-то бормотала, но разобрать это не получалось — у девушки слишком заплетался язык. Мия гладила её по голове, желая своими прикосновениями забрать боль и печаль.

— Я хочу домой, — наконец услышала она.

— Ты дома, дитя.

— *Домой...*

О, Мия тебя прекрасно понимала, дитя. Она тоже была лишена этого дома долгие, долгие годы. И поместье было не более чем резиденцией. Ведь там её никто не ждал. Никогда — не ждал. Дом остался где-то там, на сожжённом братом острове, под небесами другого мира, под чужим светилом.

Она всегда была здесь чужой.

И девочка была обречена на то же.

Бедняжка.

Мие не было стыдно, что она отсутствовала на церемонии прощания с наследником.

Она просто не могла.

Не могла.

Не могла видеть и второго своего сына мёртвым. Не могла осознать, что всё, что никогда больше этот заносчивый мальчишка не натворит ничего, что никогда не больше ей не придётся краснеть за него, что нигде больше...

Никогда.

Её приговор.

Её судьба.

Её ноша.

И ей нести её, с гордо поднятой головой и маской невозмутимости на лице.

И только Заря, её прекрасная мудрая Заря понимала боль Мии. Не было во всей Иане матери, что похоронила больше своих детей, чем эта драконица. Они обе в глазах остальных — древние дети пламени, живой огонь, могущественный и беспощадный, заключенный в плоть, скованный ею. Матери, отдавшие своих детей войне и интригам.

Но, боги, за что ей всё это выдалось?

Сколько ей ещё придётся вытерпеть?

Много.

Мия не имела права на слабость. Она была опорой и защитой своей невестки и внука. И никто в целом мире не осмелится встать между ними и замыслившей недоброе Заней, кроме неё.

Разве что лорд Ксерай, её и Лирен добрый старый друг Наэлина, был способен на это, но кто бы ему такое позволил? Его голос имел вес, конечно, даже на Востоке, но в противостоянии двух королев посторонним вмешиваться было чревато. И если раньше этот конфликт был основан на разных взглядах, носил идеологический характер, то теперь же...

Теперь это личное.

И если до узаконивания происхождения её внука Мия не могла как-либо действовать, то сейчас ей было нечего терять. Толька Наэшафи и малыш Наэлина, но уничтожение Паучихи — залог их спокойной жизни.

Иначе никак.

Ни о каком поминальном пире, слава богам, и речи быть не могло, в таких-то обстоятельствах.

Нахождение в дворце, а не в своей резиденции, конечно, нервировало — Мия привыкла полностью контролировать ситуацию, а сейчас, в этом здании было целых двое людей, которые могли оспаривать её решения. И, что важнее, одна из них не стеснялась этим регулярно заниматься.

Заней удивительно хорошо, даже для себя, играла удивление, шок и даже какое-то отчаянье. Если бы Мия не знала эту гадину так долго, то решила бы, что всё происходящее шло вразрез с её планом, но такое предположение даже звучало бредово. Чтобы под носом у Паучихи кто-то плёл интриги, да без её ведома? Скорее Очи взойдут утром на западе, чем такое случится.

Но Заней делала несвойственные себе вещи, совершала ошибки, и это пугало — непредсказуемость её действий было по-своему предсказуема, и паническая хаотичность из этого выбивалась ой как сильно.

И если попытка отобрать младенца, чтобы провести над ним тот де ритуал, что *искалечил* когда-то её, Мии, детей, ещё хоть сколько-то укладывалась в канву её поведения, то вот то, что Заней посмела обвинить в убийстве Риена Веарди — уже нонсенс!

Но ведь-таки обвинила!

На глазах у всех!

Благо, Вейли хватило ума заткнуть мать и сгладить углы зародившегося конфликта — что-что, а выступать миротворцем он умел, чтобы про него его мать не считала.

А Вейли, оказывается, был свидетелем того разговора их сына с племянником, и, как оказалось, Риен угрожал расправой своей невесте, а Веарди же заступился за Наэшафи, заявив, что стоит только упасть волоску с головы девушки, как принца скормят Цаишу. Конечно, весьма мальчишеское заявление, убийство наследника дело наказуемое, но если бы это было в раках дуэли чести, то ничего в этом удивительного не было бы, в конце концов Веарди спокойно мог и имел право заступиться за сестру по вере, да и состояли Ксерай пусть и в очень отдалённом, но родстве с Талэ.

Казалось, Заней даже сумела вовремя опомниться — обвинять в чём бы то ни было драконьего всадника, да ещё и наследника Юга тоже было ой как чревато, а ссориться с Эзареном Востоку сейчас было крайне невыгодно.

Быть может, если бы большинство гостей её поддержало, то это могло и сработать, но у дражайших лордов инстинкт самосохранения ещё не окончательно отсох и они решили сохранить нейтралитет или робко высказаться в защиту Веарди, хотя таких было и не особо много.

Ну или слава того, кто сжег Хэлисс бежала впереди него, и связываться с ним просто боялись.

Ну, или всё вместе — тоже вариант.

Так или иначе, все обвинения Веарди опроверг, страшно оскорбился, давая Заней

понять, что она обрела врага в его лице и вообще дура, подхватил под руку жену, забрал своих гвардейцев, включая того блондинчика, что просил за Наэшафи когда-то, и покинул дворец, отправившись в поместье Мии.

Блондинчик, именуемый дае Феаном, этому, кстати, был явно недоволен — он, по всей видимости, хотел бы остаться рядом со своей рожаящей подругой, чтобы обеспечивать ей безопасность, но оспаривать решения своего принца мальчик не стал, умничка. Сразу видно выучку всадников — те в неформальной обстановке могли быть хоть какими разгильдяями, но когда ситуация накалялась, они теряли всю свою придурь, становясь собранными и дисциплинированными. И даже личное они бы не поставили выше долга.

А для дае Феана Наэшафи была личным, безусловно.

Себя-то он мог до бесконечности обманывать, считая её названной сестрой, и Мия могла бы в это поверить, но глаза у неё имелись, и голова на плечах, чтобы сложить два и два.

Главное, чтобы детишки не натворили бед.

А то этот Рик очень уж горел вопросом справедливости и был скор на решения... Наверное, именно таким бы вырос Леан, если бы ему дали на это время.

Но Леан лежал прахом в погребальной урне, дае Феан защищал своего господина и его жену, Вейли пропадал неизвестно где и, вероятно, занимался официальной частью церемонии похорон, а Наэшафи была под опекой Мии, и вместе с ребёнком перевезена в её поместье. Уж сюда, в логово взбешённой драконицы, в чьей семье появилось пополнение, ни один даже самый безумный и бесстрашный убийца не сунется.

Она тогда не знала, что один-таки, на свою беду, найдётся.

Спустя несколько дней этого безумия, сидя в саду, в своей любимой беседке, Мия смотрела на звёзды и ощущала, как боль вновь раскалённым обречем охватывала её голову — это ощущение слишком редко покидало её в последнее время, но отвлекаться на это времени просто не было, как и на то, чтобы жалеть себя.

Наверное, если бы рядом не было Руни, она просто сошла бы с ума.

Присутствие брата и его дракона успокаивало.

Да, полетать и расслабиться сейчас было невыполнимой мечтой, но дорогого стоило уже одно то, что рядом был тот, на кого можно было положиться, в чьей надёжности не приходилось сомневаться, и, случае чего, он мог дать моральную оплеуху и привести её в чувство.

Конечно, всё это могла сделать и Лирен, но она сейчас была слишком занята расследованием смерти Риена.

Слугу, конечно, казнили — других убийц так и не было найдено, а народу надо было показать, что подобные выходки казались с особой жестокостью.

Однако, Грифы успели его, этого слугу, допросить. Как оказалось, с разумом мальчонки кто-то поработал. Всё бы ничего, если бы не выяснилось, что подчёрк менталиста был тот же, что и наблюдался у расерийских работарговцев полгода назад. С тех пор неизвестный мастер разума, по всей видимости, оказывающий свои услуги за деньги и очень нелюбящий Умэ-Дио и его правящую семью, не проявлял себя. Вплоть до смерти Риена.

Теперь его поисками занимались и её, и королевские Грифы — бесхозные мастера разума, особенно умеющие работать с чужими воспоминаниями или даже внушать что-либо своим жертвам были товаром штучным, ценным и до безумия опасным.

Если Заней успеет найти его первым — в её руках появится исключительное оружие, потенциально способное потягаться в смертоносности с драконами. Если не хуже...

Если его первой найдёт Мия — уничтожит.

За сына.

За обоих сыновей.

За всех, пострадал по вине этой твари.

Но сначала нужно было поймать вредителя, а только потом размышлять, как бы отправить его в залив, рыб кормить. Поспешность решений ещё никому не помогала.

— Твой внук очарователен.

Руни появился совершенно внезапно, словно бы соткался из ночной тьмы, ещё более бледный в своих сине-чёрных одеяниях. Одни только рыжие глаза пылали, совсем как у Тагуша — сразу видно, что прошлое воплощение Руни и этот дракон были родными братьями.

Брат уселся рядом, положил руку на плечо.

Он ни единого слова утешения не сказал ей, не унизил её своей жалостью. Единственный из всех, пожалуй. Ведь, в конце концов, ей не жалость и сочувствие нужны были, а возмездие.

Мечь.

Точно так же Руни когда-то без единого слова жалости или осуждения полетел вместе с Магни в степь — наказать тех, кто убил его детей и жену.

Точно так же он стоял молчаливой тенью рядом с Араном, на чьём лице, казалось, навсегда застыла маска равнодушия, и рыдающей Сатин, когда они хоронили первенца. Младенец был здоровым и крепким, но вот только было слишком много желающих навредить семье Владыки и причинить боль ему если не напрямую, то хотя бы косвенно. После того случая а'вэди и Сатин ещё долгие годы не решались заводить детей — пока всякое инакомыслие не было задавлено, пока вся империя не склонилась перед своим Шесс'Алори, пока не были уничтожены все возможные угрозы для Талэ, насколько это было возможно.

В конце концов, Мия не первая из их семьи, кто похоронила своих детей.

Руни в принципе был единственным из её братьев, кто не разделил этот горький рок, постигший их всех. Наверное, память о бытии драконов, о собственной жестокой смерти отбивала всякое желание обречь себя на подобное наличие слабостей.

Ну или просто Руни из них был самым умным.

Или хитрым.

— Похож на свою мать, — улыbnулась Мия наконец, а в голове у неё тут же всплыл образ растрепанной, но уже явно намного лучше себя чувствующей невестки. Девчонка отказалась от кормилицы, заявив, что её молока ребёнку точно хватит и никому постороннему она своё дитя не даст.

Интересно, если бы у Мии хватило бы духу так же себя вести, всё было бы иначе? Если бы она сама кормила своих детей, или бы она их воспитала?

Так или иначе — за обманчивой мягкостью внешности крылся стальной характер. Теперь Мия видела в ней внучку Наэлины.

Он, лорд Ксерай, порывался остаться в Диорене, но только разговор с Наэшафи заставил его спешно покинуть город и направиться в свои земли. Приближалась буря, и девочка хотела максимально обезопасить свою семью — Мия её прекрасно в этом понимала,

поддерживала, и внутренне умилялась, особенно в свете того, что теперь в категорию семью тоже входила. Любимая свекровь, как-никак.

— Заней в бешенстве, — невзначай сообщил брат, отвлекая Мию от её мыслей.

Ну кто бы сомневался!

— А её к младенцу никто и не подпустит, — оскалилась она, вдыхая холодный ночной воздух и потеплее кутаясь в меховую накидку. — Это мой внук, моя кровь. Но да, подпортили мы династию Шисэ... Семнадцать поколений человеческой крови — и крохалишен всё перечеркнул. Уже его люблю.

С каждым словом перед ней появлялось облачко пара — это только днём, под светом Очей, снег начинал таять, а вот в тёмное время суток лёд снова сковывал всё.

С удивлением Мия поняла, что у неё окоченели пальцы.

Стареет, что ли?

— Какая ты добрая.

— Какая есть.

Какая есть.

Другой уже не будет.

Не будет.

Ничего уже не будет...

Внезапно, в звёздном свете, Руни показался ей тоже постаревшим. Сайши их уровня едва ли могли заработать морщины, но, тем не менее глубокая складка залегла меж его бровей — не слишком ли часто брат стал хмуриться?

Да, поводов для радости у них было не то что бы слишком много, но терять позитив в их случае было смерти подобно. И вообще, за уныние в их семье отвечала именно она, Мия. Ещё с самых давних пор.

— Я так устал, сестра.

Его голос звучал обречённо.

Как же она его понимала...

— А кто из нас не устал?

— А'вэди?

— А вот он-то как раз больше всех устал, братец, — её усмешка вышла чересчур горькой. — У каждого из нас на шее ярмом весит по королевству, у него же — вся империя. Боюсь предоставить, как сильно болит у него голова.

Если у неё-то она, казалось, сейчас расколется пополам.

— У а'вэди есть Сатин. А мы — одни.

— Я, вообще-то, замужем.

— И сильно тебе это помогает? — озвучил Руни её собственные рассуждения, прекрасно поняв, что её слова были не более чем формальностью. — Или всё-таки скорее мешает?

Да, брат всегда её понимал.

Все братья...

Но в какой момент это изменилось? Когда а'вэди отдалился от них всех? Когда её собственный близнец перестал быть её половиной, когда его мысли и стремления стали для неё загадкой?

— Я не хочу об этом говорить.

— Когда мы по дороге к прекрасному светлому будущему свернули не туда? Когда мы

стали столь несчастны?

— Наверное, когда выбрали брата, — пришлось признать.

— Или он — выбрал нас?

— Какая разница... Мы стали Талэ — и это нас уничтожило.

— Очень хочется думать, что мы и Сатин тот фактор, который не дал а'вэди стать чудовищем, но...

— Но от-таки стал, да? Как и каждый из нас. Мы все стали тем, кем нас малевали враги. Стали тем, кого боялись. Но поворачивать назад, каяться и сдаваться поздновато, тебе не кажется?

— Я хочу домой.

— Девочка так же говорила.

— Умная у тебя невестка... Береги её.

— Обязательно.

Вся магия семейных посиделок с братом рассыпалась в тот миг, когда Заря по связи сообщила о том, что в поместье пробрались незваные гости. Мия и сама почувствовала, как рухнул под натиском чужаков казавшаяся ей раньше нерушимым защитный барьер.

Руни тоже почувствовал это. Брат подобрался, положил руку рукоять покоившегося в ножнах меча.

— Любой ценой защитите мою невестку и её ребёнка, — приказала Мия окружившим её гвардейцам, чей настрой оберегать именно её был более чем очевиден.

— Но Ваше Величество... — впервые за все годы её брака возразили те ей возразили.

— Вам не ясен мой приказ? — вспыхнула она. — Я могу за себя постоять, сейчас здесь будут Заря и Тагуш, со мной находится мой брат, а Наэшафи и мой внук беспомощны. Потому. Я сказала. **Защищать их до последней капли крови!**

Наконец, они остались одни, посреди сада.

Ярость и негодование клокотали в груди Мии — как эти неизвестные посмели только сунуться на её территорию?!

Потом к этому примешалось то, чего она не ощущала очень, очень давно.

Предвкушение.

Предвкушение битвы.

Предвкушение крови.

Она — драконица, защищающая своё гнездо. Она — глава своей семьи, королева, она будет стоять до конца. Но знают боги, как она соскучилась по тяжести меча в руке. Ежедневные тренировки не давали этого ощущения.

Она — хищник.

И сунувшаяся на её землю добыча сейчас очень пожалеет о своём решении.

...Вот только, когда она и Руни примчались на звук боя, чтобы застать трупы нескольких гвардейцев Мии и — внезапно — дворцовых стражников, они увидели, что нападавших возглавлял бледный, залитый чужой кровью и взбешённый чем-то Вейли.

Вот с этой стороны предательства она не ждала, признаться. Только многолетний опыт не позволил Мие запнуться от шока.

— Ты что творишь? — прошипела она мужу, когда, тот налетел на неё, метя своим клинком ей куда-то в живот, но она успела парировать этот выпад и отбросить мужчину на несколько метров от себя.

В своих массивных доспехах, да и при всём своём немалом росте, Вейли был тяжёл. Но и она не дура — полагаться только на грубую силу не было смысла, когда в игру можно было включить аши. Сайши она или кто? Хотя, при прочих равных условиях, даже будь она тоже в своём доспехе, Мия всё равно имела бы преимущество. Шесс'ен были от природы сильнее и быстрее людей, такими уж их создал Страж когда-то.

Всё осложнялось тем, что, в отличие от своего свихнувшегося супруга, она своего противника убивать не собиралась. А сохранить жизнь в бою намного сложнее, чем просто прибить наглеца.

Руни в это время сражался с оставшимися приспешниками Вейли, не давая им вмешиваться — но и помощи от него ждать было бессмысленно.

— Ты убила её! — прохрипел Вейли, поднимаясь.

Ему на это понадобилось некоторое время, но, всё равно, намного меньше, чем обычному человеку.

Странно.

Мия никогда раньше не сходилась в бою с мужем, даже в тренировочном, но знала, что сайши он не был, возможности его были как у среднестатистического обученного человеческого воина. Но то что он показывал сейчас — выходило за эти рамки.

И это пугало.

Неужто неизвестный мастер разума решил вмешаться ещё раз?

Или кто-то ещё?

— О чём ты? — попыталась достучаться до него Мия. Нужно же ей было понять, какого Веа эти идиоты решили сунуться к ней в гости. И помяните её слово — если хоть кто-то из её подопечных пострадает, она заставит Зар сжечь виновником, и плевать ей на их души.

— Ты убила её! Мою Лию! Моих сыновей! — каждое слово Вейли сопровождалось ударом, от которого Мия, лёгкая и ловкая, успевала увернуться. — Ты! Это всё ты!

— Вейли, успокойся! Объясни, в чем дело.

Она не теряла надежды образумить его, хотя было очевидно, что это бессмысленно. В своей ярости человек будет идти до конца.

И... Вейли что-то говорил про Лию. Уж не про свою ли фаворитку?

— Ты приносишь только смерть! Ты меня обманула! Ты же обещала... Обещала!

В очередной раз уходя от удара, Мия нанесла собственный, по коленям. Мужчина потерял равновесие, ещё одного толчка было достаточно, чтобы он упал.

Но вставать он уже не спешил.

В темноте пахло прелой листвой, кровью и речной тиной.

— Вейли!

Мужчина не ответил.

Приблизившись к нему, Мия увидела, как возле его головы расплзалась лужа крови, казавшаяся совершенно чёрной. *Она же не просто так всегда говорила своим теням носить шлемы.*

На Вейли шлема не было.

Был камень.

Камень. На который тот упал.

Как глупо...

— Ты убила Лию... — прошептал Вейли, и, затрещав, никогда не бывшая крепкой, связывавшая из золотая нить оборвалась.

Мия с непониманием смотрела на чёрную линию, опоясывавшую её правое запястье. Только что эта линия была отвратительно-жёлтого цвета. Теперь — как росчерк чернил, как глупая шутка, как бред, как...

Как?!

— Мия.

Руни появился рядом. Стало быть, с стражниками покончено. Брат быстро оценил ситуацию и, вздохнув, обнял её.

— Забирай детей и улетайте.

— Куда?

— К Магни. Я разберусь.

Женщина ощущала, как невыносимо ныло сердце. Как кричала и плакала её душа. Почему всё это происходило с ней? Почему она должна была переживать всё это? Неужели действительно — расплата за их выбор?

— Руни...

— Я разберусь, — повторил брат. — Всё будет хорошо.

Мия слышала, как громко, заполошно билось его сердце.

Мия знала, как звучала ложь.

Ничего не будет.

Глава 27. Рина Цешши

Год назад, мысленно готовясь отдать душу Саинэ, стоя по колени в до судорог холодной воде, Рина и представить себе не мог, как сильно изменится его жизнь в ближайшем будущем.

И пусть он почти не сомневался, соглашаясь на предложение принца остаться в Ваккеш Ати, Рина не верил, что настолько крутые повороты судьбы в принципе были возможны. Но боги, по всей видимости, имели на него какие-то свои планы, других объяснений, почему в орден тёмных сайши взяли светлого, не было.

Год назад Рина не знал, куда ему податься, не знал, чем будет ужинать на следующий день и будет ли в принципе. Вообще не был уверен, доживёт ли до заката — приграничные леса казались тем ещё местечком. Он был разбит смертью наставника, потерян, сломлен. Рина не знал, чего от жизни, собственно, хотел.

Теперь он носил черные одежды Вакке, расшитые зачарованными нитями кафтаны и мантии, а на его груди красовался серебряный медальон в форме вороньего черепа, символ его принадлежности к ордену. Теперь он был одним из тех, кто присягнул на верность Шессо'Цаали, кто должен был быть готов биться за него до конца. И он — был.

За своего Повелителя.

За его семью.

За своих братьев и сестёр.

Да, ему, светлому сайши, никогда было не стать Всадником, и вовсе не из-за человеческого его происхождения — его энергетика была не совместима с драконьей, он просто не смог бы создать связь с кем-то из крылатого народа, а без неё всё было бессмысленно... Но и без Рины Всадников хватало, а потому причин для печали не было.

И Рина был счастлив.

Был счастлив учиться, видеть, как раз за разом у него получались всё более и более сложные печати и техники, как росли его теоретические знания, как он сам становился из неоперившегося птенца — взрослой хищной птицей.

После дня рождения императора принц покинул А'Ксаан, направившись в очередное странствие, и делами в поместье, в том числе и орденом, снова управляла госпожа Расери.

И ему, почему-то, принцесса уделяла особое внимание.

Расспрашивала об успехах наставников, а порою и сама объясняла что-то, что те донести до него не смогли. Как оказалось, принцесса до недавних пор была единственной светлой сайши в поместье. Он стал вторым. И она была рада поделиться какими-то специфическими знаниями, бесполезными для тех же шесс'ен. А такие оказались, и не мало!

...Этот странный, полный впечатлений год пролетел незаметно.

И, хоть на Севере всё было спокойно, империя бурлила. Сначала резня и мятеж в Хэлиссе, потом — внезапная смерть младшего принца Востока, и, полгода спустя, когда народные волнения поутихли, новая беда — убийство принца Риена на его же свадьбе. А уж что за неведомые события произошли в поместье Диалори, никому доподлинно не было известно.

Зато было известно, к чему они привели.

Согласно официальному заявлению Его Королевского Высочества Руни, Вейли Шисэ напал на него и Диалори, когда те прогуливались по парку. Как старший брат, король Руни

отослал сестру с частью гвардейцев в усадьбу, велел ей забрать младших и бежать, а сам вместе с оставшимися гвардейцами принял бой, в результате которого король Вейли погиб. Король Руни принёс народу Востока свои извинения, но, по его словам, поступить иначе он не мог, ибо защищал свою сестру и её семью. Но в качестве жеста своего раскаянья он отрёкся от трона в пользу своего наследника, принца Девона, и ушёл в добровольное изгнание.

На этом всё могло бы и закончиться благополучно, но причины поведения короля Вейли были неясны, и Диалори, нашедшая убежище под крылом другого своего брата, на Юге, отказалась возвращаться, уверенная, что на Востоке ей, её невестке и внуку угрожает опасность, в том числе и от королевы-матери, которая после смерти сына узурпировала трон и была настроена мстить.

Заней обвинила Север в убийстве своего сына и его наследников, и даже отречение Руни делу не помогло. Королева объявила о своём праве на кровную месть, и даже Владыка в исполнении древнего обычая вмешаться не мог.

Произошло наконец то, предчувствие чего годами витало в воздухе. Кто-то вздохнул с облегчением, потому что не нужно было прятаться за масками лживой любезности, кто-то потирал ручки в ожидании скорой наживы, но большинство населения обеих стран просто замерли в ужасе.

Восток объявил войну Северу.

Принцу пришлось срочно возвращаться на в Кса Цаали, чтобы принять власть и защитить свою землю.

Коронация была организована в кратчайшие сроки. Казалось, лорды только и ждали того момента, когда смогут называть своего Шессо'Цаали Владыкой без приставки «юный».

Вместе с повелителем в столицу прибыла его сестра с учениками. Рина слышал о мятежной принцессе, что отказалась от своего титула и сбежала на Леду, несогласная с действиями своего отца. Реальность оказалась намного интереснее слухов и домыслов.

Повелитель дал сестре титул принцессы севера, но отправил её учеников в Ваккеш Ати, а её саму оставил подле себя, назначив своей правой рукой.

Конечно, Рина ожидал, что его, как и многих других молодых сайши заберут на войну, но и здесь он ошибся.

Вернувшись ненадолго в поместье, уже король Девон вызвал его на разговор, в ходе которого окончательно решилась его судьба. Несмотря на юношескую свою горячность, Рина должен был остаться в Ваккеш Ати, ибо Повелитель доверил ему самое дорогое — защиту королевы.

Ему предстояло стать её тенью, какой был идо Диасси для самого короля. Приказ смутил до невозможности, но оспаривать его Рина не имел права, а потому, молча поклонившись, повиновался.

Повелитель знал, кому доверить защиту своей супруги — Рина скорее шагнул бы под драконье пламя, чем позволил бы ей навредить.

Возможность проводить рядом с королевой практически круглые сутки заставляла сердце трепетать. Он знал, что его очарованность чужой женой не доведёт до добра, что она рано или поздно его погубит, но он ничего не мог с собой поделать.

Несмотря ни на что, Рина мог сказать одно.

Он был счастлив.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Немного о терминах

Вэди — брат;

Шати — сестра;

А' — приставка, обозначающая старшинство или усиливающая смысл слова;

И' — приставка, обозначающая младшинство;

И'шати — младшая сестра;

А'шати — старшая сестра;

И'вэди — младший брат;

А'вэди — старший брат.

Тие — Наставник, Учитель, Мастер;

Дае — Мастер (как титул);

Сие — ученик;

Вэсие — соученик;

Шасие — соученица;

А'вэсие — старший соученик;

И'вэсие — младший соученик;

А'шасие — старшая соученица;

И'шасие — младшая соученица.

Сай'и — эквивалент европейской *магии*; энергия, используемая при наложении заклинаний, требующая использования дополнительных фокусирующих артефактов (перстней, посохов, татуировок);

Аши — эквивалент азиатской *ц и* (и ли *Силы* из Звездных Войн); энергия, пронизывающая весь мир, все живое и неживое;

Сайши — боевой маг, использующий аши для усиления собственного тела в сражении;

Сай'нел — маг, использующий только сай'и.

Шесс'ен — «драконий народ», раса, населяющая мир А'Ксаан.

Цав'ен — «замерзший народ», раса, населяющая мир Цаверба.

Лед'ен — «спящий народ», раса, населяющая мир Леда.

Нет'ен — «снежный народ», раса, населяющая мир Нетал.

Рит'ен — «водный народ», раса, населяющая мир Аритум, амфибии.

Шесс'Баа — «Драконья земля», самоназвание Аксаанской Империи.

Умэ-Дио — Восточное Королевство.

Умэ-Элио — Западное Королевство.

Умэ-Хэли — Южное Королевство.

Умэ-Цаали — Северное Королевство.

Цишен — северные шесс'ен.

Дишен — восточные шесс'ен.

Элишен — западные шесс'ен.

Хелишен — южные шесс'ен.

Имена шесс'ен состоят из личного имени, родового имени (фамилии семьи) и кланового имени (название клана), например: *Руни Ша Риш* — *Руни из семьи Ша клана Риш*.

Обращаться и представляться принято по родовому имени, по личному имени же обращаться могут только самые близкие.

У кровных членов клана родовое и клановое имя совпадают, например: *Девон Талэ*.

Идо — молодой господин/молодая госпожа — вежливое обращение к не состоящей в браке персоне. Обращаясь к близкому другу, к «идо» прибавляют личное имя, подчеркивая и неформальность отношений, и свое уважение; в остальных случаях обращаются по родовому имени;

Фре — господин/госпожа, уважительное обращение к состоящей в браке персоне.

Саи-ри — родственная душа, наивысшая степень духовного родства. По легенде, две родственные души создаются одним богом из одного потока энергии. Товарищи, самые близкие по устремлениям. Могут вступить в брак, могут сохранить платонические и дружеские отношения. Препятствовать общению двух саи-ри — преступление. Саи-ри знатных господ получают те же права, что и их родственных души и считаются частью семьи.

Немного об основных персонажах

Императорский Дом Талэ:

Аран Талэ — Император Аксаанской Империи, Драконий Владыка, сильнейший сайши из своих современников, шесс'ен, 114 лет.

Сатин Талэ — Императрица, жена и ученица Арана, шесс'ен, 106 лет.

Мия Талэ — Королева Востока, жена Вейли Шисэ, младшая сестра Арана, шесс'ен, 98 лет.

Магни Талэ — Король Юга, младший брат Арана, близнец Мии, шесс'ен, 98 лет.

Руни Талэ — Король Севера, названный младший брат и саи-ри Арана, шесс'ен, 99 лет.

Арека Талэ — Первая принцесса Аксаанской Империи, старшая дочь Арана и Сатин, шесс'ен, 27 лет.

Хани Талэ — тайный незаконнорождённый сын Ареки, шесс'ен, 6 лет.

Девон Талэ — Наследный принц Севера, ученик Руни, Первый принц Аксаанской Империи, старший сын Арана и Сатин, близнец Ареки, шесс'ен, 27 лет.

Джейа Диасси — Саи-ри Девона, его лучший друг и телохранитель, шесс'ен, 27 лет.

Ола Расери — Аксаанская и Ледианская принцесса, жена Девона, лед'ен, 25 лет.

Алаи Талэ — Аксаанская и Цаалийская принцесса, дочь Девона и Олы, младшая Наследница Севера, шесс'ен, 5 лет.

Веарди Талэ — Наследный принц Юга, Второй принц Аксаанской Империи, средний сын Арана и Сатин, шесс'ен, 23 года.

Никко Талэ — Вторая принцесса Аксаанской Империи, младшая дочь Арана и Сатин, шесс'ен, 19 лет.

Шани Талэ — Наследный принц Аксаанской Империи, младший сын Арана и Сатин, шесс'ен, 15 лет.

Королевский дом Шисэ:

Вейли Шисэ — Король Востока, муж Мии, человек, 47 лет.

Заней Шисэ — Королева-Мать Востока, мать Вейли, человек, 95 лет.

Риан Шисэ — Наследный принц Востока, старший сын Вейли и Мии, человек, 25 лет.

Леан Шисэ — Второй принц Востока, младший сын Вейли и Мии, человек, 20 лет.

Прочие герои:

Цонора Цоасси — Цавербийская царевна, невеста Веарди, цав'ен, 17 лет.

Адэн Тиори — Глава школы Тау-Ри-Эвен, наставница Арана и Ареки, шесс'ен, 427 лет.

Мару Тиори — бастард последнего короля Тиори, один из генералов Севера и преданных сподвижников Арана, Лорд-Защитник Талурена, шесс'ен, 85 лет.

Рина Цешши — странствующий сайши, человек, 19 лет.

Рик Феан — мастер-сайши, Драконий Всадник, человек, 30 лет.

Эша — мастерица-рукодельница из Диорена, шесс'ен, 29 лет.